

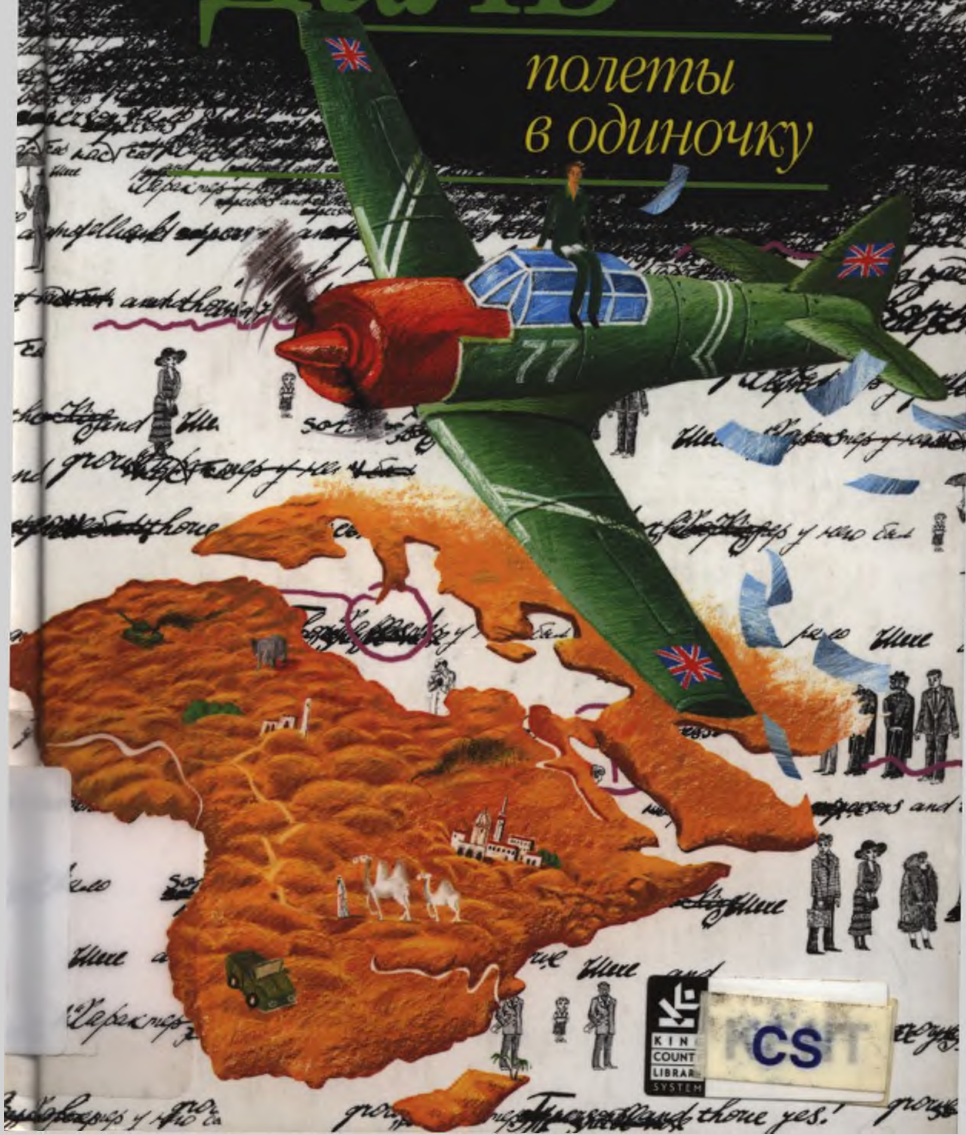
KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

2030426213

РОАЛД ДАЛЬ

полеты
в одиночку

KING
COUNTY
LIBRARY
SYSTEM

CS

yes!
The quabore

The quabore
socherty

The quabore
The quabore

and there yes.

The quabore
The quabore

have yes.

yes!

yes!
The quabore

yes!
yes!
yes!

yes!
yes!

yes!
yes!
yes!

роальд даль

~~My grandfather's~~ ~~father~~ ~~was~~ ~~writing~~ ~~the~~ ~~words~~ ~~and~~ ~~those~~ ~~yes!~~

ЗАХАРОВ

roald dahl

and yes!

stea

4

and

and!

and

and

and

and

and

and

and

and

and

and

and yes!

and yes!

Going Solo

and yes!

роальд
даль

Author: Dahl, Roald

Title: Polety v odinochku

ЗАХАРОВ

Москва

2003

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM, WA

УДК 820-311.2
ББК 84-4 Вл
Д 15

Roald Dahl
GOING SOLO
1986

ISBN 5-8159-0266-7

© Roald Dahl, автор; www.RoaldDahl.com
© Ирина Кастальская, переводчица, 2003
© Григорий Златогоров, художник, 2003
© Игорь Захаров, издатель, 2003

В жизни каждого из нас не так уж много значительных событий. В основном она наполнена мелкими повседневными делами и происшествиями. А посему к жизнеописанию необходимо подходить предельно избирательно и, чтобы не наскучить читателю описанием малозначащих фактов, надо сосредоточиться на тех, о которых сохранились самые живые воспоминания.

Первая часть этого повествования служит продолжением рассказа о моем детстве, описанном в книге «Мальчик». Я направляюсь в Восточную Африку на первую в своей жизни должность, но в повседневной работе мало захватывающих событий, поэтому я расскажу лишь о тех моментах, которые глубоко засели в моей памяти.

Во второй части этой книги, где описывается моя служба в ВВС, мне не пришлось выбирать или отбрасывать отдельные эпизоды, так как каждый момент — во всяком случае, для меня — был незабываемым.

Р.Д.

В ДАЛЬНИЕ КРАЯ

Судно, увозившее меня из Англии в Африку осенью 1938 года, именовалось пароходом «Мантола». Это была давно не крашенная, облезлая старая посуда водоизмещением 9 000 тонн, с единственной высокой трубой и вибрирующим двигателем, от колебаний которого дребезжала посуда в кают-компании.

Нам предстояло двухнедельное путешествие из порта Лондон в порт Момбаса с заходом в Марсель, на Мальту, в Порт-Саид, Порт-Судан и Аден.

Теперь до Момбасы можно долететь всего за несколько часов, и в этом нет больше ничего волшебного и сказочного, но в 1938 году такое странствие походило на длинную вереницу камней, по которым переходишь поток, да и путь из дома до Восточной Африки был долгим, особенно если по договору с «Шелл Компани» тебе предстояло провести там целых три года.

Мне было двадцать два года, когда я туда отправился. Мне будет двадцать пять лет, когда я снова увижу своих родных и близких.

Больше всего в том путешествии меня поразило странное поведение моих попутчиков. До этого мне ни разу не приходилось сталкиваться с этой особенной породой англичан, которые своими руками создавали империю и всю жизнь трудились в самых далеких уголках британских владений.

Пожалуйста, не забывайте, в 30-е годы Британская империя все еще оставалась очень даже Британской империей, и те мужчины и женщины, что держали ее на плаву, составляли такую человеческую породу, с которой большинство из вас никогда не встречалось, а теперь уж никогда и не встретится. Я считаю, мне очень повезло, что я сумел хотя бы мельком взглянуть на этот

редкий биологический вид, пока принадлежащие к нему особи еще бродили по лесам и горам земным, ведь ныне этот вид полностью исчез, вымер.

Эти самые английские англичане, самые шотландские шотландцы казались мне кучкой безумцев. Начать с того, что они разговаривали на своем собственном языке. Если они работали в Восточной Африке, то их фразы были нашпигованы словечками на суахили, а если они обитали в Индии, то всячески намешивали в английский все существующие там наречия. Но наряду с этим наличествовал целый словарь наиболее употребительных слов, который, похоже, был универсальным для всего этого народа. Выпивка вечером, например, всегда называлась «закатником». Выпить в любое иное время — это уже «вставить чота». Чья-то жена — это «мемсахиб». Поглядеть на что-нибудь — «шуфти». И, кстати, что касается этого самого слова — любопытно, что в жаргоне летчиков Британских Королевских ВВС, летавших на Среднем Востоке, самолет-разведчик назывался «шуфтилёт». Что-то явно скверного качества считалось «шензи». Ужин — это «тиффин», и так далее и тому подобное. Из жаргона зодчих империи можно было бы составить целый словарь. Мне, обычному молодому парню из зажиточного пригорода, было очень интересно оказаться в обществе этих крепких, мускулистых, загорелых разбойников и их веселых сухопарых жен, но больше всего мне нравились их чудачества.

Похоже, если британец живет годами в нездоровом и сыром климате среди чужого народа, то, чтобы сохранить душевное здоровье, он позволяет себе слегка свихнуться. Такие британцы лелеют диковинные привычки, которые бы никто не потерпел на родине, а вот в далекой Африке или на Цейлоне, в Индии или Малайзии им можно вытворять все, что придет в голову.

Едва ли не у каждого пассажира «Мантолы» имелся такой особенный пунктик, и все путешествие для меня превратилось в непрерывный спектакль.

Хочу поделиться некоторыми из своих наблюдений.

Свою каюту я делил с управляющим хлопкоочистительного завода в Пенджабе по имени А.Н.Сэвори (я с трудом поверил, что бывают такие имена*, когда впервые увидел его имя на багажной бирке). Я занимал верхнюю полку, поэтому со своей подушки мог видеть в иллюминаторе аварийную палубу корабля и широкие океанские просторы за нею.

В четвертое мое утро в море я почему-то проснулся слишком рано. И лежал на своей койке, бездумно глядя в иллюминатор и слушая негромкое похрапывание А.Н.Сэвори. И вдруг в иллюминаторе мелькнула голая человеческая фигура, совершенно голая, как обезьяна в тропиках; она пронеслась за иллюминатором и пропала! Голый человек возник и исчез совершенно беззвучно, и мне оставалось только гадать, лежа в полутьме, не померещился ли он мне и что это было: голое привидение или нагой призрак.

Минуту-другую спустя фигура появилась снова!

На этот раз я резко поднялся. Мне хотелось присмотреться получше к этому голышу в лучах восходящего солнца, так что я переполз к изножью своей постели и высунул голову в иллюминатор.

Палуба казалась пустынной. За бортом тихо плескалось голубое Средиземное море, из-за горизонта появился краешек яркого солнца. Палуба была пуста и безмолвна, и я все больше склонялся к тому, что видел настоящее привидение, призрак пассажира, который некогда упал за борт и теперь носится по волнам в поисках своего пропавшего корабля.

Вдруг краем глаза я заметил какое-то движение в дальнем конце палубы. А потом материализовалось нагое тело. Но это был не дух. По направлению к моему иллюминатору бесшумно скакал мужчина, живой мужчина, состоящий из плоти и крови. Приземистый, коренастый, слегка пузатый в своей наготе, с пушистыми черными усами. Внезапно он заметил мою глупую физиономию, высовывавшуюся из иллюминатора, и, взмахнув волосатой рукой, крикнул:

* unsavory по-английски — противный, отталкивающий.

— Сюда, мой мальчик! Пробежимся вместе! Подышим морским воздухом! Потренируемся! Растрясем жирок!

Только по усам я узнал в нем майора Гриффитса, который накануне вечером рассказывал мне за ужином, что прожил тридцать шесть лет в Индии и теперь снова возвращается в Аллахабад после отпуска на родине.

Я слабо улыбнулся проскакавшему мимо меня майору, но голову не убрал. Мне захотелось увидеть его опять. В его галопе по палубе было что-то удивительно невинное, обезоруживающее, ликующее и дружелюбное. А я, комок подростковой скованности, лежал и глазел, осуждая его. Но при этом я ему завидовал. Я страшно завидовал его раскованности, наплевательскому отношению к мнению окружающих. Мне безумно хотелось вытворить нечто подобное, только смелости не хватало. Скинуть бы пикаму, да помчаться по палубе — и плевать на всех. Но я на такое не способен, ни за какие коврижки. Поэтому я ждал, когда он появится снова.

Ага, вот и он! Он показался на дальнем краю палубы: доблестный голый майор, которому на всех плевать. И тогда я решил: скажу ему что-нибудь непринужденное, будто бы я даже и не замечаю его наготы.

Но постойте!.. Это еще что такое?.. Он не один!.. На этот раз подле него еще кто-то семенит!.. И голый, тоже голый, как майор!.. Что, ради всего святого, творится на борту этого корабля?.. Неужто все пассажиры мужского пола проснулись ни свет, ни заря и давай носиться нагишом по палубе?.. Может, это какой-то особый ритуал строителей империи, о котором я ничего не знаю?.. Вот, они все ближе...

Боже мой, этот второй на женщину смахивает!.. Точно — самая настоящая женщина!.. Голая женщина с голдой грудью, что твоя Венера Милосская... Правда, на наготе сходство кончается, потому что теперь я вижу, что это сухопарое бледнокожее тело принадлежит не кому иному, как самой майорше Гриффитс... Я цепенею у своего иллюминатора, не в силах оторвать глаз от этого нагого пугала женского рода, гордо скачущего подле своего голого супруга, с высоко поднятой головой, с согнутыми локтями, словно заявляющего всем своим

видом: «Не правда ли, мы чудесная пара? Вы только посмотрите, до чего хорош мой муж майор!»

— Давай с нами! — закричал мне майор. — Коль уж моя мемсахибочка может, то вы, молодой человек, и подавно! Пятьдесят кругов по палубе — всего-то четыре мили!

— Прекрасное сегодня утро, — пробормотал я, когда они проскакали мимо меня. — Восхитительный будет день.

Пару часов спустя я сидел напротив майора и его «мемсахибочки» за завтраком в кают-компании, и от воспоминания о том, что совсем недавно видел эту самую почтенную даму без единой нитки на теле, по спине у меня поползли мурашки. Я сидел потупясь и делал вид, что никого из них вовсе нет рядом.

— Ха! — вдруг крикнул майор. — Уж не вы ли тот молодой человек, который высовывал свою голову в иллюминатор сегодня утром?

— Кто, я? — пробормотал я, уткнувшись носом в кукурузные хлопья.

— Да, вы! — вскричал майор победительным голосом. — Я не мог обознаться — лиц я никогда не забываю!

— Я... Я просто дышал свежим воздухом, — промямлил я.

— И не только! — широко ухмыльнулся майор. — Вы еще и мою мемсахиб увидели во всей красе!

Все восемь человек, завтракавших за нашим столом, вдруг умолкли и поглядели в мою сторону. Я почувствовал, как мои щеки начинают гореть.

— Но я вас не виню, — продолжал майор, подмигивая жене. Настал его черед проявить достоинство и галантность. — Совсем не виню. А вы стали бы его винить? — спросил он, обращаясь ко всем сидевшим за нашим столом. — Молодость бывает только раз. И как сказал поэт, — он снова подмигнул своей кошмарной половине, — «прекрасное пленяет навсегда».

— Ой, замолчи, Бонзо, — сказала жена, в восторге от происходящего.

— В Аллахабаде, — сказал майор, глядя теперь на меня, — я взял за правило каждое утро до завтрака играть в чуккер. На борту судна это невозможно, знаете ли.

Так что пришлось придумывать иные способы делать зарядку.

Я сидел и гадал: что это за игра такая — чуккер?

— А почему невозможно? — спросил я, отчаянно пытаюсь сменить тему беседы.

— Почему невозможно что? — не понял майор.

— Играть в чуккер на корабле, — уточнил я.

Майор принадлежал к тем людям, которые по утрам питаются жидкой овсянкой. Он уставился на меня светло-серыми стеклянными глазами, медленно жуя.

— Надеюсь, вы не пытаетесь меня уверить в том, что никогда в жизни не играли в поло, — сказал он.

— Поло, — сказал я. — Ах да, конечно, поло. В школе мы играли в поло, на велосипедах вместо пони, и хоккейными клюшками.

Пристальный взгляд майора вдруг превратился в свирепый и он перестал жевать. Он смотрел на меня теперь с таким негодованием и ужасом, а его лицо так побагровело, что я боялся, как бы его не хватил удар.

С этого времени ни майор, ни его жена не желали иметь со мной ничего общего. Они сменили стол в кают-компании и подчеркнуто отворачивались всякий раз, когда наталкивались на меня на палубе. Меня сочли виновным в страшном и непростительном преступлении. Я посмел надругаться — во всяком случае они так подумали — над игрой в поло, над священным спортом англо-индийцев и особ королевского достоинства и царственных кровей. Только невоспитанный грубиян мог позволить себе такую выходку.

Еще там была немолодая мисс Трефьюсис, которая частенько сидела за моим столом в кают-компании. Старая дева Трефьюсис состояла целиком из костей и серой кожи, а когда она передвигалась, ее тело сильно нагибалось вперед, образуя длинную искривленную дугу наподобие бумеранга. Она поведала мне, что ей принадлежит маленькая кофейная плантация в Кении, на взгорье, и что она очень хорошо знала баронессу Бликсен. Я зачитывался обеими ее книгами, «Из Африки» и «Семь

готических повестей», поэтому зачарованно слушал все, что рассказывала мне мисс Трефьюсис про замечательную писательницу, которая называла себя именем Айзек Дайнесен (это был ее псевдоним).

— Она, конечно, была не в своем уме, — рассказывала мисс Трефьюсис. — Как и все мы, кто живет там, в конце концов она совершенно спятила.

— Но вы же не спятили, — сказал я.

— Еще как спятила, — с серьезным видом возразила она. — На этом корабле все чокнутые. Вы этого не замечаете, потому что еще очень молоды. Молодые не наблюдательны. Они лишь на себя внимание обращают.

— Я видел, как майор Гриффитс со своей женой как-то поутру по палубе нагишом бегали, — сказал я.

— И что, по-вашему, они спятили? — фыркнула мисс Трефьюсис. — Эти-то как раз вели себя нормально.

— Я так не думаю.

— Вам еще предстоит испытать немало потрясений, молодой человек, причем в самом ближайшем будущем. Вот попомните мои слова, — сказала она. — Те, кто долго живет в Африке, обязательно съезжают с катушек. Вы же туда путь держите, так?

— Ну да, — кивнул я.

— Наверняка свихнетесь, — сказала она, — как и все мы.

Она ела апельсин, и я вдруг заметил, что делает она это как-то не так. Первым делом она взяла апельсин не пальцами, а подцепила вилкой. Потом вилкой и ножом она надрезала кожуру в нескольких местах, изобразив пунктир из маленьких черточек. Потом весьма искусно с помощью зубцов вилки и острия ножа она стянула кожуру, распавшуюся на восемь отдельных клочков, красиво обнажив плод. Так и не отложив вилку и нож, она стала отделять сочные сегменты плода и медленно поедать их, не переставая пользоваться ножом и вилкой.

— Вы всегда апельсины так едите? — поинтересовался я.

— Конечно.

— А можно спросить, почему?

— Никогда не прикасаюсь пальцами к еде, — ответила она.

— Господи помилуй, в самом деле?

— Ну да. С двадцати двух лет ни разу.

— Для этого есть причина? — спросил я.

— Конечно. Пальцы ведь грязные.

— Но вы же моете руки.

— Но стерилизовать я их не могу, — сказала мисс Трефьюсис. — И вы тоже не можете. А на них полно всяких микробов. Пальцы, они такие грязные, отвратительные. Вспомните только, что вы ими делаете!

Я перебирал в памяти все, что делаю своими пальцами.

— Думать про это, и то невыносимо, правда? — сказала барышня Трефьюсис. — Пальцы — это всего лишь инвентарь. Садовый инвентарь тела — как лопаты и вилы. А вы лезете ими куда ни попадя.

— И как будто жив еще, — заметил я.

— Ненадолго, — сказала она мрачно.

Я смотрел, как она ест апельсин, насаживая лодочки ломтиков один за одним на зубцы вилки и отправляя их в рот. Я хотел обратить ее внимание на то, что вилка тоже не стерильна, но промолчал.

— На ногах пальцы еще хуже, — неожиданно сообщила она.

— Простите?

— Хуже их ничего нет, — сказала она.

— А что плохого с пальцами на ногах?

— Самая отвратительная часть человеческого тела! — злобно объявила она.

— Хуже пальцев на руках?

— Никакого сравнения, — заверила она меня. — Пальцы рук — вонючие и сальные, но пальцы на ногах! Они словно ужи и гадюки! И говорить про них не хочу!

Я немного запутался.

— Но ими же не едят, — сказал я.

— А я и не говорила, что вы ими едите, — отрезала мисс Трефьюсис.

— Так что же в них такого ужасного? — настаивал я.

— Они будто червяки, выползающие из ноги, — скривилась она. — Ненавижу их, ненавижу! Даже видеть их не могу!

— Как же вы тогда стрижете ногти на ногах?

— А я их не стригу, — отвечала она. — Ногти мне стрижет мой мальчик.

Почему же она в таком случае «мисс», недоумевал я, если у нее есть мальчик. Незаконнорожденный, наверно.

— Сколько лет вашему сыну? — осторожно поинтересовался я.

— Нет, нет, нет! — вскричала она. — Вы совсем ничего не знаете? «Мальчик», boy — это слуга-туземец. Как вы можете этого не знать, если читали Айзека Дайнесена?

— Ах, ну да, конечно, — сказал я, вспоминая.

Я машинально тоже взял в руки апельсин и начал его чистить.

— Нет! — содрогнулась мисс Трефьюсис. — Так вы можете подцепить какую-нибудь гадость. Возьмите вилку и нож. Ну, смелей. Попробуйте.

Я попробовал. Довольно забавно. Почему-то мне было приятно надрезать кожуру и снимать ее по частям.

— Ну вот, — похвалила она. — Молодец.

— Много таких «мальчиков» работает на вашей плантации? — полюбопытствовал я.

— Человек пятьдесят, — ответила она.

— Они ходят босиком?

— Мои — нет. Ни один не выходит на работу без обуви. Мне это обходится в целое состояние, но дело того стоит.

Мне нравилась мисс Трефьюсис. Нетерпимая, умная, великодушная и интересная. Я чувствовал, что она в любую минуту готова прийти мне на помощь, не то что майор Гриффитс — тот был пресным, пошлым, заносчивым и недобрый человеком, такого сорта люди без колебаний оставят тебя на съедение крокодилам. Да еще и подтолкнут к разинутой пасти.

Оба они, конечно, были совершенно сумасшедшие. Все на этом корабле были со сдвигом, но самым чокнутым оказался мой сосед по каюте А.Н.Сэвори.

Я заметил первый признак его ненормальности в тот вечер, когда наше судно находилось между Мальтой и Порт-Саидом. После обеда наступила липкая жара, и я прилег на свою верхнюю полку, чтобы немного вздремнуть перед переодеванием к ужину.

Переодевание? О да, разумеется. На том корабле все каждый вечер переодевались к ужину. Мужская особь строителей, где бы она ни была — на привале в джунглях или же в море на весельной лодке — всегда переодевается к ужину, то есть надевает белую сорочку, черный галстук, смокинг, черные брюки и черные лакированные туфли, все регалии — и к черту климат.

Так вот, я лежал на своей койке, полуприкрыв глаза. Внизу одевался А.Н.Сэвори. В каюте было слишком тесно, поэтому мы переодевались по очереди. Сегодня вечером первым одевался он. Он уже повязал галстук-бабочку и надевал черный смокинг. Я в полудреме следил за ним и увидел, как он достал из несессера картонную коробочку. Встал перед зеркалом над умывальником, открыл коробочку и запустил в нее пальцы. Достал оттуда щепотку белого порошка, которым тщательно посыпал плечи своего смокинга. Потом закрыл коробку и убрал ее назад.

Внезапно с меня слетела вся сонливость. Что он задумал? Я закрыл глаза и притворился, что сплю. Подозрительное дело, думал я. С какой это стати А.Н.Сэвори посыпает белым порошком свой смокинг? И вообще, что это за порошок? Может, особые духи или магический афродизиак?

Я дождался, пока он уйдет из каюты, соскочил со своей полки и почти без всяких угрызений совести залез в его несессер. *Английская соль* — гласила надпись на картонной коробке! И там действительно была английская соль! Ну и зачем ему посыпать солью свой костюм? Он всегда казался мне странным типом, в нем чувствовалась какая-то тайна, хотя мне и не удавалось ее раскрыть.

Под его койкой стояли чемодан и какой-то черный кожаный футляр. Чемодан был самый обыкновенный, а вот футляр меня интриговал. По размеру он походил на

футляр для скрипки, но без выпуклой крышки. Просто прямоугольный кожаный пенал около метра длиной с двумя крепкими медными застежками.

— Вы играете на скрипке? — как-то спросил я у него.

— Что это вам в голову взбрело? — отвечал он. — Да я даже на патефоне не играю.

Обрез у него там, что ли, подумал я про себя. По размеру вроде подходит.

Положив коробок с английской солью на место, я принял душ, оделся и поднялся наверх, чтобы выпить перед обедом. У стойки бара один табурет оказался свободным, я сел и заказал бокал пива.

На других табуретах сидели восемь загорелых крепышей и среди них А.Н.Сэвори. Табуреты были привинчены к полу. Стойка выгибалась полукругом, так что все могли свободно переговариваться друг с другом. Нас с А.Н.Сэвори разделяли пять табуретов. Он цедил джимлет — так зодчие империи называли джин с лаймовым соком. (А лайм, если кто не знает, это особо кислый мелкий зеленый лимон.) Я сидел и слушал болтовню про охоту на кабанов с копьем, про поло, про то, как лечить запор с помощью карри и чувствовал себя лишним. Мне нечего было им рассказать, поэтому я перестал прислушиваться и пытался решить загадку английской соли.

Я взглянул на А.Н.Сэвори. С моего места мне были хорошо заметны крошечные белые кристаллики на его плечах.

И тут произошло нечто странное.

А.Н.Сэвори вдруг принялся стряхивать с себя английскую соль. При этом он как-то нарочито сильно ударял рукой по плечу и громко приговаривал:

— Вот чертова перхоть! Надоела хуже горькой редьки! Кто-нибудь знает, как от нее избавиться?

— Попробуйте кокосовое масло, — посоветовал один.

— Помогает лавровишневая вода со шпанскими мушками, — предложил другой.

— Послушайте меня, старина, — сказал владелец чайной плантации из Ассама по имени Анзуорт, — вам нужно улучшить кровообращение в голове. А для этого каж-

дое утро окунаешь волосы в ледяную воду минут на пять. Потом хорошенько вытираешь. Сейчас у вас роскошная шевелюра, но если не вылечиться от перхоти, станете лысым как коленка. Сделайте, как я говорю, и все будет в порядке, старина.

У А.Н.Сэвори и в самом деле были густые черные волосы, так с какой стати он придумывает себе перхоть, хотя ничего подобного у него нет?

— Спасибо огромное, старина, — поблагодарил А.Н.Сэвори. — Я попробую. Посмотрим, что получится.

— Отлично все получится, — уверял его Анзуорт. — Моя бабушка так избавилась от перхоти.

— Ваша бабушка? — сказал кто-то. — У нее была перхоть?

— Когда она причесывалась, — сказал Анзуорт, — словно снег шел.

Я в сотый раз сказал себе, что все они неизлечимые психи, но теперь я начинал думать, что А.Н.Сэвори переплюнул их всех. Я сидел, уставясь в свое пиво и пытаюсь понять, зачем он убеждает всех, что у него перхоть.

Ответ я получил через три дня.

Наступал вечер. Мы медленно тащились по Суэцкому каналу. Стояла невыносимая жара. Была моя очередь первым переодеться к ужину. Пока я стоял под душем, а потом одевался, А.Н.Сэвори лежал на своей койке, глядя в пространство.

— Каюта к вашим услугам, — наконец сказал я, открывая дверь. — Увидимся наверху.

Как обычно, я взял пиво и сел у стойки бара. Было очень жарко. Пиво было просто горячее. Большой медленно поворачивающийся вентилятор на потолке как будто гнал пар своими лопастями. Пот струился по шее и проникал под жесткий воротничок. Казалось, что крахмал из воротничка вымывается, и его мокрые комки оседают на спине. Однако мои соседи, прожаренные на солнце крепыши, жары словно не замечали.

Я решил перед ужином выкурить трубку на палубе. Может, хоть там чуть попрохладнее. Трубки в кармане не было. Проклятье, она осталась в каюте. Я спустился вниз и открыл дверь своей каюты. На койке А.Н.Сэвори

сидел какой-то незнакомец в рубашке с короткими рукавами. При виде меня он вскрикнул и подскочил так, словно у него в штанах взорвалась хлопушка.

Незнакомец был совершенно лысым, вот почему я не сразу понял, что это не кто иной, как А.Н.Сэвори собственной персоной.

Удивительно, как волосы или их отсутствие меняют облик человека. А.Н.Сэвори полностью преобразился. Во-первых, он выглядел лет на пятнадцать старше, и словно стал меньше. Как я уже говорил, он был совершенно лысым, и его череп напоминал спелый персик, такой же розовый и светящийся изнутри. Он стоял, держа в руках парик, который так и не успел надеть на голову.

— По какому праву вы вернулись?! — закричал он. — Вы же сказали, что все свои дела сделали! — В его глазах засверкали искорки ярости.

— Я... Простите меня, пожалуйста, — запинаясь, пробормотал я. — Трубку свою забыл.

Он глядел на меня в упор глазами, горевшими темным зловецким блеском, и было видно, как у него на лысине капельками выступает испарина.

Чувствовал я себя скверно. Не знал, что сказать.

— Я только трубку возьму и сразу исчезну, — пролепетал я.

— Ну уж нет! — крикнул он. — Вы теперь все видели и я вас отсюда не выпущу, пока не возьму с вас клятвы! Вы должны пообещать мне, что не расскажете ни единой душе! Обещайте!

На его койке я увидел раскрытый «скрипичный футляр», и в нем, прижавшись друг к другу, словно три больших черных лохматых ежа, лежали еще три парика.

— В лысине нет ничего плохого, — сказал я.

— Ваше мнение меня не интересует, — крикнул он. Он все еще очень злился. — Мне нужно от вас только обещание.

— Я никому ничего не скажу, — пообещал я. — Даю слово.

— И лучше бы вам его сдержать, — пробурчал он.

Я дотянулся до своей полки и забрал лежащую на покрывале трубку. Потом стал повсюду искать кисет с табаком.

А.Н.Сэвори сидел на нижней койке.

— Вы, наверное, думаете, что я сумасшедший, — сказал он. В его голосе не осталось и следа от прежнего гнева.

Я молчал. Не знал, что ответить.

— Ведь думаете, правда? — настаивал он. — Думаете, что я рехнулся.

— Вовсе нет, — ответил я. — Человек вправе делать то, что ему по нраву.

— Считаете, что все это суета, — сказал он. — А вот и нет, ничего подобного.

— Да все нормально, — сказал я. — Правда.

— Это бизнес, — продолжал он. — У меня на то чисто деловые соображения. Я в Амритсаре работаю, это в Пенджабе. Там живут сикхи. А у них — культ волос. Они не стригутся. Только сворачивают их в узел на голове. Или под тюрбан прячут. Плешивых сикхи не уважают.

— В таком случае, вы здорово придумали, с париком, — заверил его я. Мне предстояло прожить еще несколько дней в этой каюте с А.Н.Сэвори, и ссора была мне совсем ни к чему. — Просто блестяще, — добавил я.

— Вы вправду так думаете? Честно? — растаял он.

— По-моему, гениальная идея.

— Я столько сил прилагаю, чтобы убедить всех этих сикхских валлахов, что волосы — мои собственные, — продолжал он.

— Вы имеете в виду хитрость с перхотью?

— Заметили, да?

— Конечно, заметил. Блеск.

— Это только одна из моих маленьких хитростей. — Он понемногу набирался самодовольства. — Кто догадается, что я парик ношу, если у меня перхоть сыплется, правда?

— Точно. Здорово придумано. Но чего ради мучиться тут? На корабле ведь нет никаких сикхов?

— Как знать, — сумрачно сказал он. — Неизвестно, что ждет тебя за углом.

Нет, он точно чокнутый.

— Я смотрю, у вас их несколько, — заметил я, показывая на черный кожаный футляр.

— Одного мало, — пояснил он, — по крайней мере, если все делать, как следует, а я привык только так. У меня с собой всегда четыре штуки, и они немного отличаются друг от друга. Не забывайте — волосы растут. Потому один немного длиннее другого. Каждую неделю я надеваю новый, чуточку подлиннее.

— А что потом, после того, как вы надели самый длинный парик? — поинтересовался я.

— А, — заулыбался он. — Это еще одна моя маленькая хитрость.

— Не понимаю.

— Тогда я просто говорю: «Кто-нибудь знает хорошего парикмахера?» А назавтра надеваю самый короткий.

— Но вы же говорили, что сикки не одобряют стрижку.

— Я проделываю это только с европейцами.

Я уставился на него во все глаза. Он настоящий псих. Да я сам рехнусь, если поговорю с ним еще немного.

Я сделал шаг к двери.

— По-моему, вы нашли замечательный выход из положения, — пробормотал я. — Блестящий. И ни о чем не тревожьтесь. Я буду нем, как рыба.

— Спасибо, старина, — сказал А.Н.Сэвори. — Вы хороший юноша.

Я вылетел из каюты и закрыл за собой дверь.

Вот такой рассказ про А.Н.Сэвори.

Не верите?

Послушайте, я и сам едва верил, когда на шатающихся ногах поднимался в бар.

Но обещание все-таки сдержал. Никому ничего не рассказывал. А сегодня это уже неважно. Человек этот был по крайней мере лет на тридцать старше меня, так что душа его теперь давно уже успокоилась, а его парики, наверное, разобрали племянники с племянницами и надевают их во время своих детских игр.

*Пароход «Мантола»
4 октября 1938 года*

Дорогая мама!

Мы сейчас плывем по Красному морю. Жара страшная. Ветер дует нам в спину и с той же скоростью, с которой идет наш корабль, так что на палубе нечем дышать. Трижды меняли курс, разворачивая судно против ветра, чтобы набрать немного воздуха в каюты и машинное отделение. Вентиляторы просто гонят горячий воздух в лицо.

Палуба заполнена обмякшими влажными телами, от которых идет пар, как от кухонного котла. Они курят сигареты и без конца кричат:

— Мальчик, еще одно легкое пиво со льда!

Сам я не особенно страдаю от жары — наверное, потому что худой. Между прочим, как только закончу это письмо, пойду играть в настольный теннис с еще одним тощим человеком — это ветеран правительства по имени Хаммонд. Играем мы голыми по пояс, а когда приходится прекращать игру, чтобы не утонуть в собственном поту, просто прыгаем в бассейн.

ДАР-ЭС-САЛАМ

Температура в тени на борту парохода «Мантола», ползущего на юг к Порт-Судану, равнялась 49°С. Ветер дул в направлении, совпадающем с курсом нашего судна и с той же скоростью. Поэтому на палубе не чувствовалось ни малейшего движения воздуха. Трижды за первые сутки корабль разворачивали против ветра так, чтобы хоть какой-то воздух продул иллюминаторы и попал в рубку. Толку от этих маневров не было, и даже загорелые крепыши со своими сухощавыми женами заметно поухили. Как и я, они развалились в креслах под навесом, хватая ртом воздух, а пот струился по их лицам и шеям и капал на дощатую палубу. В такую жару даже читать не оставалось сил.

На второй день в Красном море «Мантола» прошла совсем близко от итальянского судна, которое, как и мы, направлялось на юг. Между нами оставалось метров двести, не больше, и мы увидели, что на его палубах полным-полно женщин! Наверное, несколько тысяч, и ни одного мужчины. Я глазам своим не верил.

— Что бы это значило? — спросил я у одного из судовых офицеров, стоявшего возле меня у поручней. — Почему там одни девушки?

— Это для итальянских солдат, — пояснил он.

— Каких итальянских солдат?

— Тех, что в Абиссинии, — ответил он. — Муссолини задумал покорить Абиссинию и послал туда войска численностью сто тысяч человек. А теперь везут итальянок, чтобы порадовать солдат.

— Вы меня разыгрываете.

— Девушек везут партиями, — продолжал офицер. — По девочке каждому рядовому, по две — каждому полковнику и по три для генералов.

— Ладно вам смеяться, — не верил я.

— Это в самом деле военный груз, — сказал он. — Там идет страшная бессмысленная война, и все солдаты ее ненавидят. Им осточертело убивать несчастных абиссинцев. Поэтому Муссолини и шлет им девочек тысячами, чтобы поднять боевой дух.

Я помахал девушкам, и примерно две тысячи рук помахали мне в ответ. Настроение у них казалось очень приподнятым. Интересно, подумал я, надолго ли хватит им этой бодрости.

Наконец наша «Мантола» добралась до Момбасы. Там меня встретил представитель «Шелл Компани», который сказал, что я должен следовать дальше вдоль побережья в Дар-эс-Салам, что в Танганьике (теперь это — Танзания).

— Поплывете на судне берегового флота, которое называется «Думра», — сообщил он. — Через сутки будете на месте. Вот ваш билет.

Я перебрался на «Думру», которая отчалила в тот же день. Вечером мы зашли в Занзибар, где воздух напоен сладковатым пряным ароматом гвоздики. Я стоял у борта, держался за поручни и, глядя на старинный арабский город, думал, как же мне повезло — я бесплатно посещаю все эти сказочные места, а в конце пути меня ждет хорошая работа.

Мы вышли из Занзибара в полночь, и я лег спать в своей крошечной каюте с мыслью, что завтра мое путешествие завершится.

Когда я проснулся на следующее утро, судовые двигатели уже не работали. Я соскочил с койки и приник к иллюминатору. Впервые я видел Дар-эс-Салам и никогда это не забуду. Мы бросили якорь посреди обширной, подернутой рябью мелких волн иссиня-черной лагуны, окруженной со всех сторон бледно-желтыми песчаными пляжами, почти белыми. Волнорезы взбегали на песок, на берегах росли кокосовые пальмы в шляпках из больших зеленых листов и казуарины, немисливо стройные, высокие и такие красивые, что дух захватывало от

вида изящных серо-зеленых крон. А сразу за казуаринами раскинулись, как мне показалось, джунгли с невероятным переплетением темно-зеленых деревьев и богатой игрой теней и почти наверняка кишашие, сказал я себе, носорогами, львами и всяческим прочим злобным и страшным зверьем. Слева виднелся город Дар-эс-Салам, белые, желтые и розовые домики, между домишек я разглядел острый шпиль церкви и купол мечети, а вдоль набережной выстроилась шеренга акаций, усыпанных багряными цветами. Нам навстречу спешила флотилия каноэ, и чернокожие гребцы распевали причудливые песни.

Этот изумительный тропический вид сквозь стекло иллюминатора навсегда отпечатался в моей памяти. Все казалось мне чудесным, прекрасным и волнующим.

Таким и оставалось до конца моего пребывания в Танганьике. Мне нравилось там абсолютно все. Не было ни сложенных зонтов, ни котелков, ни мрачных серых костюмов, и ни разу мне не пришлось ездить поездом или автобусом.

Делами «Шелл Компани» на всей этой обширной территории управляли всего трое молодых людей, а я был младше всех и по возрасту, и по должности. Если мы не находились «в пути», то жили в великолепном большом доме компании, взгромоздившемся на утес на окраине Дар-эс-Салама, и жили мы там, как короли.

Домашняя челядь наша состояла из повара-туземца, любовно именуемого Пигги, то есть «Поросенок», потому что на суахили «повар» называется каким-то похожим словом. Был еще шамба-мальчик, то есть садовник, по имени Салиму; кроме того, каждому из нас полагался персональный слуга — «мальчик», или «бой». «Бой», по сути дела, был своего рода камердинером, да и вообще мастером на все руки. Он шил, чинил, стирал, гладил, чистил обувь, вытряхивал скорпионов из болотных сапог и становился вашим другом. Он заботился только о вас и знал все о вашей жизни и ваших привычках. Взамен вы заботились о нем, его женах (та-

ковых было никак не менее двух) и его детей, которые жили на своей половине в вашем же доме.

Моего боя звали Мдишо. Он был из племени мванумвези, которое пользовалось большим почетом, потому что только племени мванумвези удалось победить исполинов масаи. Мдишо, высокий, стройный, с тихим голосом, был беззаветно предан мне, своему юному белому господину. Надеюсь и даже уверен, что я был не менее предан ему.

Приезжая на работу в Дар-эс-Салам, прежде всего необходимо было выучить суахили, иначе невозможно было общаться ни со своим боем, ни с другими местными жителями, потому что никто из них не знал ни слова по-английски.

В те мрачные имперские времена считалось неслыханной дерзостью, если черный человек понимал английский язык, не говоря уже об умении на нем разговаривать. В итоге никто из них даже не пытался выучить наш язык, так что нам самим приходилось учить суахили. Суахили — язык сравнительно простой, и с помощью суахили-английского словаря и учебника грамматики плюс немного упорной работы по вечерам вы через пару месяцев могли бегло говорить на нем. Потом нужно было сдать экзамен, и если вы сдавали его успешно, компания «Шелл» выплачивала вам сто фунтов премии, а в те времена это были очень большие деньги — ящик виски тогда стоил всего двенадцать фунтов.

Иногда я ездил на сафари, и Мдишо всегда сопровождал меня в таких поездках. Мы брали большой местный автомобиль компании и целый месяц колесили по всей Танганьике, по ее грязным дорогам с ухабами и рытвинами. Мы уезжали на запад страны к озеру Танганьика в центральной Африке и на юг к границам Ньясаленда, а оттуда двигались на восток в сторону Мозамбика.

Главной целью наших поездок было посещение клиентов компании «Шелл». Клиенты управляли алмазными копаниями и золотыми рудниками, плантациями сизаля, хлопковыми плантациями и еще бог знает чем, а

моя работа заключалась в том, чтобы вовремя доставлять машинное масло и топливо для их оборудования. Работа не самая интеллектуальная или творческая, но, Бог мой, сколько для нее требовалось упорства и выдержки!

Такая жизнь мне очень нравилась. Я видел жирафа, который, ничуть не испугавшись, стоял у дороги и объедал листву с верхушек деревьев. Я видел множество слонов, зебр, антилоп и даже львиное семейство. Боялся я только змей. Они внушали мне ужас. Довольно часто крупные змеи переползали через дорогу прямо перед нашей машиной, и мы всегда придерживались золотого правила — ни в коем случае не поддавать газу и не пытаться ее переехать, особенно с поднятым верхом. Если вы врежетесь в змею на полной скорости, переднее колесо может подбросить ее в воздух, и тогда змея может оказаться у вас на коленях. Ничего более ужасного я даже вообразить не могу.

По-настоящему скверной змеей в Танганьике считается черная мамба. Только она одна не боится человека и нападает на него без всякой причины. Если она вас укусит, то вы уже не жилец.

Как-то утром я брился в ванной нашего дома в Дар-эс-Саламе и, намыливая щеки, бездумно смотрел в окно, выходящее в сад. Я наблюдал, как Салиму, наш шамба-бой, неторопливо и методично разгребает гравий на подъездной дорожке. И тут я увидел змею. Почти двухметровой длины, толщиной с мою руку и совершенно черную. Самая настоящая мамба! Она явно заметила Салиму и быстро скользила к нему по гравию.

Я кинулся к открытому окну и завопил на суахили:

— Салиму! Салиму! Ангалия ньока кубва! Ньюма веве! Упеси, упеси!

Другими словами:

— Салиму! Салиму! Берегись! Большая змея! Сзади! Скорей, скорей!

Мамба двигалась по гравию со скоростью хорошего бегуна, и когда Салиму обернулся и увидел ее, ей ос-

тавалось проползти шагов пятнадцать, не больше. Что я тут мог поделывать? А сам Салиму? Он знал, что убежать бесполезно, потому что мамба на полной скорости обгоняет галопирующую лошадь. И он точно знал, что это мамба. Каждый туземец в Танганьике знал, как выглядит мамба и что можно от нее ожидать. Она бы настигла его секунд за пять.

Я высунулся из окна и затаил дыхание. Салиму развернулся навстречу змее. Я увидел, что он присел на корточки. Сел он очень низко, отставив одну ногу назад, словно спринтер, изготовившийся пробежать стометровку, и выставив перед собой грабли с длинной ручкой. Он поднял грабли на уровень плеч, и все эти долгие четыре или пять секунд он стоял, как каменное изваяние, одними глазами следя за огромной смертоносной змеей, стремительно скользящей к нему по гравию. Она приподняла над землей свою маленькую треугольную головку, и до меня доносилось тихое шуршание ее тела о гравий.

Эта кошмарная сцена до сих пор стоит у меня перед глазами — сад в утреннем сиянии солнца, могучий баобаб на заднем плане, Салиму в старых шортах цвета хаки, такой же рубашке и босиком, отважный и совершенно спокойный, с поднятыми граблями, а сбоку по гравию к нему скользит длинная черная змея с высоко поднятой ядовитой головой, готовая напасть в любую секунду.

Салиму ждал. Пока змея приближалась к нему, он ни разу не шевельнулся, не издал ни звука. Он выжидал до самого последнего мгновения, когда между ним и мамбой останется не более полутора метров и тогда: ву-ух!

Салиму ударил первым. Он глубоко вонзил металлические зубья в спину змеи, уперся в рукоятку, давя на нее всей своей тяжестью, наклонился вперед и, прыгая вверх и вниз, все сильнее загонял зубцы грабель в змею, стараясь припилить ее к земле. Я увидел, как из-под зубцов брызжет кровь, потом сам слетел по ступенькам вниз в чем мать родила, схватив по пути через холл клюшку для гольфа, и подбежал к Салиму, который все еще обеими руками прижимал грабли к земле, а

огромная гадина извивалась, корчилась и норовила вырваться. Я закричал Салиму на суахили:

— Что мне делать?

— Все уже в порядке, бвана! — крикнул он в ответ. — Я сломал ей хребет, так что она больше не поползет! Стой там, бвана! Я сам справлюсь!

Салиму поднял грабли и отскочил в сторону. Змея корчилась и извивалась, но не могла даже сдвинуться с места. Салиму шагнул вперед и со всей силы ударил ее граблями по голове. Змея затихла. Салиму глубоко вздохнул и провел ладонью по лбу. Потом посмотрел на меня и улыбнулся.

— Асанти, бвана, — сказал он, — асанти сана, — что означает: «Спасибо тебе, бвана. Большое спасибо».

Судьба нечасто дает нам шанс спасти чью-то жизнь. Весь остаток дня меня переполняло чувство радости, и с тех пор при виде Салиму у меня всегда поднималось настроение.

*Дар-эс-Салам
19 марта 1939 года*

Дорогая мама!

Если начнется война, было бы славно перебраться вам в Тенби, иначе попадешь под бомбежку. Не забудь, ты должна уехать, как только начнется война...

СИМБА

Примерно через месяц после случая с черной мамбой мы с Мдишо отправились на сафари в старом фургоне «Шелл», и первой остановкой на нашем пути стал маленький городок Багомойо.

Я упоминаю об этом лишь потому, что в Багомойо мне предстояло встретиться с индийским торговцем с таким замысловатым именем, что я до сих пор не могу его забыть. У этого щупленького человечка был огромный торчащий живот, как у женщин на девятом месяце беременности, и он с гордостью носил этот гигантский шар, словно медаль за заслуги или рыцарский герб. Он называл себя мистером Шанкербаем Гандербаем, и на всей его фирменной бумаге красовался его полный титул, отпечатанный большими красными буквами:

*Мистер Шанкербай Гандербай Багомойский,
торговец декортикаторами.*

Декортикатор — это громоздкий лязгающий агрегат, перерабатывающий листья сизаля в волокна, из которых потом делают канаты, и купить его можно было только у мистера Шанкербая Гандербая из Багомойо.

Три дня мы с Мдишо мотались по грязным дорогам, навещая клиентов, и на четвертый прибыли в город Табора. Табора находится в 725 километрах от Дар-эс-Салама, и в 1939 году ее и городом назвать было сложно — всего лишь горстка домишек да несколько улочек с лавками индусов. Но по танганьикским меркам Табора считалась довольно крупным городом, поэтому его удоставил своим присутствием британский губернатор.

Британские чиновники в Танганьике вызывали у меня восхищение. Они тоже были загорелыми и креп-

кими ребятами, но в отличие от моих попутчиков на корабле не были ни чокнутыми, ни бандитами. Все они получили университетское образование, и в своих затерянных селениях им приходилось быть мастерами на все руки.

Они были судьями, улаживавшими и межплеменные, и личные раздоры. Выступали советниками у племенных вождей. Нередко к ним приходили за лекарствами, и подчас им приходилось лечить больных. Они правили своими обширными округами, поддерживая закон и порядок в самых трудных обстоятельствах.

И где бы ни служил такой губернатор, он непременно приглашал служащего «Шелл Компани» погостить и переночевать в своем доме.

Губернатора Таборы звали Роберт Санфорд. Это был мужчина чуть старше тридцати, у которого имелась жена и трое маленьких детей — шестилетний мальчик, четырехлетняя девочка и грудной младенец.

В тот вечер мы сидели на веранде и выпивали с Робертом Санфордом и его женой Мэри, то есть устроили «закатник», а двое их детей тем временем играли в траве перед домом под бдительным присмотром черной няньки. Дневная жара уже понемногу спадала по мере того, как солнце клонилось к закату, и первая доза виски с содовой оказалась хороша на вкус.

— Как дела в Дар-эс-Саламе? — спросил у меня Роберт Санфорд. — Что интересного?

Я рассказал ему про черную мамбу и Салиму.

— Всегда безумно боялась змей, — поморщилась Мэри Санфорд, выслушав мою историю.

— Ему крупно повезло, что вы ее заметили, — сказал Роберт Санфорд. — Ему грозила верная смерть.

— К нашему дому недавно приползла плюющаяся кобра, — сказала Мэри Санфорд. — Роберт ее пристрелил.

Дом Санфордов стоял на холме на окраине города. Это было белое деревянное двухэтажное здание под зеленой черепичной крышей. Карнизы дома выходили далеко за стены, создавая дополнительную тень, и из-за этого дом слегка походил на японскую пагоду.

От порога открывался изумительный вид. Широкая бурая равнина была усеяна множеством довольно крупных холмиков и бугорков, и хотя сама равнина была покрыта выжженной стерней, на холмах росли огромные тропические деревья, и их густые кроны сливались в ярко-изумрудные пятна зелени на фоне бурой равнины. На самой выжженной равнине росли лишь голые колючие деревья, которых полно в Восточной Африке, и на каждом дереве неподвижно сидели шесть огромных стервятников. Коричневые птицы с кривыми оранжевыми клювами и оранжевыми лапами проводили на этих деревьях всю свою жизнь: они следили и ждали, пока сдохнет какой-нибудь зверь, чтобы подобрать его кости.

— Вам нравится такая жизнь? — спросил я Роберта Санфорда.

— Я люблю свободу, — ответил он. — В моем ведении находится территория примерно в пять тысяч квадратных километров, и я могу отправиться куда угодно и делать, что мне нравится. С этим дело обстоит замечательно. Но мне не хватает общества других белых людей. В городе не так уж много умных европейцев.

Мы сидели и смотрели, как солнце опускается за край плоской бурой равнины, утыканной колючими деревьями, и видели зловещих стервятников, которые, словно пернатые гробовщики, ждали, когда придет смерть и даст им немного работы.

— Не отпускайте детей далеко от дома! — крикнула Мэри Санфорд няньке. — Приведите их сюда, пожалуйста!

— На прошлой неделе мать прислала мне из Англии третью симфонию Бетховена, — сказал Роберт Санфорд. — Две пластинки, дирижирует Тосканини. А вместо стальной иглы я установил самодельную, из колючки вон того дерева. Она не так сильно изнашивает дорожки на пластинке. Вроде бы работает.

— В этих местах пластинки страшно деформируются, — заметил я.

— Я кладу на них стопку книг, — сказал он. — Больше всего я боюсь уронить и разбить какую-нибудь из них.

Солнце скрылось за горизонтом, и поверх ландшафта разлился приятный мягкий свет. Метрах в восьмистах от нас я заметил небольшой табун зебр, пасущихся среди колючих деревьев.

Роберт Санфорд тоже следил за зебрами.

— А что если поймать молодую зебру и обкатать ее, как лошадь, — сказал он. — В конце концов, это же просто дикие кони, только полосатые.

— Никто не пробовал? — спросил я.

— Не знаю, — пожал плечами он. — Мэри — хорошая наездница. Что скажешь, дорогая? Хочешь ездить верхом на собственной зебре?

— Забавная идея, — ответила она. Несмотря на тяжелую челюсть, она была привлекательной женщиной. Впрочем, ее челюсть меня не смущала. Она придавала ей воинственный вид.

— Мы могли бы скрестить ее с лошастью, — развивал свою мысль Роберт Санфорд. — И получилась бы зошадь.

— Или лебра, — добавила Мэри Санфорд.

— Точно, — улыбнулся ее муж.

— Может, попробуем? — сказала Мэри Санфорд. — Представляешь — у нас появится маленькая зошадь или лебра! Давай попробуем, милый?

— На ней могли бы кататься дети, — продолжал он. — Черная зошадь с белыми полосами.

— Можно послушать вашего Бетховена после ужина? — попросил я.

— Разумеется, — кивнул Роберт Санфорд. — Я вынесу граммофон на веранду, и вся равнина заполнится грохочущими звуками музыки. Потрясающе. Правда, придется несколько раз менять пластинки и каждый раз крутить ручку граммофона.

— Это я возьму на себя, — сказал я.

И вдруг вечернюю тишину взорвал мужской вопль на суахили. Я узнал голос своего боя Мдишо.

— Бвана! Бвана! Бвана! — заходился он где-то на задворках дома. — Симба, бвана! Симба! Симба!

«Симба» на суахили значит — лев. Все мы, втроем, вскочили на ноги, а мгновение спустя из-за дома вынырнул Мдишо, вопя на суахили:

— Скорее, бвана! Скорее! Скорее! Огромный лев ест жену повара!

Сейчас, когда я сижу в Англии и записываю этот случай на бумаге, он кажется забавным, но тогда, на веранде в глубине Восточной Африки, нам было совсем не смешно.

Роберт Санфорд метнулся в дом и через пять секунд вернулся с мощной винтовкой, заряжая ее на ходу.

— Уведи детей в дом! — крикнул он жене, сбегая с веранды; я поспешил за ним.

Мдишо подпрыгивал от возбуждения, показывал рукой за дом и вопил на суахили:

— Лев утащил жену повара, лев ее ест, а повар гонится за львом и пытается ее спасти!

Слуги обитали в низких побеленных пристройках за домом, и когда мы забежали за угол, то увидели несколько домашних слуг, которые прыгали, показывали руками и верещали:

— Симба! Симба! Симба!

Все они были в безукоризненно белых хлопчатобумажных балахонах, похожих на длинные ночные сорочки, и у каждого на голове красовалась изящная алая феска. Феска — это маленькая шляпка без полей, и часто с черным помпоном сверху.

Женщины тоже вышли из своих хижин и безмолвно и неподвижно стояли в стороне.

— Где он? — крикнул Роберт Санфорд, но мог бы и не спрашивать, потому что мы почти сразу заметили метрах в ста крупного льва песочного цвета, который рысцой бежал от дома. У него была роскошная густая грива, а в своей пасти он держал жену повара. Лев схватил женщину за талию, так что ее голова и руки свисали с одной стороны пасти, а ноги — с другой, и я разглядел ее платье в красный и белый горошек.

Видеть льва так близко было очень страшно. Лев удалялся от нас с самым спокойным видом, медленными, пружинистыми скачками, а за ним, отставая всего на

длину теннисного корта, бежал отважный повар в белом балахоне и красной феске. Он размахивал руками, как ветряная мельница, подскакивал на бегу, хлопал в ладоши и кричал, кричал, кричал:

— Симба! Симба! Симба! Симба! Отпусти мою жену! Отдай жену!

Перед нашими глазами развернулась настоящая трагедия, правда, с примесью комедии. Дополнял сцену Роберт Санфорд, мчавшийся со всех ног за поваром, который гнался за львом. Вскинув винтовку, он кричал повару:

— Пинго! Пинго! Уйди с дороги, Пинго! Ложись на землю, чтобы я мог выстрелить в симбу! Ты мне мешаешь, Пинго! Ты на линии огня!

Но повар не обращал внимания на его крики и бежал дальше. Лев тоже ни на кого не обращал внимания, он все так же бежал, даже не увеличивая скорости, медленными упругими скачками, высоко подняв голову и гордо держа женщину в пасти, словно пес, удирающий с украденной костью.

И повар, и Роберт Санфорд передвигались быстрее льва, который, казалось, в самом деле ничуть не обеспокоен тем, что его кто-то там преследует. Что до меня, то я не знал, как им помочь, поэтому просто бежал следом за Робертом Санфордом.

Ситуация складывалась нелепая, поскольку Роберт Санфорд никак не мог выстрелить в льва, не рискуя при этом попасть в жену повара, не говоря уже о самом поваре, который все время находился на линии огня.

Лев направлялся к одному из поросших тропическими деревьями холмов, и все мы понимали, что, как только он туда доберется, нам его уже не поймать. Отчаянный повар уже догонял льва, между ними оставалось не больше десяти метров, а Роберт Санфорд отставал от повара метров на двадцать пять.

— Эгегей! — орал повар. — Симба! Симба! Симба! Отдай жену! Я тебя догоню, симба!

Тогда Роберт Санфорд остановился, поднял винтовку и прицелился, а я подумал: вряд ли он осмелится выстрелить в бегущего с женщиной в зубах льва. Раздал-

ся громкий выстрел, и прямо передо львом взметнулось облачко пыли. Лев встал, как вкопанный, и обернулся, не выпуская женщину из пасти. Он увидел размахивающего руками повара, увидел Роберта Санфорда и меня, и, конечно же, он слышал выстрел и видел облачко пыли. Наверное, он решил, что за ним гонится целая армия, потому что в ту же секунду бросил жену повара на землю и рванулся в укрытие. Я никогда раньше не видел, чтобы кто-то развивал с места такую молниеносную скорость. Он помчался огромными скачками и оказался в зарослях на холме прежде, чем Роберт Санфорд успел перезарядить винтовку.

Повар первым добежал до своей жены, за ним Роберт Санфорд, а следом я. Я не мог поверить своим глазам. Я был уверен, что страшные клыки разорвали женщину пополам, но она как ни в чем не бывало сидела на земле и улыбалась своему мужу.

— Где болит? — закричал Роберт Санфорд, бросаясь к ней.

Повариха подняла глаза, не переставая улыбаться, и сказала на суахили:

— Это старый лев, я его ни капельки не испугалась. Я просто лежала в его пасти и прикидывалась мертвой. Он даже одежду не прокусил.

Она поднялась на ноги и одернула свое платье в красный и белый горошек, мокрое от слюны льва. Повар обнял ее, и они заплясали от радости в сумерках на великой рыжей африканской равнине.

Роберт Санфорд стоял, изумленно уставившись на жену повара. Как, впрочем, и я.

— Ты уверена, что симба тебя не поранил? — спросил он у нее. — Его клыки не поцарапали кожу?

— Нет, бвана, — покачала головой женщина. — Он нес меня бережно, как собственного детеныша. Только вот платье постирать надо.

Мы медленным шагом вернулись к ошеломленным зрителям.

— Ночью, — обратился ко всем Роберт Санфорд, — никому не отходить от дома, вы меня поняли?

— Да, бвана, — закивали они. — Да, да, мы тебя поняли.

— Этот старый симба прячется в джунглях и может вернуться, — сказал Роберт Санфорд. — Так что будьте начеку. А ты, Пинго, все-таки приготовь ужин. Я проголодался.

Повар помчался на кухню, хлопая в ладоши и подпрыгивая от радости. Мы подошли к Мэри Санфорд. После нашего ухода она обогнула дом и видела все, что произошло. Втроем мы вернулись на веранду и наполнили стаканы.

— Такого, по-моему, здесь еще не случилось, — сказал Роберт Санфорд, снова усевшись в свое плетеное кресло. На одном из подлокотников была небольшая круглая выемка, и он осторожно поставил туда свой стакан с виски. — Во-первых, — продолжал он, — львы не нападают на людей, если те не подходят к логову с детенышами. У них достаточно пищи. На равнине полно дичи.

— Наверно, у него семья на холме, — предположила Мэри Санфорд.

— Может быть, — сказал Роберт Санфорд. — Но если бы он считал, что эта женщина опасна для его семейства, он бы убил ее на месте. А он, наоборот, нес ее бережно и аккуратно, словно хорошая охотничья собака куропатку. Если вас интересует мое мнение, то я думаю, он вообще не собирался ее есть.

Мы потягивали виски и пытались найти объяснение непонятному поведению льва.

— По правилам, — сказал Роберт Санфорд, — мне полагается первым делом завтра с утра собрать охотников, вместе с ними выследить льва и пристрелить его. Но я не хочу. Он этого не заслужил. Я вообще не собираюсь этого делать.

— Вот и правильно, милый, — поддержала его жена.

Со временем история об этом странном происшествии со львом разошлась по всей Восточной Африке и превратилась в легенду. Когда я спустя две недели вернулся в Дар-эс-Салам, меня дождалось письмо из «Ист

Африкан Стандарт» (вроде бы так называлась эта газета). Меня как очевидца просили описать этот необыкновенный случай. Я согласился и через некоторое время получил чек на пять фунтов за свою первую публикацию в газете.

Потом газета еще долго публиковала письма белых охотников и прочих специалистов из Уганды, Кении и Танганьики. Каждый предлагал свое и зачастую весьма замысловатое объяснение. Но среди них не было ни одного разумного. Поведение льва так и осталось тайной.

*Дар-эс-Салам
5 июня 1939 года*

Дорогая мама!

Как приятно лежать на спине и наблюдать за ужасами Гитлера и Муссолини, которые ловят мух и комаров на потолке. Гитлер и Муссолини — это две ящерицы, которые живут у нас в гостиной. Они обитают здесь постоянно, и не только приносят пользу, но еще и устраивают для нас забавные представления. К примеру, очень интересно наблюдать, как незадачливая жертва Гитлера (он поменьше Муссолини и не такой жирный) — зачастую это маленькая моль — цепенеет под его гинотическим взглядом. Мотылек, перепугавшись, не может сдвинуться с места, потом вдруг резким, почти неуловимым движением ящерица вытягивает шею, выстреливает свой язык — и конец мотыльку. Ящерицы эти довольно маленькие, сантиметров двадцать в длину, они принимают окраску стен и потолка — а они у нас желтые — и тогда становятся совсем прозрачными. Даже аппендикс просвечивает, во всяком случае, нам так кажется...

ЗЕЛЕНАЯ МАМБА

О, эти змеи! Как я их ненавидел! Самым страшным в Таганьике были змеи, и новичок очень быстро научился распознавать их и определять, какие змеи смертельны, а какие — всего лишь ядовиты. Смертельными были не только черные мамбы, но еще и зеленые мамбы, кобры и крошечные свиноносые змеи, похожие на палочки, неподвижно лежащие в пыли на дороге, на которые легко наступить.

Как-то раз в воскресенье вечером меня пригласили на «закатник» в дом одного англичанина по имени Фуллер, который работал в таможенном управлении Дар-эс-Салама. Он жил с женой и двумя маленькими детьми в простом белом деревянном домике, стоявшем в стороне от дороги на заросшей травой поляне в окружении редких кокосовых пальм.

Я уже почти подошел к дому, как вдруг увидел большую зеленую змею, которая ползла по ступенькам на веранду дома Фуллера, а потом скользнула в открытую дверь. Поблескивающая зеленовато-желтая шкура змеи и внушительные размеры не оставляли сомнений — это зеленая мамба, тварь не менее смертоносная, чем мамба черная, и на несколько секунд я оцепенел и в ужасе прирос к месту. Потом все же пришел в себя и побежал вокруг дома с воплем:

— Мистер Фуллер! Мистер Фуллер!

В окне верхнего этажа показалась голова миссис Фуллер.

— Что стряслось? — спросила она.

— У вас в передней большая зеленая мамба! — крикнул я. — На моих глазах она заползла по ступенькам на веранду и юркнула в дверь!

— Фред! — крикнула миссис Фуллер, оборачиваясь. — Фред! Подойди сюда!

В окне рядом с лицом жены появилось круглое красное лицо Фредди Фуллера.

— Что такое? — спросил он.

— Зеленая мамба в вашей гостиной! — крикнул я.

Без колебаний и не тратя время на лишние вопросы, он сказал мне:

— Оставайтесь там! Я сейчас спущу вам детей. — Он говорил спокойно и невозмутимо. Даже голос не повысил.

Девочку он спустил на вытянутых руках, держа ее за запястья, так что мне просто было ухватить ее за ноги. Следом спустил мальчика. После детей Фредди Фуллер подал свою жену, и я перехватил ее за талию и поставил на землю. Потом пришел черед самого Фуллера. Он повисел немного на руках, схватившись за подоконник, и соскочил, ловко приземлившись на обе ноги.

Мы собрались все вместе за домом, и я рассказал Фуллеру все, что видел.

Дети стояли рядом с матерью, и она держала их за руки. Они как будто и не особенно испугались.

— И что теперь? — спросил я.

— Вы все выходите на дорогу, — велел Фуллер. — А я съезжу за змееловом.

Он быстро подошел к своей древней черной легковушке, сел в нее и уехал. Миссис Фуллер с детьми и я дошли до дороги и сели в тени большого мангового дерева.

— А что это за змеелов? — поинтересовался я у миссис Фуллер.

— Старик англичанин, который живет здесь уже много лет, — пояснила миссис Фуллер. — Он в самом деле любит змей. Он их понимает и никогда не убивает. Ловит их и продает в зоопарки и лаборатории по всему свету. С ним знакома вся округа, и если кто-нибудь заметит змею, он помечает ее логово и бежит, зачастую очень издалека, к змеелову. Тогда змеелов идет вместе с туземцем и ловит змею. Змеелов строго придерживается своего правила: никогда не покупать пойманных змей у местных.

— Почему? — спросил я.

— Чтобы они сами змей не ловили, — сказала миссис Фуллер. — Когда он только начинал этим промышлять, он покупал пойманных змей, но змеи столько местных покусали и столько их поумирало, что он решил положить этому конец. Теперь любой туземец, который приносит пойманную змею, пусть даже самую редкую, уходит ни с чем.

— Это правильно, — сказал я. — Как зовут змеелова? — спросил я.

— Доналд Макфарлин, — ответила она. — По-моему, он шотландец.

— В доме змея, да, мамочка? — спросила маленькая девочка.

— Да, милая. Но змеелов ее выгонит.

— Она Джека укусит, — сказала девочка.

— Ох, Боже мой! — вскрикнула миссис Фуллер, вскакивая на ноги. — Про него-то я и забыла. — И громко позвала: — Джек! Ко мне! Джек! Джек!.. Джек!.. Джек!

Дети тоже вскочили, и теперь они стали звать собаку все вместе. Но собака так и не появилась.

— Она покусала Джека! — закричала девочка. — Она точно его ужалила! — Она заплакала, а вслед за ней и ее младший брат. Миссис Фуллер помрачнела.

— Джек наверняка наверху спрятался, — утешала она детей. — Вы же знаете, какой он умный.

Мы с миссис Фуллер снова уселись на траву, но дети остались стоять. Сквозь слезы они звали собаку.

— Хотите, я отведу вас к Мадденам? — предложила им мать.

— Нет! — закричали они. — Нет, нет, нет! Мы хотим Джека!

— А вот и папа! — крикнула миссис Фуллер, показывая на черную легковушку, катящую по дороге в облаке пыли. Я заметил, что из окна автомобиля торчит длинный деревянный шест.

Дети кинулись к машине.

— Джек остался в доме, и его ужалила змея! — запричитали они. — Мы точно знаем! Мы его зовем, а он не идет!

Мистер Фуллер и змеелов выбрались из машины.

Змеелов оказался маленьким и очень старым, скорее всего даже старше семидесяти. На его ногах были кожаные сапоги из толстой воловьей шкуры, а на руках — длинные перчатки, наподобие шоферских, из такой же грубой кожи. Раструбы перчаток доходили ему до локтей. В правой руке он нес весьма необычный рабочий инструмент — деревянный шест двухметровой длины, расходящийся на конце вилкой. Два зубца вилки из черной резины были достаточно гибкими, поэтому если прижать вилку к земле, то зубцы растянутся в стороны, придавливая вилку к земле. В левой руке змеелов нес обыкновенный коричневый мешок.

Змеелов Доналд Макфарлин выглядел весьма впечатляюще, несмотря на тщедушную фигуру и преклонный возраст. Бледно-голубые глубоко посаженные глаза, круглое, смуглое, сморщенное, как грецкий орех, лицо. Над голубыми глазами нависли густые белые брови, а волосы на голове были почти черными. Несмотря на тяжелые сапоги, он ступал мягко и бесшумно, как леопард, и направился напрямиком ко мне.

— Вы кто?

— Он работает в «Шелл», — пояснил Фуллер. — Недавно приехал.

— Хотите посмотреть? — спросил меня змеелов.

— Посмотреть? — испугался я. — Посмотреть? То есть как посмотреть? Я хочу сказать: откуда? Не в доме?

— Можете встать на веранде и смотреть через окно, — сказал змеелов.

— Пойдемте, — махнул мне Фуллер. — Вместе посмотрим.

— Только без глупостей, — напутствовала миссис Фуллер.

Дети, несчастные и жалкие, размазывали слезы по лицу.

Мы с Фуллером и змееловом направились к дому, и, когда мы подошли к веранде, змеелов прошептал:

— Осторожно наступайте на доски, иначе она почувствует вибрацию. Дождитесь, пока я войду в дом, а потом потихоньку проходите к окну.

Змеелов первым поднялся по ступенькам, двигаясь совершенно бесшумно. Он, как кошка, проскользнул по веранде, вошел в дом и быстро, но очень тихо закрыл за собой дверь.

С закрытой дверью я чувствовал себя спокойнее. То есть, мне было спокойнее за себя, но никак не за змеелова. Мне казалось, он сознательно идет на самоубийство.

Мы с Фуллером прокрались на веранду и прильнули к окну. Окно было открыто, но затянута мелкой сеткой от комаров. От этого мне стало еще спокойнее. Мы оба всматривались через мелкие ячейки сетки.

Гостиная была обставлена просто и незамысловато — кокосовая циновка на полу, красный диван, кофейный столик и пара кресел. На циновке под столиком распростерся пес, крупный эрдель с курчавой черно-рыжей шерстью. Он был мертв.

Змеелов замер у двери гостиной. Коричневый мешок теперь свисал с левого плеча, а шест он держал обеими руками, выставив его перед собой параллельно полу. Змею я не видел. Судя по всему, змеелов ее тоже не видел.

Прошла минута... две... три... четыре... пять. Никто не шевелился. В комнате затаилась смерть. Воздух был пропитан смертью. Змеелов превратился в каменный столб, выставив вперед длинный шест.

Он выжидал. Еще минута... и еще... и еще.

И вот я вижу, как колени змеелова начинают сгибаться. Он медленно приседает, пока почти не садится на пол, и в такой позе пыгается заглянуть под диван и кресла.

Похоже, он так ничего и не увидел.

Он медленно выпрямился и обвел глазами комнату. В дальнем углу справа была лестница, ведущая наверх. Змеелов взглянул на ступеньки, и я понял, что у него на уме. Он резко шагнул вперед и остановился.

Ничего не произошло.

Мгновение спустя я заметил змею. Она вытянулась во всю длину вдоль плинтуса правой стены, скрытая от змеелова спинкой дивана. Она лежала там длинным,

красивым, смертоносным копьём из зеленого стекла и не шевелилась — по-видимому, спала. Ее треугольная голова лежала на циновке у подножия лестницы, поэтому нас она видеть не могла.

Я толкнул Фуллера и прошептал:

— Возле стены. — Я показал ему, и Фуллер увидел змею. Он сразу же замахал руками перед окном, привлекая внимание змеелова. Но тот его не видел. Тогда Фуллер очень тихо прошипел: «Тсссс!» — и змеелов тотчас вскинул голову. Фуллер ткнул пальцем. Змеелов понял и кивнул.

Теперь змеелов стал очень-очень медленно пробираться к тыльной стене комнаты, чтобы рассмотреть змею за диваном. И ступал он не на цыпочках, как сделали бы мы с вами. Его ступни не отрывались от пола. У сапог из воловьей шкуры, как у мокасин, не было ни каблучков, ни подметок. Постепенно он добрался до тыльной стены, и оттуда смог увидеть голову и часть туловища змеи.

Но и змея его увидела. Молниеносно змеиная голова взметнулась, туловище выгнулось дугой, приготовившись к нападению. Почти одновременно все тело змеи пошло волнами, набирая энергию для рывка вперед.

Змеелов стоял слишком далеко от змеи и не мог дотянуться до нее своим шестом. Он ждал, глядя на змею, а та в ответ глядела на него своими злобными черными глазками.

Потом змеелов заговорил со змеей.

— Иди сюда, моя красавица, — вкрадчиво прошептал он. — Умница. Никто тебя не обидит. Никто не делает тебе больно, моя славная. Ты просто расслабься и лежи спокойно... — И он шагнул к змее, держа наизготове шест.

А дальше все произошло за какую-то сотую долю секунды. Зеленой вспышкой змея метнулась вперед, пролетев не меньше трех метров, и вонзилась в сапог змеелова. Избежать нападения не смог бы ни один человек. Я услышал, как голова змеи ударилась о толстую воловьую шкуру с отрывистым резким звуком: «тррах!», и тотчас

поднялась на изогнутом туловище, приготовившись к новой атаке.

— Вот молодец, — тихо приговаривал змеелов. — Умница. Прелесть моя. Не надо волноваться. Успокойся, и все будет хорошо. — Разговаривая, он медленно опускал конец шеста, пока зубцы не оказались совсем рядом с телом змеи. — Прелесть моя, — шептал змеелов. — Милая славная крошка. Тихо, моя красавица. Спокойно, милая. Папа тебя не обидит.

Я видел тоненькую темную струйку змеиного яда, стекающую с правого сапога змеелова.

Змея, подняв голову и выгнувшись дугой, напряглась, как тугая пружина, и была готова метнуться вперед в любое мгновение.

— Тихо, моя хорошая, — шептал змеелов. — Теперь не шевелись. Спокойно. Больно не будет.

И вдруг — «ппамм!» — резиновые зубцы обхватили змею примерно посередине и пригвоздили ее к полу. Я видел лишь размытое зеленое пятно — это взбешенная змея металась во все стороны, пытаясь освободиться. Но змеелов давил на шест, и змея не могла выбраться из ловушки.

Что же теперь будет? — пробовал угадать я. Не станет же он ловить этот обезумевший извивающийся сгусток зеленой мышцы руками, а даже если и станет, ее голова непременно метнется к нему и ужалит в лицо.

Держась за самый конец своего двухметрового шеста, змеелов стал пробираться вдоль стены к хвосту змеи. Потом, не обращая внимания на ее извивания и метания, он начал передвигать резиновую вилку вперед, к голове змеи. Делал он это очень-очень медленно, понемногу приближая резиновые зубцы к мотающейся во все стороны голове, продвигая их вдоль извивающегося тела, не выпуская змею из их зажима, и толкая, толкая, толкая длинный деревянный шест вперед по миллиметру. Зрелище зачаровывало и ужасало: маленький человек с белыми бровями и черной шевелюрой осторожно манипулировал своим длинным орудием, медленно скользя вилкой по извивающемуся туловищу по направлению к змеиной голове. А та хлестала по циновке с

таким грохотом, что будь вы наверху, то решили бы, что этажом ниже борются двое здоровенных мужчин.

Наконец зубцы добрались до самой головы, пригвоздив ее к полу, и тогда змеелов протянул руку в перчатке и крепко схватил змею за шею. Отбросил шест. Свободной рукой снял мешок с плеча. Поднял все еще извивающуюся смертоносную зеленую змею и сунул ее голову в мешок. Потом отпустил голову, затолкал в мешок все остальное и завязал его. Мешок дергался и подскакивал так, словно внутри его буйствовало с полсотни злобных крыс, но змеелов теперь полностью расслабился и небрежно держал мешок одной рукой, будто там ничего особенного не было — так, несколько килограмм картошки. Нагнувшись, он поднял с пола свой шест, потом повернулся к окну и посмотрел на нас.

— Жаль собаку, — сказал он. — Уберите ее, пока дети не увидели.

НАЧАЛО ВОЙНЫ

На завтрак в Дар-эс-Саламе неизменно подавали сочную спелую папайю, только что сорванную в саду, а на нее выжимали сок целого свежего лайма. Почти все белые мужчины и женщины в Танганьике получали на завтрак папайю с лаймовым соком, и, по-моему, старые колонизаторы знали, что делали. Это — самый полезный и освежающий завтрак на свете.

Однажды утром в конце августа 1939 года я ел на завтрак свою папайю и размышлял, как и все остальные, о войне с Германией, которая, как все мы понимали, вот-вот разразится. Мдишо слонялся по комнате и делал вид, что очень занят.

— Ты знаешь, что скоро начнется война? — спросил я у него.

— Война? — мгновенно оживился он. — Настоящая война, бвана?

— Страшная война, — сказал я.

Лицо Мдишо просияло от радости. Он был из племени мванумвези, а в жилах каждого мванумвези течет кровь воина. Столетиями они оставались величайшими воинами Восточной Африки, завоеывая все вокруг, в том числе и масаев, и даже теперь при одном упоминании о войне у Мдишо закружилась голова.

— В моей хижине еще цело оружие моего отца! — воскликнул он. — Я сей миг возьму копье и наточу его! С кем будем воевать, бвана?

— С германцами, — ответил я.

— Хорошо, — сказал он. — В округе полно германцев, так что повоюем на славу.

Мдишо был прав — здесь жило множество немцев. Всего двадцать пять лет назад, перед Первой мировой войной, Танганьика была колонией Германской Вос-

точной Африки. Но в 1919 году после перемирия Германия была вынуждена передать эту территорию британцам, те и переименовали ее в Танганьiku. Многие немцы остались в стране. Им принадлежали алмазные копи и золотые рудники. Они выращивали сизаль, хлопок, чай и земляные орехи. Хозяином заводика по производству газировки в Дар-эс-Саламе был немец, как и Вилли Хинк, часовщик. В сущности, в Танганьике немцы намного превышали своей численностью всех прочих европейцев, вместе взятых, и если разразится война, что, как мы все знали, должно произойти, то они превратятся в опасную и трудноразрешимую проблему для властей.

— А когда начнется эта страшная война? — поинтересовался Мдишо.

— Говорят, совсем скоро, — сообщил я ему, — потому что в Европе, до которой в десять раз дальше, чем отсюда до Килиманджаро, у немцев есть вождь по имени бвана Гитлер, и он хочет завоевать весь мир. Немцы думают, что этот бвана Гитлер — замечательный парень. Но на самом деле он — псих, сумасшедший маньяк. Как только начнется война, германцы попытаются убить нас всех, и нам придется убить их раньше, чем они убьют нас.

Мдишо, истинное дитя своего племени, очень хорошо понимал принцип войны.

— А почему бы нам не ударить первыми? — возбужденно воскликнул он. — Почему бы нам не застать их врасплох, этих местных германцев, а, бвана? Почему бы нам не перебить их всех до того, как начнется война? Так всегда лучше, бвана. Мои предки всегда били первыми.

— Боюсь, у нас очень строгие правила насчет войны, — возразил я. — Нельзя никого убивать, пока не дадут свисток и игра не начнется официально.

— Но это же просто смешно, бвана! — вскричал он. — Война, какие еще правила! Победа — вот что считается!

Мдишо было только девятнадцать лет. Родился он и вырос в глубинке, почти в тысяче миль от Дар-эс-Салама, близ того места, которое называется Кигома, на побережье озера Танганьика, и его родители умерли,

когда ему не исполнилось еще и двенадцати. Его взял к себе в дом добродушный губернатор Кигомы и определил помощником шамбы-боя. С той поры он дорос до домашнего слуги и очаровал всех хорошими манерами и добрым нравом. Когда губернатора перевели на работу в Секретариат Дар-эс-Салама, он забрал Мдишо с собой. Примерно через год чиновника отправили в Египет, и бедняга Мдишо оказался вдруг без работы и без дома, но с одним очень ценным документом — великолепной рекомендацией от своего прежнего работодателя. Так что мне сильно повезло, что я нашел его и взял к себе на работу. Он стал моим личным боем, и вскоре мы подружились, что меня в общем-то радовало.

Мдишо не умел ни писать, ни читать, и даже представить не мог, что кроме Африки существует другой мир, другие страны и континенты. Но он был смысленным и быстро схватывал, и я стал учить его читать. Каждый день после моего возвращения с работы мы проводили три четверти часа за чтением. Учился он быстро, и хотя мы все еще застревали на отдельных словах, вскоре мы стали мало-помалу переходить к коротким фразам. Я настаивал на том, чтобы он учился писать и читать не только слова суахили, но и их английские эквиваленты, с тем, чтобы попутно усвоить элементарные знания английского языка. Ему очень нравились наши уроки, и было так трогательно возвращаться домой и видеть его с открытым учебником за столом в столовой.

Мдишо был примерно метр восемьдесят ростом, с отличной фигурой, немного плоским лицом, приплюснутым носом и великолепными, ослепительно белыми зубами.

— Мы обязаны подчиняться правилам войны. Это очень важно, — объяснял я ему. — Нельзя убить ни одного германца до объявления войны. И даже тогда надо давать врагу возможность сдаться, прежде чем убивать его.

— Как мы узнаем, что объявили войну? — спросил у меня Мдишо.

— Из Англии по радио нам скажут, — сказал я. — Мы все узнаем через несколько секунд.

— Вот когда начнется веселье! — закричал он, хлопая в ладоши. — Ох, бвана, скорей бы!

— Если хочешь воевать, нужно сначала стать солдатом, — объяснял я ему. — Ты должен записаться в Кенийский полк и стать аскари. — Аскари называли солдат из частей Королевских африканских стрелков.

— У аскари ружья, а я не умею стрелять, — сказал он.

— Научат, — сказал я. — Тебе должно понравиться.

— Это очень серьезный шаг, бвана, — сказал он. — Нужно как следует подумать.

*Дар-эс-Салам
Воскресенье, без даты*

Дорогая мама!

На прошлой неделе я наконец поддался малярии и слег в постель в среду вечером с жуткой головной болью и температурой 39,5°. На завтра было уже 40°, а пятницу — 40,6°. У них какое-то новое чудодейственное средство, атербин называется, его огромными дозами колят в зад, и температура мигом спадает; потом вкалывают 15 или 20 грамм хинина, и с тех пор ты уже не хозяин своей задницы — слева атербин, справа хинин.

Думаю, когда ты получишь это письмо, война либо будет объявлена, либо уже закончится, но пока жизнь у нас бьет ключом. Все мы — временные армейские офицеры, с жезлами, ремнями и всякими секретными инструкциями. Уходя из дома, мы должны сообщать о своем местонахождении, чтобы нас могли собрать в любую минуту. Мы знаем, куда нужно идти в экстренном случае, но все держится в секрете, и я не уверен, проходят наши письма цензуру или нет, поэтому не буду рассказывать тебе ничего лишнего. Но если начнется война, нам придется выловить всех местных немцев, и тогда все будет спокойно...

Несколькими днями спустя обстановка в Дар-эс-Саламе накалилась. Надвигалась война, и были разработаны подробные планы интернирования сотен немцев в Дар-эс-Саламе и в глубине страны, планы, подлежащие осуществлению сразу же по объявлении войны. В городе было не так уж много молодых англичан, чело-

век пятнадцать, самое большое двадцать, и всем нам приказали бросить работу и превратиться, посредством какого-то волшебного действия, во временных офицеров. Мне выдали красную нарукавную повязку и поручили командовать взводом аскари, но поскольку я никогда не воевал, разве что в школе, я чувствовал себя неловко перед двадцатью пятью хорошо обученными солдатами при карабинах и одном пулемете, оказавшимися в моем ведении.

Меня вызвали в армейские казармы в Дар-эс-Саламе, где британский капитан кенийских африканских стрелков отдал мне соответствующие распоряжения. Он сидел за деревянным столом в фуражке в удушающе жаркой жестяной хижине, и когда говорил, его рыжие коротко подстриженные усы все время подпрыгивали.

— Как только будет объявлена война, — говорил он, — все немцы мужского пола должны быть задержаны под угрозой применения оружия и препровождены в тюремный лагерь. Тюремный лагерь готов, и немцам известно, что он готов, так что многие немцы попытаются сбежать из страны до того, как мы их поймем. Ближайшая нейтральная территория — это Португальская Восточная Африка, а туда из Дар-эс-Салама добраться можно только по одной дороге, она идет вдоль берега на юг. Знаете эту дорогу?

*Дар-эс-Салам
Пятница, 15 сентября*

Дорогая мама!

Прости, что сто лет тебе не писал, но ты могла догадаться, что у нас тут сложилась довольно напряженная обстановка. Сейчас все местные немцы отправлены в лагерь для интернированных. А отлавливали их мы, армейские офицеры. Как только в 1.15 дня в воскресенье объявили войну, по нескольким телефонам дали тревогу, и командиры созвали свои отряды и направились в полицейские участки за оружием и приказами. В то время я вместе с туземными солдатами (аскари) был за городом и охранял дорогу вдоль Южного побережья. Все, что я услышал, это мрачный голос по полевому телефону, который сказал: «Война

объявлена, резерву следует арестовать всех германских подданных, пытающихся покинуть город или проникнуть в него».

Тут-то и началось веселье. Больше ничего рассказывать не буду, иначе цензор не пропустит письмо...

Я ответил, что знаю ее очень хорошо.

— По этой дороге, — сказал капитан, — каждый немец в Дар-эс-Саламе попробует улизнуть в тот момент, когда будет объявлена война. Вы обязаны остановить их, задержать и препроводить в тюремный лагерь.

— Кто, я? — опешил я.

— Вы с вашим взводом, — сказал он. — У нас нет других людей. А нам нужно расставить патрули по всей стране. Займите выгодную оборонительную позицию и разместите своих людей в надежном укрытии. Некоторые немцы наверняка попытаются пробиться силой и могут устроить стрельбу.

— То есть, — сказал я, — я со своим взводом должен остановить всех немцев, бегущих из Дара?

— Таков приказ, — ответил он.

— Их же, наверное, сотни.

— Точно, — ухмыльнулся он.

— А что будет, если они возьмут ружья и затеют бой? — спросил я.

— Перестреляете их всех, — сказал капитан. — У вас же есть пулемет. С одним пулеметом можно перебить пятьсот человек с винтовками.

Мне стало не по себе. Я не хотел брать на себя ответственность за убийство пятисот гражданских человек на прибрежной дороге, ведущей в Португальскую Восточную Африку.

— Что, если с ними будут женщины и дети? — спросил я.

— Действуйте по обстоятельствам, — уклонился от ответа капитан.

— Но... но... — промямлил я, — ведь эта дорога — основной путь бегства из страны. Не кажется ли вам, что столь важное задание следует поручить вам или другому офицеру регулярных войск?

— У нас и так все руки заняты, — сказал капитан.

Но я никак не унимался.

— Ведь я ничему такому не обучен, — убеждал его я. — Я просто работаю на «Шелл».

— Чушь! — рявкнул он. — Немедленно отправляйтесь! И не подведите нас!

И я отправился.

Отыскав телефон, я позвонил домой и предупредил Мдишо, чтобы он меня не ждал.

— Я знаю, куда ты собрался, бвана! — закричал он в трубку. — На германцев идешь! Я угадал!

— Ну, — сказал я, — посмотрим.

— Я хочу с тобой, бвана! — взмолился он. — Пожалуйста, возьми меня с собой!

— Боюсь, на этот раз не получится, Мдишо, — сказал я. — Тебе придется остаться и приглядывать за домом.

— Будь осторожен, бвана, — сказал он. — Будешь вести себя осторожно — останешься жив.

Я вышел на площадь перед казармами, где меня ожидал мой взвод. Аскарари в шортах и гимнастерках цвета хаки с винтовками наперевес выстроились по стойке смирно рядом с двумя открытыми грузовиками. На них было приятно посмотреть. Завидев меня, сержант отдал честь и приказал взводу садиться по машинам. Я сел в кабину первого грузовика между водителем и сержантом, и мы поехали через город к прибрежной дороге, ведущей в Мозамбик, что в Португальской Восточной Африке. В кузове второго грузовика аскарари везли огромную катушку телефонного кабеля, намереваясь по пути уложить кабель вдоль дороги, чтобы обеспечить постоянную связь со штабом, из которого мне должны были сообщить о начале войны. Раций у них не было.

— Много у нас кабеля? — спросил я сержанта. — На сколько его хватит?

— Километров на пять, бвана, — усмехнулся сержант.

Сразу же по выезде из Дар-эс-Салама мы остановились возле маленькой хижины, и два связиста соскочили с машины, открыли дверь и подключили наш кабель

к розетке внутри хижины. Потом мы поехали дальше, а связисты шли следом и укладывали кабель в траву на обочине, так что ехали мы медленно.

Дорога шла по самому краю Индийского океана. Сквозь чистую светло-зеленую воду просвечивало песчаное дно, и на тонкой полоске берега росли кокосовые пальмы, тянущие свои взлохмаченные головы к горячему синему небу. Вид был очень красивый. Кабины наших грузовиков продувал легкий ветерок с моря.

Километра через три с лишним дорога резко пошла в гору и повернула вглубь материка, направляясь в густые тропические заросли.

— Что если нам остановиться среди деревьев? — спросил я сержанта.

— Хорошее место, — согласился он, так что мы остановились там, где дорога вступала в джунгли, и вылезли из грузовиков.

— Поставьте грузовики поперек дороги, — приказал я сержанту, — и проследите, чтобы все бойцы хорошенько спрятались на опушке леса. Оружие надо распределить так, чтобы вся проезжая часть за грузовиками находилась под прицелом пулемета и винтовок.

Когда все это было сделано, я отвел сержанта в сторону и заговорил с ним на суахили.

— Послушайте, сержант, — сказал я, — думаю, вы понимаете, что я не солдат.

— Понимаю, бвана, — вежливо ответил он.

— Поэтому если я совершу какую-нибудь глупость, скажите мне, пожалуйста, об этом.

— Хорошо, бвана, — кивнул он.

— Вы довольны нашей позицией? — спросил я его.

— По-моему, место удачное, бвана, — ответил он.

До конца дня мы слонялись без дела, ожидая звонка полевого телефона. Я сидел в тени рядом с телефоном и курил трубку. Помню, на мне были шорты цвета хаки, гимнастерка хаки, носки хаки и коричневые ботинки, а на голове — пробковый тропический шлем цвета хаки. Здесь все так одевались, я чувствовал себя в этой одежде удобно и уютно. Но далеко не уютно было у меня на душе. Мне было двадцать три, и меня никогда не учили

убивать. У меня не было твердой уверенности, что я смогу хладнокровно отдать приказ открыть огонь по кучке штатских немцев. Поэтому я чувствовал себя крайне неуютно.

Стало совсем темно, а телефон все не звонил.

В кузове одного из грузовиков стоял большой круглый чан с питьевой водой, и все пили вволю. Потом сержант набрал хворосту, развел костер и стал готовить ужин для солдат. Он варил рис в огромном котле, и пока рис кипел, он принес из грузовика большую связку бананов, очистил их, нарезал на кусочки и бросил в котел с рисом. Когда ужин был готов, каждый аскарин достал по оловянной миске с ложкой, и сержант черпаком щедро разложил рис по мискам. До сих пор я не задумывался о еде и, разумеется, ничего с собой не взял. Глядя на ужинающих солдат, я тоже захотел есть.

— Можно мне попробовать? — спросил я сержанта.

— Конечно, бвана, — сказал он. — Миска у вас есть?

— Нет, — ответил я.

Тогда он нашел для меня оловянную миску и ложку и положил мне огромную порцию. Оказалось очень вкусно. Сержант использовал неочищенный коричневый рис, и зернышки не слипались друг с другом. Горячие сладкие ломтики банана смазывали рис как масло. Я никогда еще не пробовал такого вкусного блюда из риса и съел все без остатка. На душе стало хорошо, и я начисто забыл про немцев.

— Восхитительно, — похвалил я. — Вы превосходно готовите.

— Всякий раз, когда мы выезжаем из своих казарм, — сказал он, — я должен сам кормить своих бойцов. Всем сержантам приходится этому учиться.

— Рис был просто потрясающий, — еще раз похвалил я. — Вам нужно открыть ресторан, и вы станете богатым человеком.

По всей округе в лесу непрестанно квакали лягушки. У африканских лягушек необычайно громкое скрипучее кваканье, и к тому же, как бы далеко лягушка не находилась, всегда кажется, что она квакает у вас под нога-

ми. Лягушачье кваканье — это ночная музыка восточно-африканского побережья. Квакает вообще-то только самец, он раздувает свой подгрудок, а потом выпускает воздух с громким *врруупп*. Это его брачный зов, и самка, заслышав томный клич, быстро скачет к потенциальному жениху.

Но когда она добирается до своей цели, происходит забавная вещь, хотя это не совсем то, о чем вы подумали. Самец не поворачивается и не приветствует самку. Где там. Он ее в упор не видит, сидит себе и поет свою песнь звездам, а самка терпеливо ждет рядом. Она ждет и ждет и ждет. А он поет и поет и поет, часто несколько часов кряду, и происходит на самом деле вот что. Зачарованный звуком своего голоса самец напрочь забывает, ради чего он, собственно, начал квакать. Мы-то знаем, что он начал квакать, потому что ему захотелось ласки. Но сейчас он не слышит ничего, кроме прелестной музыки, льющейся из его глотки, он не замечает ничего вокруг, даже вздыхающую рядом самку. В конце концов она теряет терпение и начинает толкать его передней лапкой, и только тогда самец выходит из транса и обращает на нее внимание.

Ну да ладно. Лягушачий самец ненамного отличается от самцов человеческих, думал я, сидя в темном лесу.

У сержанта я позаимствовал армейское одеяло и устроился на ночлег рядом с полевым телефоном. В голове промелькнула мысль о змеях. Интересно, сколько их ползает в густой траве? Наверное, тысячи. Но раз уж аскари их не боятся, то почему бы и мне не рискнуть?

Ночью телефон не звонил, и на рассвете сержант снова развел костер и опять приготовил тот же рис с бананами. Утром он уже не казался таким вкусным, как вчера вечером.

В двенадцатом часу резко звякнул телефон.

— Великобритания объявила войну Германии. Будьте в полной боевой готовности, — произнес голос в трубке.

Я приказал сержанту расставить бойцов по местам.

В течение часа все было тихо. Аскари сидели в засаде со своими винтовками, я стоял рядом с грузовиками на дороге.

И вдруг вдалеке показалось облачко пыли. Чуть погодя я разглядел первый автомобиль, за ним второй, третий и четвертый. По-видимому, все немцы в Даре решили выехать вместе одной колонной сразу после объявления войны, потому что теперь я видел шеренгу автомобилей, следующих с интервалом метров в двадцать друг за другом и растянувшихся по дороге примерно на километр. Среди них были грузовики, доверху нагруженные вещами. Пикапы с привязанной к крышам мебелью. Я вызвал сержанта из леса.

— Едут, — сообщил я, — и их много. Сидите тихо и не высовывайтесь. А я останусь здесь и встречу немцев. Если я подниму обе руки над головой, вот так, стреляйте: один залп из винтовок и пулемета поверх голов. Не по этим людям, а поверх голов.

— Так точно, бвана, залп поверх голов.

— В случае насилия по отношению ко мне и если они попытаются пробиться силой, берите командование на себя и действуйте по обстановке.

— Есть, бвана, — сказал сержант, прикидывая разные возможности, и вернулся в лес. Я стоял на дороге, дожидаясь первой машины. Во главе колонны ехал большой фургон «Шевроле», за рулем которого сидел мужчина, а рядом с ним, в кабине, на переднем сиденье еще двое мужчин. Все остальное место в автомобиле занимал багаж. Я поднял руку, давая водителю знак остановиться, что тот и сделал. Подходя к окну водителя, я чувствовал себя копом из дорожной полиции.

— Боюсь, дальше проезд для вас закрыт, — сказал я. — Всем вам придется развернуться и поехать назад в Дар-эс-Салам. Один из моих грузовиков встанет во главе колонны. Второй поедет сзади.

— Што за чепукка? — закричал мужчина с сильным немецким акцентом. Возраста он был среднего, с бычьей шеей и почти совершенно лысой головой. — Уберите грузовики с дороги! Мы ехать будем!

— Боюсь, что не получится, — возразил я. — Вы теперь военнопленные.

Лысый человек медленно выбрался из кабины. Он разозлился и двигался угрожающе. Те двое, что ехали вместе с ним, тоже вышли из кабины. Повернувшись, лысый махнул рукой, из всех пятидесяти машин выскочили мужчины и двинулись к нам. Во многих автомобилях сидели женщины и дети, но они остались на своих местах.

Дело принимало неприятный оборот, и мне это совсем не нравилось. Что я буду делать, спрашивал я себя, если они откажутся вернуться и попытаются пробиться? Я прекрасно понимал, что никогда не смогу командовать пулеметчику скосить их всех под корень. Вышла бы жуткая, отвратительная бойня. Я стоял и ничего не говорил.

Через несколько минут за спиной лысого образовалась толпа человек из семидесяти.

Лысый отвернулся от меня и обратился к своим соотечественникам.

— Все в порядке, — сказал он. — Давайте уберем эти два грузовика с дороги и поедем дальше.

— Стоять! — скомандовал я, стараясь придать голосу солидность. — Мне приказано остановить вас любой ценой. Если вы попытаетесь двинуться дальше, мы будем стрелять.

— Кто ппутет стрелять? — презрительно спросил лысый. Он вытащил револьвер из заднего кармана своих брюк цвета хаки, и я увидел, что это длинноствольный «Люгер». Сразу же у половины собравшихся в руках появились такие же пистолеты. Лысый направил «Люгер» в мою грудь.

Подобное я тысячу раз видел в кино, но в жизни все выглядит по-другому. Я по-настоящему испугался. И изо всех сил старался этого не показать. Потом поднял обе руки над головой. Лысый заулыбался. Он решил, что я сдаюсь.

Трах! Трах! Трах! Все оружие за моей спиной, в том числе пулемет, защелкало, и над нашими головами засвистели пули.

Немцы подскочили. В буквальном смысле. Даже лысый. И я тоже.

Потом я опустил руки.

— Вам не проехать дальше, — сказал я. — Любой, кто попытается прорваться, будет застрелен. Если вы все вместе рванетесь, все вы будете убиты. Таков мой приказ. У меня достаточно огневой силы, чтобы остановить целый полк.

Воцарилось полнейшее безмолвие. Лысый опустил свой «Люгер», и вдруг весь тон его переменялся. Он одарил меня кривой натужной улыбкой и негромко спросил:

— Потшему вы нас не пускайте?

— Потому что мы ведем войну с Германией, — сказал я, — а вы все — подданные Германии, следовательно, вы наши враги.

— Ми — граштанские, — возразил он.

— Может быть, — согласился я. — Но как только вы доберетесь до Португальского Востока, вы вернетесь в свой фатерлянд и станете солдатами. Я вас не пропущу.

Вдруг он схватил меня за руку и ткнул стволом своего «Люгера» мне в грудь. Потом повысил голос и прокричал моим невидимым бойцам на суахили:

— Попробуйте только помешать нам, и я пристрелю вашего офицера!

То, что произошло потом, стало полнейшей неожиданностью. Из зарослей раздалось одиночное «тррах!» какой-то винтовки, и вцепившийся в меня лысый получил пулю прямо в лицо. Зрелище было ужасающее. Голова словно раскололась надвое, из нее во все стороны полетели серые ошметки. Крови не было, только серая масса и осколки кости. Кусок этого серого угодил мне в щеку. Всю гимнастерку заляпало серой жижей. «Люгер» упал на дорогу, а лысый замертво свалился подле своего оружия.

Все мы были потрясены, но мне удалось взять себя в руки и сказать:

— Давайте обойдемся без новых убийств. Разворачивайте ваши машины и следуйте за нашим грузовиком до города. Вам гарантируется хорошее обращение, а женщинам и детям позволят вернуться домой.

Толпа мужчин развернулась и уныло разбрелась по своим машинам.

— Сержант! — крикнул я, и из леса на мой зов поспешно явился сержант. — Труп — в грузовик, и поставьте его во главе колонны, — приказал я. — Поедете в первом грузовике и поведете колонну к тюремному лагерю. Я поеду замыкающим во втором грузовике.

— Очень хорошо, бвана, — сказал сержант.

Вот так мы и взяли в плен всех штатских немцев Дар-эс-Салама, когда разразилась война.

МДИШО ИЗ ПЛЕМЕНИ МВАНУМВЕЗИ

Пока мы доставили немцев в лагерь, пока я доложил обо всем командованию, наступила полночь. Я пошел домой, чтобы принять душ и немного поспать. Я очень устал и страшно переживал из-за убитого лысого немца. Капитан в казарме поздравил меня и сказал, что я поступил правильно, но от его слов легче мне не стало.

Дома я сразу поднялся наверх и сбросил с себя всю одежду, особенно гимнастерку, испачканную брызгами серого вещества и прилипшими к ткани обломками костей. Долго мылся под душем, потом натянул на себя пижаму и снова спустился вниз, чтобы выпить виски.

В гостиной я уселся в кресле, потягивая виски и перебирая в памяти все случившееся за последние тридцать шесть часов. Виски приятно разливалось по всему телу, и напряжение постепенно спадало. Сквозь открытые окна до меня доносился шум прибоя, Индийский океан бился о скалы прямо под нашим домом. Я по привычке повернул голову, чтобы полюбоваться своей прекрасной серебряной арабской саблей, которая висела на стене над дверью. И едва не выронил стакан. Сабля исчезла. Ножны висели на своем месте, но сабли в них не было.

Я купил эту саблю примерно год назад в гавани Дар-эс-Салама у капитана арабского дау — так в тех краях называют одномачтовое каботажное судно. Этот капитан ходил на своем старом дау из Маската в Африку по северо-восточному муссонному течению и добирался до места за тридцать четыре дня. Я оказался в порту в тот момент, когда его судно входило в гавань, и с радостью принял приглашение таможенного офицера подняться вместе с ним на борт вновь прибывшего судна. Там-то я

и увидел эту саблю, влюбился в нее с первого взгляда и тотчас купил ее у капитана за пятьсот шиллингов.

Длинная изогнутая сабля была вставлена в серебряные ножны, украшенные замысловатой резьбой с картинками из жизни пророка. Кривое лезвие имело около метра в длину и было острым, как бритва. Мои дар-эс-саламские друзья, знавшие толк в таких вещах, говорили мне, что, судя по всему, она изготовлена в середине восемнадцатого века и место ей в музее.

Я принес свое сокровище домой и вручил его Мдишо.

— Повесь ее над дверью, — сказал я ему. — Теперь твоя обязанность — начищать ножны до блеска и протирать лезвие промасленной тряпочкой, чтобы оно не ржавело.

Мдишо с благоговением принял у меня саблю и рассмотрел ее. Потом вытащил клинок из ножен и проверил остроту лезвия, потрогав его своим большим пальцем.

— У-ух ты! — вскричал он. — Вот это оружие! С такой саблей я победил бы в любой войне!

И вот теперь я сидел в своем кресле в гостиной со стаканом виски и в ужасе смотрел на опустевшие ножны.

— Мдишо! — закричал я. — Иди сюда! Где моя сабля?

Никакого ответа. Спит, наверное. Я встал и направился в дальнюю половину дома, где находились комнаты для прислуги. На небе светили месяц и звезды, и я увидел повара Пигги, сидевшего на корточках у своей хижины вместе с одной из своих жен.

— Пигги, где Мдишо? — спросил я.

Старик Пигги великолепно готовил картошку, фаршированную крабами. Увидев меня, он встал, а его женщина растворилась во мраке.

— Где Мдишо? — повторил я.

— Мдишо ушел еще вечером, бвана.

— Куда?

— Не знаю. Но сказал, что вернется. Наверное, пошел к отцу. Ты уехал в джунгли, и он, наверное, решил, что ты не рассердишься, если он навестит своего отца.

— Где моя сабля, Пигги?

— Сабля, бвана? Разве она не висит над дверью?

— Ее нет, — сказал я. — Боюсь, ее украли. Когда я пришел, все окна были открыты. Так не годится.

— Да, бвана, так не годится. Я ничего не понимаю.

— Я тоже, — сказал я. — Иди спать.

Я вернулся в дом и снова хлопнулся в кресло. Я так устал, что не мог даже пошевелиться. Ночь выдалась очень жаркая. Я выключил ночник, закрыл глаза и задремал.

Не знаю, долго ли я спал, но когда очнулся, все еще была ночь, и прямо в огромном окне стоял Мдишо в свете молодой луны. Он тяжело дышал, на лице застыло дикое иступленное выражение, и на нем не было ничего, кроме коротких черных шорт. Его великолепное черное тело буквально сочилось потом. В правой руке он держал саблю.

Я резко сел в кресле.

— Мдишо, где ты был?

Клинок тускло поблескивал в лунном свете, и я заметил темные пятна на лезвии, очень похожие на застывшую кровь.

— Мдишо! — закричал я. — Господи, что ты натворил?

— Бвана, — сказал он, — ох, бвана, я одержал грандиозную победу. Думаю, ты будешь очень доволен, когда узнаешь.

— Рассказывай, — велел я, начиная нервничать.

Никогда прежде мне не доводилось видеть Мдишо в таком состоянии. Дикий взгляд, искаженное лицо, тяжелое дыхание, пот по всему телу — все это заставляло меня нервничать сильнее, чем когда бы то ни было.

— Выкладывай сейчас же, — повторил я. — Рассказывай, что ты натворил.

Он выпалил все на одном дыхании. Я не перебивал его и теперь попробую поточнее пересказать вам его историю. Он говорил на суахили, стоя в проеме окна на фоне ночного неба, и его великолепное тело блестело в лунном свете.

— Бвана, — рассказывал он, — бвана, вчера на базаре я услышал, что мы начали воевать с германцами, и я вспомнил, как ты говорил, что они попытаются нас убить. Как только я услышал эту новость, я побежал домой и кричал всем, кто попадался мне на пути. Я кричал: «Мы воюем с германцами! Мы воюем с германцами!»

Если кто-то идет на нас с войной, в моей стране принято сейчас же оповещать все племя. Поэтому я бежал домой и на ходу кричал эту новость людям, и еще я думал, что я, Мдишо, могу сделать полезного. Вдруг я вспомнил богатого германца, который живет на взгорье и выращивает сизаль. Мы недавно ездили к нему.

Тогда я побежал еще быстрее. Дома я вбежал в кухню и крикнул повару Пигги: «Мы воюем с германцами!» Потом побежал сюда и схватил саблю, вот эту чудесную саблю, которую я полировал для тебя каждый день.

Бвана, мысль о войне меня очень возбуждала. Ты уже уехал с аскари, и я знал, что тоже должен что-то сделать.

Так что я вытащил саблю из ножен и побежал к дому богатого германца.

Я не пошел по дороге, потому что аскари могли бы задержать меня, увидев, как я с саблей в руке бегу по дороге. Я побежал через лес, и когда добрался до вершины холма, то с другой стороны увидел большие плантации сизаля, принадлежащие богатому германцу. За ними стоял его дом, большой белый дом, и я спустился с холма в сизаль.

К тому времени уже стемнело и было не так просто пробираться через высокие колючие растения сизаля, но я продолжал бежать.

Потом я увидел перед собой в лунном свете белый дом, подбежал к двери и распахнул ее. Я вбежал в первую комнату, но она оказалась пуста. На столе стояла еда, но в комнате никого не было. Тогда я побежал в заднюю часть дома и распахнул дверь в конце коридора. Там тоже было пусто, но вдруг в окне я увидел большого германца в палисаднике. Он развел костер и бросал в огонь бумагу. Возле него на земле лежала целая пачка бумаги, он подбирал листы и бросал их в огонь. И, бва-

на, у его ног лежало огромное ружье, с которым ходят на слонов.

Я выбежал за дверь. Германец услышал меня, резко развернулся и потянулся за ружьем, но я его опередил. Я поднял саблю обеими руками и одним махом опустил ее ему на шею, когда он нагнулся за ружьем.

Бвана, это — прекрасная сабля. Одним ударом она врезалась в шею так глубоко, что голова упала вперед и свесилась на грудь, а когда он стал падать, я ударил по шее еще раз, и голова покатила по земле, как кокосовый орех, и из шеи брызнули огромные фонтаны крови.

Мне стало тогда так хорошо, бвана, очень хорошо, и я пожалел, что тебя нет рядом. Но ты был далеко, на прибрежной дороге со своими аскари, убивая других германцев, поэтому я поспешил домой. Я пошел домой по дороге, потому что так быстрее и мне уже было все равно, увидят меня аскари или нет. Я бежал всю дорогу, держа саблю в руке, и иногда на бегу я махал ею над головой, но ни разу не остановился. Дважды на меня кричали, а один раз двое побежали за мной, но я летел, как птица, и нес домой радостную весть.

Путь туда неблизкий, бвана, и у меня ушло по четыре часа в каждый конец. Вот почему я опоздал. Прости меня за опоздание.

Мдишо замолчал. Он закончил свой рассказ.

Я знал, что он не лжет. Немца, хозяина плантации сизаля, звали Фриц Кляйбер, это был богатый и крайне неприятный холостяк. Ходили слухи, что он плохо обращается со своими рабочими и бьет их плеткой из кожи носорога, которой можно забить до смерти. Меня удивило, что наши его не задержали, прежде чем Мдишо до него добрался. Вероятно, они как раз к нему направляются. Их ждет большое потрясение.

— А ты, бвана? — закричал Мдишо. — Сколько ты сегодня уложил?

— Сколько кого? — не понял я.

— Германцев, бвана, германцев! Сколько ты перебил тем замечательным пулеметом, с которым выходил на дорогу?

Я посмотрел на него и улыбнулся. Не мог я винить его за то, что он натворил. Он принадлежал дикому племени мванумвези, а мы, европейцы, вылепили из него домашнего слугу, и теперь его природное естество одерживало верх.

— Ты еще кому-нибудь рассказывал о том, что сделал?

— Еще нет, бвана. Ты — первый.

— Так вот, слушай меня внимательно, — сказал я. — Никому ничего не говори, ни отцу, ни женам, ни лучшему другу, ни повару Пигги. Ты меня понял?

— Но я должен всем рассказать! — закричал он. — Не отнимай у меня эту радость, бвана!

— Нельзя, Мдишо, — сказал я.

— Но почему? — чуть не плача кричал он. — Разве я сделал что-то плохое?

— Совсем наоборот, — солгал я.

— Так почему я не могу рассказать об этом своим? — недоумевал он.

Я попытался объяснить ему, как отреагируют власти, если узнают про него. Нельзя просто прийти и отрубить голову человеку, пусть даже в военное время. «Тебя могут посадить в тюрьму, — внушал я ему, — а то и что-нибудь похуже».

Он не мог поверить моим словам. Он был просто раздавлен.

— Сам я страшно горжусь тобой, — сказал я, пытаюсь приободрить его. — Для меня ты великий герой.

— Но ведь только для тебя, бвана?

— Вовсе нет, Мдишо. Думаю, ты стал бы героем для всех здешних англичан, узнай они о твоём подвиге. Но это не поможет. Тебя арестует полиция.

— Полиция! — в ужасе закричал он.

Если есть что-то такое, чего боятся все местные в Дар-эс-Саламе, то это полиции. Все полицейские чины были черными, командовали ими двое белых офицеров, и никто из них не отличался мягким или снисходительным обхождением с заключенными.

— Да, — сказал я, — полиция.

Я не сомневался — если Мдишо поймают, его обвинят в убийстве.

— Тогда я буду молчать, бвана, — сказал он и в один миг потускнел, поник. У него был такой несчастный, поверженный вид, что я не выдержал.

Я встал с кресла, прошел через всю комнату и снял ножны со стены.

— Скоро мы с тобой расстанемся, — сказал я. — Я решил пойти на войну, буду летать на самолете.

В суахили есть только одно слово, которое обозначает самолет — *ндеги*, то есть птица.

— Я собираюсь летать на птицах, — вот как буквально сказал я. — Я буду летать на английских птицах и воевать с птицами германцев.

— Чудесно! — воскликнул Мдишо, вновь расцветая при одном упоминании войны. — Я поеду с тобой, бвана.

— К сожалению, нельзя, — покачал я головой. — В начале я буду всего лишь рядовым пилотом, вроде ваших самых молодых аскари, и жить буду в казарме. Мне никто не позволит держать при себе слугу. Мне придется обслуживать себя самому, даже стирать и гладить гимнастерки.

— Это совершенно невозможно, бвана, — сказал Мдишо. Он был по-настоящему потрясен.

— Я справлюсь, — успокоил его я.

— Но разве ты умеешь гладить рубашки, бвана?

— Нет, — сказал я. — До отъезда ты должен научить меня этому секрету.

— Там будет очень опасно, бвана, там, куда ты поедешь? Много пушек у этих германских птиц?

— Наверное, опасно, — ответил я, — но первые шесть месяцев будет одно веселье. Шесть месяцев меня будут учить летать на птице.

— Куда ты поедешь? — спросил он.

— Сначала в Найроби, — ответил я. — Учить начнут на очень маленьких птицах в Найроби, а потом мы поедем куда-то еще летать на больших. Мы будем много странствовать с очень маленьким багажом. Поэтому саблю мне придется оставить здесь. Я не могу таскать за собой такую громоздкую вещь. Так что я отдаю ее тебе.

— Мне! — вскричал он. — Нет, бвана, не надо! Она пригодится тебе там, куда ты собрался!

— Только не на птице, — сказал я. — Там слишком тесно, саблей не помашешь. — Я протянул ему изогнутые серебряные ножны. — Ты ее заслужил. Теперь походи и очень тщательно вымой клинок. Чтобы нигде не осталось следов крови. Потом протри клинок маслом и вставь в ножны. Завтра я напишу расписку, что дарю саблю тебе. Расписка — это важно.

Он стоял, держа в одной руке саблю, а в другой — ножны, и глядел на них глазами, сияющими, как звезды.

— Я награждаю тебя саблей за твою храбрость, — сказал я. — Но никому об этом не говори. Скажи просто, что я подарил ее тебе на прощание.

— Хорошо, бвана, — сказал он. — Так я и буду говорить. — Он помолчал мгновение, а потом поглядел мне прямо в глаза. — Скажи мне всю правду, бвана, ты правда рад, что я убил того большого германца?

— Мы тоже одного сегодня убили, — признался я.

— Ты тоже? — вскричал Мдишо. — Ты тоже убил одного, да?

— Пришлось, иначе он убил бы меня.

— Значит, мы наравне, бвана, — сказал он, показывая в улыбке все свои чудесные белые зубы. — Теперь мы стали равными, ты и я.

— Да, — ответил я. — Думаю, ты прав.

Но одно ты должна сделать — ты должна немедленно переехать. Сообщи телеграммой свой новый адрес — если это не слишком дорого. Сейчас нельзя ни минуты оставаться в Восточной Англии. Не успеешь оглянуться, как на твоей лужайке высадятся парашютисты.

ЛЕТНАЯ ШКОЛА

В ноябре 1939 года, через два месяца после начала войны, я известил компанию «Шелл», что хочу поступить на военную службу и воевать с бваной Гитлером, и компания, благословив, отпустила меня. В порыве восхитительного великодушия компания решила по-прежнему переводить мой оклад на банковский счет, где бы я ни находился и до тех пор, пока я жив. Я их поблагодарил, сел в свой старенький «Форд-Префект» и поехал в Найроби записываться в Королевские ВВС.

Когда в одиночку отправляешься в долгое — от Дар-эс-Салама до Найроби было около тысячи километров — и не совсем безопасное путешествие, все чувства обостряются, и несколько эпизодов из моего странного двухдневного сафари по центральной Африке до сих пор сохранились в моей памяти.

В первый день своего путешествия я чуть ли не на каждом шагу наткнулся на красавцев жирафов. Как правило, они собирались в небольшие группы, по трое или четверо, часто среди них был детеныш.

Эти животные всегда меня восхищали. Они были на удивление кроткими. Всякий раз, завидев их на обочине жующими зеленые листья с верхушек акаций, я непременно останавливал машину и медленно направлялся к ним. По пути я, задрав голову и глядя на их покачивающиеся на длинных-длинных шеях головки, выкрикивал бессмысленные радостные слова.

Я часто удивлялся тому, как веду себя, если уверен, что поблизости нет ни одного человека. Все мои внутренние запреты куда-то исчезали, и я орал во все горло: «Привет, жирафы! Привет! Привет! Привет! Как поживаете?» А жирафы лишь наклоняли головы и смотрели на меня своими влажными глазами, но ни разу не убежали.

Я приходил в дикий восторг от того, что могу свободно разгуливать среди этих огромных изящных диких созданий и говорить им все, что взбредет в голову.

Дорога на север через Танганьiku была неровной и узкой. Один раз я заметил впереди крупную зеленовато-коричневую кобру, медленно скользящую по дорожным выбоинам. Я заметил ее метров за тридцать перед собой. Длинной она была метра два с лишним и ползла, приподняв плоскую голову над пыльной дорогой. Я тотчас остановил машину, чтобы не наехать на змею, и если честно, то так испугался, что быстро дал задний ход и пятился назад до тех пор, пока жуткая тварь не скрылась в подлеске. За все время, что я провел в тропиках, я так и не смог избавиться от страха перед змеями. При виде них меня бросало в дрожь.

На реке Вами туземцы поставили мой автомобиль на плотик, и шестеро крепких мужчин на другом берегу взялись за канат и с песнями потянули меня через реку. Течение было стремительным, и на середине реки углый плотик, на котором качались я и моя машина, начало сносить вниз. Шестеро силачей запели громче и потянули сильнее, а я беспомощно сидел в кабине и следил за плещущимися вокруг плотика крокодилами, а крокодилы пялились на меня своими злобными черными глазками. Я подскакивал на волнах больше часа, но в конце концов шестеро силачей победили течение и перетащили меня через реку.

— С тебя три шиллинга, бвана, — сказали они, смеясь.

Слона я видел всего один раз. Крупный самец с самкой и детенышем медленно шли по лесу вдоль дороги. Я остановился, но из машины не вышел. Слоны меня не заметили, и я спокойно наблюдал за ними. От этих огромных неторопливых животных веяло умиротворенностью и спокойствием. Их шкуры свисали складками, словно мешковатые костюмы, позаимствованные у более крупных предков. Как и жирафы, слоны — вегетарианцы, им не нужно охотиться или убивать, чтобы выжить в джунглях, но ни один дикий зверь не посмеет напасть на них. Им следует опасаться лишь подлых лю-

дишек — случайных охотников или браконьеров — но судя по виду этого небольшого семейства, они с подобными ужасами еще не сталкивались. Похоже, они были счастливы и довольны жизнью. Они куда лучше меня, сказал я себе, и много-много мудрее. Сам-то я сейчас еду убивать немцев или погибнуть от их пули, а эти слоны даже не знают, что такое убийство.

На границе Танганьики и Кении поперек дороги стояла старая хижина с деревянными воротами, а командовал этим великим форпостом таможенно-иммиграционного ведомства древний и беззубый чернокожий человек, сообщивший мне, что он трудится здесь вот уже тридцать семь лет. Он предложил мне чашку чаю и попросил не обижаться за то, что у него к чаю совсем нет сахара. Я спросил у него, не желает ли он, чтобы я ему предъявил свой паспорт, но он затряс головой и сказал, что все паспорта для него на одно лицо. Во всяком случае, добавил он, улыбаясь, как заговорщик, он все равно ничего не прочтет без очков, а очков у него нет.

Вокруг моей машины собрались огромные масаи с копьями в руках. Они с любопытством рассматривали меня и хлопали руками по машине, но мы друг друга не понимали.

Немного погодя я трясся по особенно узкому участку дороги, вьющейся сквозь густые тропические заросли, и вдруг солнце закатилось, и за десять минут на джунгли опустился мрак. Фары мои светили очень слабо. Было бы глупо продираться сквозь ночь. Так что я остановился на самой обочине среди колючих деревьев, открыл окно и налил себе немного виски с водой. Я неторопливо пил, прислушиваясь к шорохам джунглей, и ничуть не боялся: автомобиль надежно защищает от любых диких зверей. У меня был с собой бутерброд с сыром, и я съел его, запивая виски. Потом закрыл оба окна, оставив лишь щелочки сверху, перебрался на заднее сиденье и уснул, свернувшись калачиком.

В Найроби я приехал около трех часов следующего дня и прямым ходом покатил на аэродром, где располагалась маленькая штаб-квартира Королевских воен-

но-воздушных сил. Там я прошел медицинский осмотр у приветливого врача-англичанина, который заметил, что рост метр девяносто восемь не очень подходит для пилота.

— Вы хотите сказать, что не допускаете меня к службе в авиации? — с испугом спросил я.

— Как это ни забавно, — ответил он, — но в моих инструкциях нет упоминания об ограничениях по росту, так что я пропускаю вас с чистой совестью. Удачи, мой мальчик.

Мне выдали простую форму, состоявшую из шортов цвета хаки, гимнастерки, кителя, носков тоже цвета хаки и черных ботинок, и присвоили звание рядового ВВС. Потом меня отвели в разборный барак с полукруглой крышей из рифленого железа, где уже разместились мои товарищи по учебе.

Всего в школе начальной подготовки к полетам нас было шестнадцать человек, и мне нравились все мои однокашники. Это были такие же молодые люди, как я, приехавшие из Англии и работавшие в крупных коммерческих концернах, как правило — в банке «Барклайз» или в табачной компании «Империял Табакко», и все они пошли добровольцами в военную авиацию. Нам предстояло учиться здесь шесть месяцев, а потом нас ожидала отправка в разные боевые эскадрильи. Теперь достоверно известно — я потом все тщательно проверил, — что из тех шестнадцати не менее тринадцати пилотов погибли за следующие два года.

Жаль, они были так молоды.

На аэродроме у нас было трое инструкторов и три самолета. Инструкторами служили гражданские летчики, которых ВВС одолжили у небольшой местной компании «Уилсон Эрзуэйз». Мы учились на «Тайгер-мотах», небольших пассажирских самолетах. Эти «Тайгер-моты» были настоящими красавцами.

Кто хоть раз летал на «Тайгер-моте», влюблялся в него с первого взгляда, вернее, с первого полета. Этот надежный и очень подвижный маленький биплан с двигателем «Джипси» еще никого не подвел в воздухе, по

словам моего инструктора. В «Тайгер-моте» можно кувыркаться по всему небу, и все равно ничего не сломается. Можно скользить по небу вниз головой, повиснув на стропах, и хотя мотор глохнет, потому что карбюратор тоже летит вверх тормашками, двигатель заводится моментально, стоит только вернуть самолет в нормальное положение. Можно войти в вертикальный штопор и сотни метров отвесно падать вниз, а потом стоит лишь коснуться рукоятки руля, дросселя, толкнуть ручку вперед — и, совершив два переворота через крыло, самолет снова летит параллельно земле.

У «Тайгер-мотов» не было недостатков. У них ни разу не отвалилось крыло при потере летной скорости во время приземления, а таких неуклюжих приземлений было бесчисленное множество. Им порядком досталось от немелких новичков, и хоть бы что.

В «Тайгер-моте» было две кабины, одна — для инструктора, другая — для ученика, снабженные переговорным устройством. «Тайгер-мот» был допотопным самолетом без автоматического пуска, и завести двигатель можно было только одним способом: встать перед самолетом и раскручивать пропеллер рукой. При этом требовалась большая осторожность: если покачнешься и упадешь вперед, пропеллер мигом снесет голову.

Найроби

4 декабря 1939 года

Дорогая мама!

Я чудесно провожу время, никогда еще мне не было так весело. Я принес присягу Королевским ВВС, как полагается, и твердо решил служить в авиации до конца войны.

Мое звание — рядовой ВВС, со всеми возможностями за несколько месяцев дослужиться до лейтенанта авиации, если не быть дураком. У меня больше нет никаких слуг. Сам получаешь еду, сам моешь свои нож и вилку, сам следишь за своей одеждой, короче говоря, все делаешь сам.

Наверно, мне не следует рассказывать, чем мы занимаемся и куда летаем, иначе цензор разорвет письмо, но вставем мы в 5.30 утра, до завтрака в 7 утра — муштра, по-

том полеты и лекции до 12.30. С 12.30 до 1.30 — обед, с 1.30 до 6.00 вечера — полеты и лекции.

Летать очень здорово, у нас опытные и приятные в общении инструкторы. Если повезет, то к концу этой недели я начну летать самостоятельно...

На маленьком аэродроме Найроби была всего одна взлетная полоса, но всем удавалось много практиковаться в приземлении против ветра и взлете. Почти каждое утро нам приходилось бегать по летному полю и прогонять с него зебр.

Если летаешь на военном самолете, то сидишь на парашюте, что прибавляет тебе еще пятнадцать лишних сантиметров роста. Когда я впервые забрался в открытую кабину «Тайгер-мота» и уселся на парашют, моя голова оказалась над кабиной. Работал мотор, и в лицо мне била сильная струя с вращающегося пропеллера.

— Вы слишком высокий, — сказал инструктор, которого звали старший лейтенант авиации Паркинсон. — Вы в самом деле хотите этим заниматься?

— Да, конечно, — ответил я.

— Подождите, пока мы раскрутим пропеллер посильнее, — сказал Паркинсон. — Дышать вам будет трудно. И наденьте очки, иначе ослепнете от слез.

Паркинсон оказался прав. В первом полете я едва не задохнулся из-за потока воздуха, который гнал пропеллер, и выжил только потому, что каждые несколько секунд наклонял голову и вдыхал воздух в кабине. После этого я стал обматывать нос и рот тонким хлопчатобумажным шарфом, и благодаря этому мог дышать.

По своему бортжурналу, который до сих пор хранится у меня, я вижу, что меня допустили к самостоятельным полетам после того, как я налетал 7 часов 40 минут, что близко к средней цифре.

Бортжурнал пилота ВВС, кстати, имеет — во всяком случае, в мое время имел — весьма внушительный вид: почти квадратная книга 20 на 30 см, толщиной два с лишним сантиметра, в твердом переплете с синей каймой. Терять бортжурнал было нельзя. В нем регистриро-

вался каждый вылет с указанием борта, цели и пункта назначения и времени, затраченного на полет.

После того, как я слетал в одиночку, мне стали разрешать проводить в полете «соло» все больше и больше времени, и мне это очень нравилось. Многим ли молодым людям, спрашивал я себя, выпало счастье парить и рассекать небо над такой красивой страной, как Кения? Причем ни за самолет, ни даже за топливо не надо платить!

На Восточно-Африканском плоскогорье крупные и мелкие звери водились в таком же изобилии, как коровы на молочной ферме, и я опускался пониже, чтобы рассмотреть их. Ох, каких только зверей не видел я из своей кабины! Я подолгу кружил всего в двадцати метрах над землей, разглядывая огромные стада буйволов и диких гну, разбегавшихся во все стороны, когда я проносился над ними. В Найроби я купил иллюстрированную книгу и по ней научился распознавать куду, газель, антилопу-канну, импалу и многих других животных. Я видел множество жирафов, носорогов, слонов и львов, а однажды заметил леопарда: гладкий, как шелк, он лежал на ветке большого дерева и следил за стадом антилоп импала, пасущихся под тем же деревом, — по видимому, решал, какую из них съесть сегодня на ужин. Я пролетал над розовыми фламинго на озере Накуру и кружил над заснеженной вершиной горы Кения в своем маленьком надежном «Тайгер-моте». Как мне повезло, повторял я себе. Никому еще не удавалось так прекрасно проводить время!

Курс начального обучения занимал восемь недель, и к концу его все мы стали опытными пилотами легких одномоторных самолетов. Мы научились делать мертвую петлю и летать вниз головой. Мы умели выходить из штопора. Мы научились совершать вынужденные посадки с отказавшим двигателем. Мы научились скользить на крыло и садиться при сильном встречном ветре. Мы научились самостоятельно прокладывать курс из Найроби в Элдорет или Накуру и обратно при повышенной облачности, и нас переполняла самоуверенность.

Как только мы сдали экзамены в школе начальной подготовки, нас посадили на поезд до Кампалы, что в Уганде. На место мы добрались только через сутки; поезд тащился медленно, в нас бурлила молодая кровь, и мы, как сумасшедшие, носились по крыше поезда, перепрыгивая через вагоны.

Найроби

18 декабря 1939 года

Дорогая мама!

Дела идут неплохо. Несколько дней назад я совершил первый полет без инструктора и теперь каждый день все дольше и дольше летаю один. Я научился делать мертвую петлю и выходить из штопора. Скоро нас будут учить летать вниз головой, а это не так уж и забавно. Но в целом здесь очень здорово...

В Кампале нас на озере дождался гидроплан Имперских авиалиний, чтобы доставить в Каир. Теперь мы стали почти квалифицированными пилотами, и с нами обращались как со сравнительно ценным имуществом. В нас бурлила энергия, мы чувствовали себя героями: ведь мы — неустрасимые летчики и небесные дьяволы.

Большой гидроплан всю дорогу летел очень низко, и пролетая над дикими пустынными землями на границе Кении и Судана, мы видели буквально сотни слонов. Они бродили многочисленными стадами, во главе стада всегда шел могучий самец-вожак с большими бивнями, а слонихи с детенышами шли сзади. Никогда, повторяя я себе, глядя в маленький круглый иллюминатор гидроплана, никогда больше не увижу я ничего подобного.

Вскоре мы вышли на плесы верховьев Нила и летели вдоль великой реки до городка Вади-Хальфа, где приземлились, чтобы подзаправиться. В то время Вади-Хальфа представляла собой лишь сарай из рифленого железа, вокруг которого валялось множество огромных 170-литровых бензиновых бочек, а река в этом месте была очень узкой, с быстрым течением. Всех нас восхитила сноров-

ка летчика, сумевшего посадить такую громоздкую воздушную машину на стремительно бегущую полосу воды.

В Каире мы сели на совсем другой Нил, широкий и ленивый. Нас переправили на лодках на берег, доставили на аэродром Гелиополиса и погрузили на борт чудовищного древнего транспортного самолета, крылья которого были скреплены между собой проволокой.

— Куда нас везут? — спрашивали мы.

— В Ирак, — отвечали нам. — Ну и повезло же вам!

— Что вы имеете в виду?

— А то, что вас отправляют в Хаббанийю в Ираке, а Хаббанийя — самая убогая адская дыра на всем свете, — говорили нам, ухмыляясь. — Вам предстоит провести там шесть месяцев, чтобы завершить учебу, после чего будете готовы служить в эскадрилье и сразиться с врагом.

Пока там не побываешь и не увидишь собственными глазами, не поверишь, что существуют такие места, как Хаббанийя. Скопища ангаров, барачков и кирпичных домиков стояли прямо посреди раскаленной пустыни на берегу грязно-илистого Евфрата, и на многие километры не было ни одного населенного пункта. Ближайший город, Багдад, находился километрах в ста к северу.

Этот поразительный и нелепый аванпост ВВС производил потрясающее впечатление. Каждая из четырех сторон имела не меньше полутора километров в длину, здесь были мощеные улицы, названные именами главных лондонских магистралей: Бонд-стрит, Риджент-стрит и Тотнем-Корт-Роуд. Тут были госпитали, зубо-врачебные клиники, войсковые лавки, залы отдыха — и даже не знаю, сколько тысяч человек там жило. Я так и не узнал, чем они занимались. Мне вообще непонятно, зачем понадобилось строить огромный город пилотов в таком мерзком, нездоровом, заброшенном месте, как Хаббанийя.

Хаббанийя
10 июля 1940 года

Дорогая мама!

Мы здесь уже почти 5 месяцев. Скоро наша учеба закончится, и мы разлетимся в разные стороны, и чем ближе подходит это время, тем сильнее мы волнуемся. Мне кажется странным, что я снова увижу обычных мужчин и настоящих женщин, занятых обычными делами в обычных местах, смогу вызвать такси или поговорить по телефону; заказать еду по своему усмотрению или увидеть поезд; подняться по ступенькам или увидеть вереницу домов. Я получу огромное удовольствие от всех этих простых вещей...

В Хаббанийи мы летали с рассвета до 11 утра. После этого температура в тени поднималась до 46°С, и всем приходилось сидеть дома, ожидая, пока не станет прохладнее. Теперь мы летали на более мощных самолетах — «Хокер-Хартах» с двигателями «Роллс-Ройс Мёрлин», — и все вдруг стало куда серьезнее. У «Хартов» на крыльях были пулеметы, и мы практиковались в сбивании противника, стреляя по парусиновому мешку, который висел на хвосте другого самолета.

Судя по записям в моем бортовом журнале, мы находились в Хаббанийи с 20 февраля по 20 августа 1940 года, ровно шесть месяцев — и за исключением полетов, которые всегда доставляли радость, этот период моей юной жизни был невероятно скучным. Время от времени происходили мелкие события, разгонявшие скуку, вроде того случая, когда разлился Евфрат и нам пришлось на десять дней эвакуировать весь лагерь на продуваемую ветрами плоскую возвышенность. Скорпионы жалили, и ужаленному приходилось некоторое время отлеживаться в госпитале. Иногда нас обстреливали с близлежащих холмов иракские туземцы. Некоторые падали от теплового удара, и их обкладывали льдом. Все страдали от нестерпимой жары и постоянно чесались.

Но в конце концов мы стали пилотами, получили «крылья», нас признали готовыми к настоящему бою с настоящим врагом. Примерно половине из шестнадцати присвоили звание лейтенанта авиации. Вторая половина получила звания сержантов, хотя на чем основывалось это весьма произвольное классовое деление — я так и не понял. Еще нас поделили на летчиков-истребителей и летчиков-бомбардировщиков, пилотов либо одномоторных, либо двухмоторных самолетов. Я стал лейтенантом и летчиком-истребителем. Потом мы, все шестнадцать человек, попрощались друг с другом, и нас разбросало в разные стороны.

Я оказался на большой базе ВВС на Суэцком канале, которая называлась Исмаилия. Там мне сообщили, что я приписан к 80-й эскадрилье, которая летает на «Гладиаторах» и воюет с итальянцами над Западной пустыней в Ливии.

«Глостерский гладиатор» представлял собой устаревший истребитель-биплан с радиальным двигателем. Дома в Англии в это время все истребители летали уже на «Харрикейнах» и «Спитфайрах», но нам на Средний Восток таких красавцев еще не присылали.

«Гладиатор» был вооружен двумя пулеметами, и, когда они стреляли, пули пролетали прямо через пропеллер. Для меня это было величайшим чудом света. Я просто не мог понять, как можно синхронизировать выстрелы двух пулеметов, выпускающих тысячи пуль в минуту, с вращением пропеллера, совершающего тысячи оборотов в минуту, так, чтобы пули пролетали через пропеллер, не задевая лопасти. Мне объясняли, что это как-то связано с небольшим маслопроводом, и что вал винта сообщается с пулеметами, посылая импульсы по этому проводу, но больше ничего на этот счет сказать не могу.

В Исмаилии высокомерный капитан показал на стоящий на бетонированной площадке «Гладиатор» и сказал мне:

— Вон тот — ваш. Завтра полетите на нем в свою эскадрилью.

— Кто меня научит на нем летать? — спросил я, содрогнувшись.

— Не говорите глупостей, — отмахнулся он. — Какие еще учителя, если там только одна кабина? Заберетесь туда, немного покружите на месте, попрыгаете в воздушных ямах и быстро во всем раберетесь. Уж лучше попрактиковаться самому в воздухе и использовать для этого любую возможность, потому что не успеете оглянуться, как столкнетесь нос к носу с каким-нибудь итальяшкой, который попытается вас подстрелить.

Помнится, тогда я подумал, что так нельзя. На мое обучение потратили восемь месяцев и уйму денег, и вдруг выясняется, что все было напрасно. Никто в Исмаилии не собирался обучать меня правилам воздушного боя, а в боевой эскадрилье никто и подавно не станет тратить на меня свое время. Нас, как слепых котят, бросили в бой, совершенно неподготовленных, и, на мой взгляд, именно поэтому мы потеряли так много молодых пилотов. Я и сам еле-еле уцелел.

КАК Я ВЫЖИЛ

Сорок лет назад я описал в рассказе под названием «Плевое дело», каково это — оказаться с пробитым черепом, разбитым лицом и ничего не соображающей головой привязанным стропами к кабине горящего среди песков «Гладиатора».

Но мне кажется, я должен прояснить один момент этой истории, и дело вот в чем. Перечитав рассказ, я понял, что создается впечатление, будто я был сбит в бою, и, насколько я помню, такое объяснение вставил в рассказ редактор американского журнала «Сатердей Ивнинг Пост», который первым купил право опубликовать этот рассказ.

Шла война, и чем драматичнее была история, тем лучше. В журнале рассказ напечатали под названием «Сбитый в Ливийской пустыне», и, думаю, вы сами понимаете, что они хотели этим сказать. В действительности же крушение моего самолета не имело никакого отношения к боевым действиям противника. Вот что произошло на самом деле.

Я забрался в свой новый «Гладиатор» на летном поле ВВС, называвшемся Абу-Сувейр и располагавшемся на Суэцком канале, и в одиночку отправился в 80-ю эскадрилью в Западной пустыне. Это должно было стать моим первым вылетом в зону боевых действий. Дело происходило 19 сентября 1940 года.

Мне приказали пролететь над дельтой Нила и сесть на маленьком аэродроме Амирийя близ Александрии для дозаправки. Потом лететь и снова сесть в Ливии на маленьком летном поле Фоука для повторной дозаправки. В Фоуке явиться к командиру части, который мне в точности объяснит, где на данный момент находится 80-я эскадрилья, и тогда уже лететь на место службы. Летное

поле на передовой в Западной пустыне в те времена представляло собой всего лишь узкую полоску песка, окруженную палатками и самолетами.

Летные поля очень часто перемещали с места на место, в зависимости от того, наступала армия или отступала.

Мне, человеку, у которого было мало опыта в управлении самолетом и совсем никакого опыта в полетах на большие расстояния над Египтом и Ливией без навигационных приборов, предстоящий полет внушал ужас. Радио у меня не было, была лишь закрепленная на колене карта. У меня ушел ровно час на полет от Абу-Сувеира до Амирийи, где я сел с трудом из-за песчаной бури. Но я дозаправился и сразу же вылетел в Фоуку. Туда я добрался через пятьдесят пять минут (время всех моих взлетов и посадок записано в моем бортовом журнале) и явился с докладом в палатку командира. Он сделал несколько звонков по полевому телефону, а потом попросил мою карту.

— Восьмидесятая эскадрилья сейчас находится здесь, — он ткнул пальцем в точку посреди пустыни примерно в полусотне километров к югу от Мерса-Матрух.

— Их базу легко заметить? — спросил я его.

— Не промахнетесь, — ответил он. — Увидите палатки и штук пятнадцать «Гладиаторов» вокруг. Их видно издалека.

Я поблагодарил его и отправился рассчитывать курс и расстояние.

Я вылетел с Фоуки в 6.15 вечера и взял курс на летную полосу 80-й эскадрильи. Подсчитал, что лететь мне самое большее пятьдесят минут. Значит, у меня в запасе лишних пятнадцать или двадцать минут до наступления темноты, а этого вполне достаточно.

Я держал курс прямо на ту точку, где, судя по карте, должно было находиться летное поле 80-й эскадрильи.

Его там не оказалось.

Я полетал по округе на север, на юг, на восток и на запад, но не увидел никаких признаков аэродрома. Подо

мною простиралась лишь голая пустыня с огромными камнями, валунами и глубокими оврагами.

Стало смеркаться, и я понял, что попал в беду. Топливо кончалось, и о том, чтобы вернуться в Фоуку, нечего было и думать. В любом случае, я бы не нашел летное поле в темноте. У меня оставался единственный выход — совершить вынужденную посадку в пустыне, и как можно скорее, пока еще хоть что-то видно.

Я пролетел на бреющем полете над усыпанной камнями пустыней в поисках хотя бы небольшой ровной площадки, на которую можно было бы сесть. Я знал направление ветра, поэтому понимал, с какой стороны садиться. Но где же он, где этот участок пустыни без валунов и ям? Его просто не существует. К тому времени почти совсем стемнело. Я должен был сесть, так или иначе.

Я выбрал клочок земли, на котором, как мне показалось, камней все же поменьше, и пошел на посадку. Я снижался медленно, как только мог, зависнув на пропеллере со скоростью, немного превышающей предусмотренную скорость полета в критическом режиме (130 километров в час). Шасси коснулись земли. Я потянул себя дроссель и стал молиться об удаче.

Но Бог не услышал мою молитву. Шасси налетели на валун и разлетелись на части, а «Гладиатор» ткнулся носом в землю на скорости сто двадцать километров в час.

Когда самолет ударился о землю, меня со страшной силой швырнуло на лобовое стекло (хотя я, как всегда, был прочно зафиксирован стропами в кабине), и я очень сильно ударился головой, так что, кроме трещины в черепе, удар сломал мне нос, выбил несколько зубов и на долгое время лишил зрения.

Странно, но я отчетливо помню некоторые вещи, произошедшие в первые секунды после крушения. На несколько мгновений я, видимо, потерял сознание, но, должно быть, быстро пришел в себя, потому что помню, как услышал могучее *вхууиши*, — это взорвался топливный бак на левом крыле, за ним последовало еще одно мощное *вхууиши* с правого борта, заняв-

шегося огнем. Я ничего не видел и не чувствовал боли. Мне хотелось только одного — заснуть! — и плевать на огонь.

Но вскоре от страшного жара в ногах мои размякшие мозги вновь заработали. С огромным трудом мне удалось отстегнуть ремни сиденья, потом стропы парашюта, и я даже помню, каких героических усилий мне стоило встать и вывалиться головой на песок.

Мне опять хотелось только лечь и заснуть, но вокруг меня полыхал огонь, и если бы я не сдвинулся с места, то превратился бы в уголь. Я медленно пополз в сторону от невыносимого пекла. Я слышал, как взорвались боеприпасы к пулеметам, как засвистели пули, разлетаясь во все стороны, но мне было все равно. Я хотел лишь отползти подальше от страшного жара и спокойно полежать. Мир вокруг меня разделился на две половины. Обе половины были угольно-черными, но одна обжигала, а другая — нет. Мне нужно было переползти из обжигающей половины в прохладную, и на это ушло невероятно много времени и сил, но в конце концов температура вокруг меня стала более или менее терпимой. Когда это произошло, я рухнул без чувств и уснул.

В ходе расследования обстоятельств и причин моего крушения, которое проводилось впоследствии, выяснилось, что командир в Фоуке дал мне совершенно неверные сведения. Там, куда он меня отправил, никогда не было восьмидесятой эскадрильи. Она базировалась на восемьдесят километров к югу, а то место, куда меня отправили, на самом деле было нейтральной полосой шириной примерно в километр, которая отделяла линии фронта британской и итальянской армий. Мне рассказали, что пламя от моего горящего самолета осветило песчаные дюны на многие километры вокруг, и, конечно же, крушение и пожар видели с обеих сторон. Некоторое время часовые в траншеях наблюдали, как я наматывал круги, и обе стороны знали, что упал не итальянский самолет, а истребитель королевских ВВС. И естественно, остатки, если от него хоть что-то осталось, интересовали наших куда сильнее, чем противника.

Когда пламя погасло и в пустыне стемнело, с британской стороны вышел маленький отряд из трех отважных солдат Суффолкского полка для осмотра места крушения. Они ни на секунду не сомневались, что найдут лишь обгоревший фюзеляж и обуглившийся скелет, и испытали потрясение, когда наткнулись на мое все еще небездыханное тело.

По-видимому, когда они перевернули меня на спину, я ненадолго пришел в сознание, потому что отчетливо помню, что один из них спросил меня, как я себя чувствую, но ответить я не смог. Потом я услышал, как они шепотом обсуждают, как перенести меня через линию фронта без носилок.

Следующее, что я помню много времени спустя, это громкий мужской голос, который говорит мне, что знает — я его не вижу и не могу ответить, но ему кажется, что я его слышу. Этот голос говорит мне, что он английский врач, а я нахожусь в подземном пункте первой медицинской помощи в Мерса-Матрух и меня собираются доставить каретой скорой помощи на поезд и отправить назад в Александрию.

Я слышал его слова и понимал их, и я все понял насчет Мерса-Матрух и поезда. Мерса — это городок на Ливийском побережье километрах в четырехстах к западу от Александрии по Ливийскому побережью. Наша армия старательно охраняла небольшую железнодорожную ветку, проложенную в пустыне между этими двумя городами. Эта ветка имела жизненно важное значение, потому что по ней доставляли продукты и боеприпасы на передовую в Западной пустыне. Итальянцы все время бомбили эту дорогу, но нам каким-то образом удавалось поддерживать ее на ходу. Все знали об однокольной железнодорожной линии, которая шла вдоль берега мимо ослепительно белых пляжей южного Средиземноморья из Александрии в Мерсу.

Я слышал голоса над собой, пока они заносили носилки в машину скорой помощи, а когда та двинулась в путь, подпрыгивая на ухабах, кто-то вскрикнул над моей головой. Стоило угодить нам в очередную колдобину, и этот человек кричал от боли.

Когда меня вносили в поезд, я почувствовал руку у себя на плече, и голос с приятным выговором лондонских предместий произнес на диалекте кокни:

— Держись, корешок. Скоро в Алексе будешь.

Потом помню, как меня вынесли из поезда в страшную толчею Александрийского вокзала, и я услышал женский голос:

— Этого офицера — в англо-швейцарский.

Потом я очутился в госпитале и слышал, как мягко шуршат колеса моей каталки, катаясь по бесконечным коридорам.

— Везите его сюда, — произнес другой женский голос. — Сначала осмотрим его, а уж потом — в палату.

Ловкие пальцы начали разматывать бинты, обвивавшие мою голову.

— Вы меня слышите? — говорила хозяйка пальцев.

Она взяла мою ладонь обеими своими руками и сказала:

— Если вы меня слышите, просто сожмите мою руку. Я сжал.

— Хорошо, — сказала она. — Это замечательно. Теперь нам ясно, что вы поправитесь.

Потом она сказала:

— Вот он, доктор. Я сняла повязки. Он в сознании и реагирует.

Я почувствовал, как лицо доктора приблизилось к моему, и услышал его слова:

— Вам очень больно?

Теперь, когда с головы сняли бинты, я сумел пробормотать в ответ:

— Нет. Не больно. Но я ничего не вижу.

— Об этом не волнуйтесь, — сказал врач. — Вам нужно лежать очень спокойно. Не шевелитесь. Мочевой пузырь освободить желаете?

— Да, — сказал я.

— Поможем, — сказал врач. — Только не двигайтесь. И не пытайтесь делать хоть что-нибудь для себя сами.

По-моему, они вставили катетер, потому что я почувствовал, как они возятся внизу, и стало чуть-чуть больно, но зато мочевого пузыря больше не давил.

— Пока только сухая повязка, сестра, — распорядился доктор. — Завтра с утра сделаем ему рентген.

Потом меня привезли в палату, где лежало много мужчин, которые постоянно разговаривали и шутили. Я лежал там и дремал и вообще не чувствовал никакой боли, а потом завывли сирены воздушной тревоги, со всех сторон застрекотали зенитные орудия, и я услышал, как где-то поблизости рвутся бомбы. Я понял, что сейчас ночь, потому что именно по ночам итальянские бомбардировщики бомбили наши корабли в Александрийской гавани. Я лежал спокойный и сонный, слушая гневную перебранку бомб и зениток.словно на мне наушники, и все эти звуки я слышу по радио.

Я понял, что наступило утро, потому что вся палата засуетилась и принесли завтрак. Есть я, естественно, не мог, потому что всю мою голову покрывали бинты с небольшими отверстиями, чтобы я мог дышать. Все равно мне не хотелось есть. Мне постоянно хотелось спать. Одна моя рука была привязана к доске, потому что в предплечье были вставлены трубочки, но вторая, правая, оставалась свободной, и однажды я ощупал бинты на голове своими пальцами.

Потом сестра сказала мне:

— Мы перенесем вашу кровать в другую палату. Там поспокойнее, и вы будете один.

Меня перекатали в палату на одного, и следующие несколько дней — точно не знаю, сколько — меня в полудреме подвергали разным процедурам — делали рентген, возили в операционную.

В памяти сохранилось одно яркое воспоминание о беседе с врачом в операционной. Я знал, что я в операционной, потому что мне всегда говорили, куда меня везут, и на этот раз врач сказал мне:

— Ну, молодой человек, сегодня мы сделаем вам анестезию с новейшим препаратом. Мы его только что получили из Англии, и он вводится внутривенно.

Я уже несколько раз разговаривал с этим врачом. Он был анестезиологом и заходил в мою палату перед каждой операцией, чтобы послушать стетоскопом грудь и спину. Я всегда питал интерес к медицине и подрост-

ком донимал врачей многочисленными вопросами. Этот врач ни разу от меня не отмахнулся, видимо, из-за моей слепоты, и всегда обстоятельно отвечал на вопросы.

— Как он называется? — спросил я.

— Пентатол натрия, — ответил он.

— И вы его еще ни разу не пробовали?

— Сам — нет, — сказал он, — но дома его успешно используют в качестве премедикации. Действует быстро и удобен в применении.

Я чувствовал, что тут есть еще люди, мужчины и женщины, которые бесшумно передвигаются по операционной в своих резиновых тапочках: я слышал позвякивание медицинских инструментов и тихие голоса. С тех пор как я ослеп, у меня резко обострились обоняние и слух, и выработалась привычка переводить звуки и запахи в яркую мысленную картинку. Сейчас перед моим мысленным взором возникла операционная, белая и стерильная, я представил себе врачей и сестер в масках и зеленых халатах, колдующих над пациентом, и пытался угадать, где же хирург, верховный бог, который будет резать и сшивать.

Мне предстояла обширная операция на лице, и делать ее должен был знаменитый пластический хирург из Лондона, который теперь стал главным хирургом ВМФ. В то утро одна из сестер рассказывала мне о его работе в клинике на Харли-стрит.

— Вы в надежных руках, — успокаивала она меня. — Он настоящий волшебник. И вдобавок все бесплатно. На гражданке за такую работу с вас бы содрали пять сотен гиней.

— То есть сегодня вы впервые опробуете этот анестетик? — уточнил я.

На этот раз анестезиолог уклонился от прямого ответа.

— Вам понравится, — заверил он. — Вы просто отключитесь. У вас даже не возникнет ощущения потери сознания, как бывает с другим наркозом. Так что не переживайте. Почувствуете только легкий укол в руку.

Я ощутил, как игла входит в вену, и лежал в ожидании своей «отключки».

Мне совсем не было страшно. Я никогда не боялся врачей или наркоза, и по сей день, перенеся шестнадцать крупных операций на разных частях тела, я все еще верю всем, ну, или почти всем, медикам.

Я ждал и ждал, но ничего не происходило. Бинты перед операцией с меня сняли, но глаза не открывались из-за опухшего лица. Один врач говорил мне, что, вполне возможно, мои глаза вообще не пострадали. Сам я в этом сомневался. Мне казалось, что я ослеп навсегда, и пока я лежал в темноте своей тихой палаты, где все звуки, даже едва различимые, вдруг стали звучать в два раза громче, у меня было много времени на размышления о том, что означает для меня полная слепота в будущем.

Как ни странно, она меня совсем не пугала. Даже не угнетала. В мире, где идет война и тебе приходится летать на опасных маленьких самолетах, которые рвут, делают «свечки», терпят крушение и горят, слепота, не говоря уже о жизни, не имеет особого значения. Теперь борьба за выживание потеряла всякий смысл. Я уже начинал сознавать, что в ситуации, когда вокруг рвутся бомбы и свистят пули, нужно как можно спокойнее воспринимать опасность и все ее последствия. От страданий и волнений все равно нет никакого прока.

Врач пытался меня успокоить, убеждая, что при таких контузиях и обширных отеках, как у меня, нужно подождать, пока спадет опухоль и сойдут кровавые корки вокруг век.

— Дайте себе шанс, — говорил он. — Подождите, пока глаза снова смогут открываться.

Не располагая на тот момент глазами, способными открываться и закрываться, я надеялся, что анестезиолог не подумает, будто его прославленный новый чудодейственный анестетик усыпил меня. Я не хотел, чтобы они начинали раньше времени.

— Я все еще не сплю, — заявил я.

— Знаю, — сказал он.

— В чем дело? — раздался другой мужской голос. — Не действует?

Я догадался, что это говорит хирург, тот самый великий человек с Харли-стрит.

— Похоже, вообще никакого эффекта, — сказал анестезиолог.

— Добавьте еще немного.

— Уже, уже, — ответил анестезиолог, и мне показалось, что я слышу раздраженные нотки в его голосе.

— Лондон утверждал, что это величайшее открытие со времен хлороформа, — говорил хирург. — Я сам видел отчет. Его Матьюз писал. Десять секунд, сказано там, и пациент готов. Просто попросите больного досчитать до десяти, и на восьмерке он отключится. Так в отчете говорится.

— Этот больной мог бы уже до сотни досчитать, — хмыкнул анестезиолог.

Они разговаривали между собой так, словно меня там вовсе не было. Лучше бы они помолчали.

— Ну, нельзя же нам ждать целый день, — говорил хирург. Теперь настала его очередь раздражаться. Но мне вовсе не хотелось, чтобы мой хирург раздражался перед сложной операцией на моем лице. Он заходил ко мне в палату накануне и после тщательного осмотра сказал:

— Не оставлять же вас таким на всю жизнь, правда?

Его слова меня встревожили. Они встревожили бы кого угодно.

— Каким? — спросил я у него.

— Я сделаю вам прекрасный новый нос, — похлопал он меня по плечу. — Когда ваши глаза снова откроются, вам захочется увидеть что-нибудь приятное, не так ли? Вы Рудольфо Валентино в кино видели?

— Да, — ответил я.

— Я сделаю вам такой же нос, как у него, — сказал хирург. — Что вы думаете о Рудольфо Валентино, сестра?

— Сногшибательный мужчина, — ответила сестра.

И вот теперь в операционной тот самый хирург говорил анестезиологу:

— На вашем месте я забыл бы про эту пентатоловую чушь. Мы больше не можем ждать. У меня еще четверо назначено на это утро.

— Хорошо! — рявкнул анестезиолог. — Принесите закись азота.

Я почувствовал на лице маску, и вскоре перед глазами завертелись кроваво-красные круги, они вертелись все быстрее и быстрее, сливаясь в гигантское багровое колесо, потом оно взорвалось, и я погрузился во мрак.

Очнулся я у себя в палате. Я лежал там несчетное число недель, но не думайте, что все это время я ни с кем не общался. Каждое утро на протяжении этих черных слепых дней в мою палату заходила сестра, всегда одна и та же, и промывала мне глаза чем-то мягким и влажным. Она была очень внимательной, аккуратной и ни разу не причинила мне боли. Целый час она сидела на моей кровати, ловко обрабатывая мои заплывшие глаза, и между делом разговаривала со мной. Она рассказала мне, что Англо-Швейцарский госпиталь раньше был крупной гражданской больницей, но когда разразилась война, ее передали военно-морскому флоту. Все врачи и все сестры в госпитале — из военно-морского флота, сказала она.

— И вы служите на флоте? — спросил я у нее.

— Да, — сказала она.

— Почему же я здесь, если это госпиталь ВМФ?

— Теперь мы принимаем и из ВВС и из сухопутных сил, — объяснила она. — Раненые к нам поступают по большей части оттуда.

Звали ее Мэри Велланд, она была родом из Плимута. Ее отец командовал крейсером, воевавшим где-то в северной Атлантике, а мать работала в Красном Кресте. Она говорила с улыбкой в голосе, что сестре не положено сидеть на постели пациента, но сложные манипуляции с моими глазами требуют, чтобы она находилась как можно ближе ко мне. У нее был приятный мягкий голос, и я представлял себе ее лицо по голосу — тонкие черты, зеленовато-синие глаза, золотистые рыжие волосы и матовая кожа. Иногда, когда она обрабатывала мои глаза и наклонялась совсем близко ко мне, я чувствовал ее теплое и слегка мармеладное дыхание у себя на щеке, и я быстро и безрассудно влюбился в незримый образ Мэри Велланд.

Каждое утро я не мог дождаться, когда же отворится дверь и задрезбешжит тележка, которую она вкатывала в мою палату.

Я решил, что она очень похожа на Мирну Лой. Мирна Лой — так звали киноактрису из Голливуда, которую я много-много раз видел на экране, и до того времени именно она служила мне образом совершенной красоты. Но теперь я взял лицо мисс Лой, сделал его еще прекраснее и отдал Мэри Велланд. В качестве отправной точки я располагал лишь голосом, и для меня нежные нотки Мэри Велланд звучали сладкой музыкой по сравнению с гнусавым американским выговором Мирны Лой.

Каждый день в течение часа я пребывал в состоянии экстаза, пока мисс Мирна Мэри Лой Велланд сидела на моей постели и обрабатывала мне глаза своими нежными пальчиками. И однажды, не знаю через сколько дней, настал момент, которого мне никогда не забыть.

Мэри Велланд протирала мой правый глаз мягкой влажной губкой, как вдруг он начал открываться. Сначала появилась крошечная щелочка, но даже при этом копые сверкающего света пронзило мрак в моей голове, и я увидел совсем рядом перед собой... я увидел три отдельных вещи... и все они сверкали багрянцем и золотом!

— Я вижу! — закричал я. — Я что-то вижу!

— Да? — взволнованно сказала она. — Вы уверены?

— Да! Я вижу что-то очень близко! Я различаю три отдельных предмета перед собой! И сестра... они все блестят красным и золотым! Что это такое, сестра? Что я вижу?

— Попробуйте успокоиться, — сказала она. — Перестаньте скакать. Вам нельзя волноваться.

— Но, сестра, я в самом деле что-то вижу! Вы мне не верите?

— Может, вы это видите? — спросила она меня, и теперь часть ладони и указательный палец появились в поле моего зрения. — Это? Вот это? — говорила она, и ее палец указывал на прекрасные многоцветные вещи, которые сверкали на чисто белом фоне.

— Да! — кричал я. — Они! Их три! Я их вижу! И палец ваш тоже!

Если вы многие дни живете в темноте и сомнениях, и вдруг эту черноту пронизывают сверкающие красно-золотые лучи, вас переполняет неопишуемая радость. Я лежал, опираясь на подушки, и смотрел одним глазом сквозь узенькую шелку на эти изумительные краски. Может быть, я заглянул в рай?

— На что я смотрю? — спросил я.

— Вы смотрите на мою белую форму, — ответила Мэри Велланд. — А разноцветные штуки посередине — это эмблема Службы Медицинского Персонала Королевского Военно-Морского Флота. Она приколата у меня на груди слева, и такую эмблему носят все медсестры ВМС Великобритании.

— Но они такие красивые! — кричал я, уставившись на эмблему. Она состояла из трех отдельных частей, выполненных рельефной вышивкой. Сверху — золотая корона с алым центром и маленькими зелеными пятнышками у основания. В середине, под короной, — золотой якорь, обвитый алым канатом. А под якорем — золотой круг с большим красным крестом в центре. Эти образы и их яркие цвета навсегда отпечатались в моей памяти.

— Не двигайтесь, — сказала Мэри Велланд. — Думаю, мы сможем еще немножечко поднять это веко.

Я замер в ожидании, и через несколько минут ей удалось поднять веко, и я одним глазом увидел всю комнату. На переднем плане я увидел офицера медслужбы Велланд собственной персоной, которая сидела совсем близко и улыбалась мне.

— Привет, — сказала она. — Добро пожаловать в наш мир. С возвращением.

Она выглядела очень мило, куда лучше, чем Мирна Лой, и много реальнее.

— Вы даже красивее, чем я воображал, — сказал я.

— Спасибо, — сказала она.

Назавтра она открыла мне второй глаз, и я лежал у себя в палате и чувствовал себя так, словно начинаю жизнь сначала.

Александрия
20 ноября 1940 года

Дорогая мама!

Я отправил тебе вчера телеграмму, сообщая, что я поднимался на два часа и принимал ванну, — так что, видишь, у меня большие достижения.

Меня привезли сюда около восьми с половиной недель назад, и я семь недель просто лежал на спине, потом постепенно стал садиться, а теперь понемножку гуляю. Когда я прибыл сюда, на меня было страшно смотреть. Глаза не открывались (хотя я все время был в полном сознании). Думали, что у меня трещина в основании черепа, но рентген показал, что ничего подобного. Нос у меня провалился, но здесь работают самые замечательные специалисты с Харли-стрит, которые пошли на войну майорами, и врач ухо-горло-нос вытащил мой нос из затылка и вылепил его, и теперь он выглядит точно так, как и прежде, только немножко изогнут. Что, разумеется, делалось под общим наркозом.

Глаза у меня все еще болят, если я много пишу или читаю, но мне сказали, что есть уверенность, что я снова вернусь в норму, и снова буду годиться для полетов месяца через три. А пока у меня есть еще шесть или больше недель отпуска по болезни, которые я проведу здесь, в Александрии, где я с утра до вечера ничего не делаю и только наслаждаюсь чудесным солнечным климатом — в точности английское лето, только солнце светит ежедневно.

Думаю, тебе хочется узнать про мое крушение. Я не могу подробно рассказать тебе, что я делал и как это случилось. Но произошло это ночью неподалеку от итальянской линии фронта. Самолет загорелся, а после того, как он ударился о землю, мне хватило ума, чтобы выбраться из него вовремя, распутать стропы и покатиться по земле, чтобы сбить пламя со своего комбинезона, потому что он загорелся. Обгорел я несильно, но из головы вытекло много крови. В общем, я лежал и ждал, когда взорвутся боеприпасы в самолете. Один за другим взорвались больше тысячи снарядов, и пули свистели, поразив, кажется, все что угодно, кроме меня.

Я так и не отключился, и, по-моему, эта склонность сохранять сознание и уберегла меня, не то я бы сгорел заживо.

На мое счастье, один из наших часовых на передовой заметил пламя, и через какое-то время они пробрались ко мне, забрали и после долгой суматохи доставили в Мерса-Матрух (на карте поглядеть можешь — это на побережье, к востоку от Ливии). Потом слышу, как врач говорит: «О, это же итальянец» (по моему белому летному комбинезону не очень-то разберешь). Я сказал ему, что он несет чушь, и он дал мне немного морфия. Примерно спустя 24 часа я прибыл туда, где сейчас и нахожусь, и живу в большой роскоши, и за мной ухаживают толпы симпатичных английских медсестер...

P.S. Воздушные налеты нас не беспокоят. Итальянцы совсем не умеют прицельно бомбить.

Мэри Велланд была несомненно хороша. Она была добрая и ласковая. Она осталась моим другом до конца моего пребывания в госпитале. Но одно дело влюбиться в голос, и совсем другое — любить человека, которого можешь видеть. С того самого мгновения, как я открыл глаза, Мэри превратилась из мечты в реальность, и моя страсть испарилась.

Все время, пока я оставался в госпитале, я думал только об одном — о возвращении в боевые летные части. Мне сказали, что даже если ко мне и вернется нормальное зрение, останутся ранения головы, которые тоже надо вылечить. Тяжелые ранения головы не так-то просто вылечить, говорили мне, и лучше бы мне согласиться с тем, чтобы меня списали и отправили на родину как непригодного к военной службе.

Теперь я могу признаться, хотя тогда никому не говорил, — в течение нескольких недель после того, как ко мне вернулось зрение, меня мучили жуткие головные боли, но постепенно и они прошли.

Александрия
6 декабря 1940 года

Дорогая мама!

Не писал тебе после единственного письма, отправленного мной несколько недель назад, главным образом из-за врачей, которые сказали, что писать мне не на пользу. На самом деле я поправляюсь очень медленно.

Как я сообщал тебе в моей телеграмме, я стал вставать, но скоро они опять затолкали меня назад в постель, потому что у меня были сильные головные боли. Неделю назад меня снова перевели в мою палату, и вот почти кончились те долгие семь суток, когда я лежал на спине в своей полузатененной палате, не делая совершенно ничего, — даже палец поднять нельзя было, чтобы умыться. Ну, это позади, и я сегодня сижу (сейчас как раз 8 часов вечера), пишу это письмо и пока чувствую себя прекрасно.

Завтра, думаю, они введут мне внутривенно физиологический раствор, сделают пункцию и вольют в меня литры и литры воды — еще одна хитрость, чтобы избавить меня от головных болей.

Тебе не стоит беспокоиться — в целом со мной все в порядке, просто я перенес крайне серьезную контузию. Мне говорят, что я точно не смогу летать около шести месяцев, а на прошлой неделе хотели домой меня отправить как инвалида со следующим пароходом. Но мне как-то не хочется — если меня спишут и отправят домой, то я никогда уже больше не буду летать, да и кому хочется вернуться домой инвалидом. Я хочу приехать здоровым человеком...

Через четыре месяца в госпитале мне разрешили вставать с постели, и я часами стоял в халате у окна. В окно я видел лишь больничный двор, а там смотреть было не на что, но я мог заглянуть через большое окно в длинный широкий коридор в противоположном крыле больницы. Однажды утром я увидел санитаря, который шел по коридору с огромным подносом, накрытым белой простыней. Ему навстречу шла пожилая женщина, на-

верное, из церковного персонала при госпитале. Когда санитар поравнялся с женщиной, он вдруг резко сорвал простыню с подноса и поднес его к лицу женщины. На подносе лежала совершенно голая ампутированная солдатская нога. Я видел, как отшатнулась бедная женщина. Я видел, как мерзкий санитар затрясся от хохота, потом снова накрыл поднос простыней и зашагал дальше. Я видел, как женщина доковыляла до подоконника и склонилась над ним, спрятав лицо в ладонях, но потом собралась с силами и пошла своей дорогой. Никогда не забуду эту короткую сцену — пример отвратительного отношения мужчины к женщине.

Пролежал я в госпитале пять месяцев, и в феврале 1941 года меня наконец выписали. Мне дали четыре недели на поправку, которые я провел в Александрии, где жил среди сплошной роскоши в величественном доме обаятельной и очень состоятельной английской семьи по фамилии Пил. Дороти Пил регулярно посещала Англо-Швейцарский госпиталь и, когда узнала, что меня скоро выпишут, предложила пожить у них. Я согласился, и мне очень повезло — я оказался в роскошном доме среди милых людей, чтобы собраться с силами перед следующим раундом.

После четырех недель у Пилов я явился на медкомиссию ВВС в Каире, и в тот великий день меня еще раз признали годным для службы в авиации.

Но где же теперь моя эскадрилья?

Как оказалось, восьмидесятая эскадрилья больше не стояла в Западной пустыне. Ее перевели через море в Грецию, где она несколько недель доблестно сражалась против итальянских оккупантов. Но теперь к итальянцам в Греции присоединились германские войска, которые быстро подминали под себя маленькую страну. Всем было ясно, что крошечные символические британские экспедиционные войска да горстка самолетов в Греции не смогут долго противостоять мощной немецкой армии.

Куда меня направят? — спрашивал я.

В Грецию, разумеется, ответили мне. Мне сообщили, что 80-я больше не летает на «Гладиаторах». Теперь они оснащены самолетами «Марк-1-Харрикейн». Я должен был очень быстро научиться летать на «Харрикейне», отправиться на нем в Грецию и присоединиться к своей эскадрилье.

Эту новость я узнал в Исмаилии, крупном аэродроме Королевских ВВС на Суэцком канале. Капитан авиации показал мне на «Харрикейн», стоявший на бетонированной площадке, и сказал:

— У вас пара дней, чтобы освоить его, а потом — в Грецию.

— В Грецию — на нем? — уточнил я.

— Разумеется.

— Где я заправляюсь?

— Нигде, — сказал он. — Полетите без промежуточных посадок.

— Сколько длится полет?

— Часа четыре с половиной.

Даже я знал, что «Харрикейн» может пролететь без дозаправки только полтора часа, и сказал об этом капитану.

— Не беспокойтесь, — успокоил меня он. — Мы подвесим дополнительные топливные баки под крыльями.

— А они работают?

— Иногда, — ухмыльнулся он. — Нажмете на маленькую кнопочку, и, если вам повезет, насос перекачает топливо из баков под крыльями в главный бак.

— Что если насос не работает?

— Выскочите из самолета на парашюте и искупаетесь в Средиземном море, — сказал он.

— Ну нет, — сказал я. — Давайте серьезно. Кто меня подберет?

— Никто, — сказал он. — Вам придется рискнуть.

Вот как разбрасываются людьми и машинами, сказал я себе. У меня вообще не было никакого опыта боевых вылетов. Никогда я не бывал даже в боевой эскадрилье. А теперь они хотят, чтобы я залез в самолет, на котором не летал прежде, и полетел на нем в Грецию воевать против хорошо обученных германских и итальянских самолетов.

янских воздушных сил, имеющих численное превосходство над нами в соотношении сто к одному.

Я окаменел, впервые пристегнувшись к сиденью в кабине «Харрикейна». Это был первый моноплан, на котором я когда-либо летал. И, безусловно, первый современный самолет, на котором я когда-либо летал.

Он многократно превосходил мощностью, скоростью и маневренностью все виденное мной прежде. Никогда прежде мне не приходилось летать на самолете с убирающимися шасси. Никогда прежде не летал я на самолете с откидными подкрылками, которыми можно было сбрасывать скорость при посадке. Не было у меня и летного опыта на самолете, у которого можно было менять скорость вращения пропеллера, или на самолете, оснащенном восемью пулеметами на крыльях. Никогда я не летал ни на чем подобном. Каким-то образом мне удалось оторвать машину от земли и посадить обратно, не разбив ее при этом, но мне казалось, будто я скачу на дикой необъезженной лошади.

Я только начал осваиваться с ручками и рычажками и запоминать, где что находится и что для чего предназначено, как предоставленные мне двое суток кончились, и мне было приказано вылетать в Грецию.

Исмаилия

12 апреля 1941 года

Дорогая мама!

Пишу на скорую руку. Хочу сообщить, что полечу через море к своей эскадрилье. Я уже послал тебе телеграмму с адресом, куда отправлять письма. Может быть, от меня довольно долго не будет вестей, так что ты не волнуйся...

Гораздо больше прыжка в Средиземное море меня беспокоила мысль о том, что мне придется провести четыре с половиной часа, скорчившись в тесной металлической кабинке. Во мне было метр девяносто восемь сантиметров, и, когда я влезал в кабину «Харрикейна», приходилось принимать позу младенца в утробе матери, поджимая колени к подбородку. Короткий полет еще как-то можно было вытерпеть, но четыре с половиной

часа над морем по пути из Египта в Грецию — это уже другое дело. Я не был уверен, что у меня получится.

Я взлетел на следующий день с продуваемого ветрами и присыпанного песком аэродрома Абу-Сувейр и через пару часов оказался над Критом. Ноги свело судорогой. Топливо в главном резервуаре было почти на исходе, и я нажал кнопку, чтобы перекачать его из дополнительных баков. Насос работал. Главный бак наполнился, и я летел дальше.

После четырех часов и сорока минут в воздухе я приземлился, наконец, на Элевсинском аэродроме, под Афинами, но к этому времени ноги так свело судорогой, что из кабины меня вытаскивали двое сильных мужчин.

Но я наконец-то добрался до своей эскадрильи.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА С ПРОТИВНИКОМ

Итак, я в Греции. Как она непохожа на жаркий и песчаный Египет, оставленный мной каких-то пять часов назад. Здесь была весна, молочно-голубое небо и ласкающе теплый воздух. Нежный ветерок дул с моря за Пиреем, а когда я обернулся и посмотрел в сторону материка, то увидел всего лишь в трех-четыре километрах кряж мощных крутых гор, голых, как обглоданная кость. Аэродром, на который я приземлился, представлял собой не более чем поросшее травой поле, и повсюду цвели миллионы синих, желтых, красных полевых цветов.

Два авиатехника, которые помогли мне выбраться из кабины «Харрикейна», отнесли ко мне с большим сочувствием. Прислонившись к крылу самолета, я ждал, пока судорога отпустит ноги.

— Здорово тебя схватило, да? — сказал один из техников.

— Есть немного, — ответил я.

— С таким ростом нельзя летать на истребителях, — сказал он. — Тебе нужен здоровенный бомбардировщик, там ты хоть ноги вытянуть сможешь.

— Да, — согласился я. — Это точно.

Этот техник был капралом. Он достал мой парашют из кабины и положил на землю рядом со мной.

— Я одного не могу понять, — продолжал он. — Ты доставляешь новенький самолет, отличный новенький самолет, только что сошедший с конвейера, летишь на нем из проклятого Египта в эту богом забытую дыру, и что дальше?

— Что? — спросил я.

— Он же сошел с конвейера не в Египте! — выкрикнул он. — Его доставили туда из самой Англии, вот откуда! Он прилетел из Англии в Египет, а потом через Средиземное море сюда, в эту треклятую страну, и все ради чего? Что с ним будет потом?

— И что с ним будет потом? — опешил я. Эта внезапная вспышка немного обескуражила меня.

— Я тебе скажу, что с ним будет, — все сильнее заводился капрал. — Трах-бах-та-ра-рах! И сгорел твой подбитый самолетик! Взорвался в воздухе! Вот прямо сейчас налетят «сто девятыне» и устроят нам веселую жизнь! Здесь этот самолет не протянет и недели!

— Не говорите так, — сказал я ему.

— Я должен это сказать, потому что это правда.

— Но откуда такие мрачные пророчества? — спросил я его. — Кто нам это устроит?

— Фрицы, конечно! — закричал он. — Ползут сюда, как муравьи. Фрицев тут видимо-невидимо! У них тысяча самолетов за теми горами, а у нас что?!

— Ну ладно. А что у нас? — заинтересовался я.

— Смешно сказать, — усмехнулся капрал.

— И все-таки, — настаивал я.

— У нас есть только то, что ты видишь на этом чертовом поле! — сказал он. — Четырнадцать «Харрикейнов»! Нет, не четырнадцать! Теперь пятнадцать, вместе с твоим!

Я не мог ему поверить. Нет, не может быть, чтобы во всей Греции осталось всего пятнадцать «Харрикейнов».

— Ты в этом уверен? — спросил я его в ужасе.

— Думаешь, я вру? — Он повернулся ко второму технику. — Сделай милость, скажи ему, вру я или правду говорю.

— Истинную правду, — подтвердил тот.

— А как насчет бомбардировщиков? — спросил я.

— Четыре стареньких «Бленхейма», — ответил капрал, — и все. Четыре «Бленхейма» и пятнадцать «Харрикейнов» — вот и вся славная королевская авиация на всю Грецию!

— Боже милостивый, — ужаснулся я.

— Еще неделька, — продолжал он, — и всех нас спихнут в море, и плыви себе до дому!

— Надеюсь, ты ошибаешься.

— У фрицев пятьсот истребителей и пятьсот бомбардировщиков, — кипятился он, — и что мы можем им противопоставить? Жалкие полтора десятка «Харрикейнов», и я просто счастлив, что не мне на них летать! Был бы ты поумнее, приятель, остался бы в Египте.

Я видел, что он нервничает, и не мог винить его за это. Наземный персонал эскадрильи, механики и техники, не участвовали в боевых действиях, поэтому им не полагалось оружие, и их никогда не учили драться или защищаться. В такой ситуации легче быть пилотом, чем техническим служащим. Пилот, возможно, рискует гораздо больше, но при этом у него в руках отличное оружие.

Капрал, судя по масляным пятнам на руках, был механиком. Он следил за моторами «Харрикейнов», и было видно невооруженным глазом, что он их просто обожает.

— Новенький самолетик, — ласково произнес он, нежно проведя рукой по металлическому крылу. — Кто-то вложил в него немало труда. А теперь идиоты, что просиживают штаны в Каире, присылают его сюда, где он не протянет и двух минут.

— Где тут штаб?

Он махнул рукой в сторону небольшого деревянного строения на другом конце летного поля. Рядом выстроились штук тридцать палаток. Я перекинул свой парашют через плечо и зашагал по полю к домику.

До какой-то степени я знал, что здесь сложилась чрезвычайно сложная ситуация. Мне было известно, что малочисленные Британские экспедиционные войска, подкрепленные столь же малочисленными авиационными силами, были отправлены в Грецию из Египта несколько месяцев тому назад, чтобы сдерживать натиск итальянцев, и, пока им приходилось воевать с одними итальянцами, они успешно справлялись со своей задачей. Теперь же британцам нужно было успеть вывести свои войска из Греции до того, как всех их поубивают или

возьмут в плен. Опять сплошной Дюнкерк. Но на этот раз военные все сделали по-тихому, прикрывая свой просчет. Я догадывался, что капрал говорил правду, но, как ни странно, меня это ничуть не тревожило.

Я был молодым романтиком, и греческая эскапада казалась мне увлекательным приключением. Мне даже в голову не приходило, что я могу не выбраться из этой страны живым. А ведь следовало задуматься, и, оглядываясь назад, я удивляюсь собственному легкомыслию. Если бы я на мгновение задумался и подсчитал свои шансы на выживание, то понял бы, что они равны один к пятидесяти — такая цифра способна напугать кого угодно.

Я толкнул дверь и вошел в штаб. Там находились трое: майор — командир эскадрильи, капитан и сержант-радист с наушниками на голове. Ни с кем из этой троицы встречаться мне не доводилось. Официально я числился в 80-й эскадрилье более шести месяцев, но до сих пор мне не удавалось подобраться к ней на более или менее близкое расстояние. В последний раз, когда я попробовал сделать это, дело кончилось костром в Западной пустыне.

У майора были черные усы и крест «За летные боевые заслуги» на груди. Еще у него было хмурое встревоженное лицо.

— Ну, здравствуйте, — сказал он. — Ждались мы вас.

— Виноват, прошу прощения за опоздание, — сказал я.

— На шесть месяцев опоздали, — уточнил он. — Койку себе отыщете в одной из палаток. Завтра приступите к полетам. Будете летать, как все остальные.

Мне было ясно, что человек очень занят и ему не терпится поскорее избавиться от меня, но я заколебался. Меня поразила такая равнодушная встреча. Я столько сил приложил, чтобы встать на ноги и наконец добраться до своей эскадрильи, и рассчитывал по крайней мере на коротенькое: «Рад, что вы выкарабкались», — или: «Надеюсь, вам сейчас получше». Но внезапно до меня дошло, что здесь ведется совсем другая игра. Пилоты здесь гибнут каждый день. Разве еще один самолет что-

то меняет, если у тебя их всего четырнадцать? Конечно, не меняет. Майору нужна еще сотня самолетов с пилотами, а что такое один?

Я вышел из штаба, все еще с парашютом на плече. В другой руке я нес бумажный пакет со всеми своими пожитками, которые мне удалось взять с собой: зубной щеткой, начатым тюбиком зубной пасты, бритвой, кремом для бритья, запасной гимнастеркой цвета хаки, синим вязаным жилетом, пижамой, бортжурналом и любимым фотоаппаратом.

В четырнадцать лет я увлекся фотографией. Начинать в 1930 году с пластиночного фотоаппарата с двойным растяжением, сам печатал и увеличивал снимки. Теперь у меня была цейсовская «Супер-Иконта» с объективом «Тессар-6,3».

На Среднем Востоке — как в Египте, так и в Греции — мы всегда, кроме зимы, носили рубашку, шорты и носки хаки и даже летали без свитера. Бумажный пакет с бортжурналом и фотоаппаратом лежал у меня под ногами, когда я летел сюда, и на что-либо еще в кабине просто не оставалось места.

В палатках жили по двое, и, когда я вошел в свою, мой сосед сидел на своей походной кровати и вставлял веревку в ботинок вместо порванного шнура. У него было продолговатое дружелюбное лицо, и он представился Дэвидом Куком. Много позже я узнал, что Дэвид Кук происходил из очень знатного рода, и, не погибни он в своем «Харрикейне», стал бы ни много ни мало графом Лестерширским и владел одним из самых красивых и величественных домов в Англии, хотя он совсем не был похож на будущего графа. Он был добрым, отважным и щедрым, и через несколько недель мы стали близкими друзьями. Я сел на свою походную кровать и стал задавать ему всякие вопросы.

— Здесь действительно все так плохо, как говорят? — спросил я у него.

— Полнейшая безнадега, — сказал он, — но мы ведь сами сюда влезли. Немецкие истребители теперь могут появиться в любое мгновение, а у нас самолетов в пять

десять раз меньше, чем у них. Если они не перебьют нас в воздухе, то достанут на земле.

— Послушай, — сказал я, — я ни разу в жизни не был в бою. Я понятия не имею, что нужно делать, если встречу вражеский самолет в воздухе.

Дэвид Кук уставился на меня так, словно увидел привидение. Вряд ли у него мог быть более изумленный вид, заявив я ему, что никогда прежде не летал на самолете.

— То есть ты хочешь сказать, — задыхнулся он, — что явился в самое пекло, не имея никакого опыта за плечами!

— Боюсь, что так, — сказал я. — Но я думаю, меня посадят в кабину к какому-нибудь старому волку, и он покажет мне что к чему.

— Не повезло тебе, приятель, — сказал он. — Мы тут летаем поодиночке. Им и в голову не приходит, что парами летать лучше. Боюсь, тебе придется во все вникать самому. Неужели ты и в самом деле никогда не воевал в боевой эскадрилье?

— Никогда, — ответил я.

— А командир знает? — поинтересовался он.

— Вряд ли он об этом задумывался, — сказал я. — Он просто сказал мне, что с завтрашнего дня я приступаю к полетам и буду летать, как все.

Я вкратце поведал ему о том, что стряслось со мною за последние шесть месяцев.

— О Господи! — воскликнул он. — Хорошенькое начало! Сколько часов ты налетал на «Харрикейнах»?

— Около семи, — сказал я.

— Боже мой! — вскричал он. — Так ты и летать-то на нем толком не умеешь!

— В общем-то не умею, — сказал я. — Знаю, как взлетать, как садиться, и больше ничего.

Он сидел, не в силах поверить моим словам.

— Ты здесь давно? — спросил я у него.

— Не очень, — ответил он. — До этого я участвовал в Битве за Англию. Нам там досталось, но это цветочки по сравнению с тем безумием, которое творится здесь. У нас нет ни одного радара, а ракеты — на вес золота. С землей можно разговаривать, только когда ты висишь

прямо над аэродромом. В воздухе вообще нельзя переговариваться друг с другом. Вместо радара у нас греки. На вершине каждой горы сидит грек и, как только заметит немецкие самолеты, сразу звонит нам в штаб по полемому телефону. Вот такой у нас радар.

— И работает?

— Время от времени, — сказал он. — Только вот большинство наших наблюдателей не могут отличить «Мессершмит» от детской коляски.

Он наконец продел веревку в ботинок и теперь надевал его на ногу.

— Это правда, что у немцев в Греции тысяча самолетов? — спросил я у него.

— Похоже на то, — сказал он. — Думаю, да. Понимаешь, Греция для них только начало. После захвата Греции они собираются двинуться на юг и взять Крит. Я в этом уверен.

Мы сидели на походных постелях и размышляли о будущем. Мне оно виделось довольно мрачным.

— Раз ты ничего не знаешь, попытаюсь тебе помочь, — нарушил молчание Дэвид Кук. — Что ты хотел бы узнать?

— Ну, прежде всего, — сказал я, — что я должен делать, когда встречу «сто девятого»?

— Постарайся сесть ему на хвост, — сказал он. — Поворачивай на меньшем круге, чем он. Позволишь ему пристроиться тебе в хвост — и тебе конец. У «Мессершмита» пушки на крыльях. У нас только пули, и даже не зажигательные. Просто пули, и все. У фрицев снаряды разрываются, когда попадают в цель. А наши пули только дырочки в фюзеляже пробивают. Поэтому для того, чтобы сбить, ты должен попасть точно в двигатель. Ему все равно, куда он попадет — в любом случае снаряд взорвется и разнесет тебя на кусочки.

Я с трудом переваривал его наставления.

— И еще, — продолжал он, — никогда, ни при каких обстоятельствах не отводи глаз от зеркала заднего вида больше, чем на несколько секунд. Они сядут тебе на хвост и сделают это очень быстро.

— Постараюсь все запомнить, — сказал я. — А что делать с бомбардировщиком? Как лучше всего его атаковать?

— В основном тебе будут попадаться Ю-88, — сказал он. — «Юнкерс» — отличный самолет. Скорость у него не хуже, чем у тебя, и еще на самолете два стрелка, спереди и сзади. Они стреляют зажигательными трассирующими пулями. Они всегда видят, куда направляются пули, поэтому стреляют метко. Если нападать на Ю-88 с хвоста, то надо забираться к нему под брюхо, чтобы не попасть в прицел заднего стрелка. Но так его не сбить. Нужно целиться в двигатель. Но при этом не забывай про отклонение. Наводи прицел вперед. Нос его двигателя должен находиться на внешнем круге прицела.

Я плохо понимал, о чем он говорит, но все же кивнул.

— Хорошо, я постараюсь.

— О Боже, — вздохнул он. — За один урок не научишься сбивать немцев. Хорошо бы полетать завтра вместе. Я бы немного приглядел за тобой.

— А можно? — обрадовался я. — Давай поговорим с майором.

— Не выйдет, — покачал головой он. — Мы всегда летаем по одному. Разве что перелет, тогда мы летим все вместе, строим.

Он замолчал и взъерошил свои русые волосы.

— Проблема в том, — сказал он, — что командир почти не разговаривает со своими пилотами. Он даже не летает с нами. Разумеется, он когда-то летал, раз у него крест «За летные боевые заслуги», но я ни разу не видел его в кабине «Харрикейна». В Битве за Англию командир всегда летал со своей эскадрильей. Давал дельные советы и помогал новичкам. В Англии всегда летаешь в паре, и новичок поднимается в воздух вместе с опытным пилотом. В Битве за Англию у нас был радар, и рации работали просто отлично. Мы переговаривались с землей и друг с другом в воздухе. Но тут ничего нет. Главное — помни, что тут ты предоставлен самому себе. Никто не станет тебе помогать, даже командир. В Битве за Англию, — добавил он, — всех новичков опекали.

— А сегодня полетов уже не будет? — спросил я у него.

— Нет, — ответил он. — Скоро стемнеет. Вообще-то, пора ужинать. Пошли со мной.

Офицерская столовая располагалась в большой палатке, где помещались два длинных стола на козлах, на одном стояла еда, а за другим ели. На ужин нам дали говяжью тушенку с хлебом, которые мы запивали греческим смолистым вином. Греки придумали хитрость — они добавляли в плохое вино сосновую смолу, чтобы перебить отвратительный вкус вина. Мы пили его, потому что ничего другого не было.

Другие пилоты из нашей эскадрильи, опытные молодые люди, которые столько раз бывали на волоске от смерти, отнеслись ко мне с тем же равнодушием, что и командир. Какие еще формальности в таком месте. Пилоты приходят и пилоты уходят. Остальные едва ли замечали мое присутствие. Никакой настоящей дружбы здесь не существовало. То, как ко мне отнесся Дэвид Кук, было исключением, но и сам он был человеком исключительным. Я понял, что больше никто не взял бы новичка, вроде меня, под свое крыло. Каждый прятался в кокон своих проблем, и все их мысли были только об одном — уцелеть и в то же время исполнить свой долг. Все они были такие тихие. Никаких шуточек. Только пара невыразительных слов о пилотах, которые не вернулись сегодня. И больше ничего.

К одному из шестов, поддерживающих полог палатки в столовой, была прибита доска для объявлений, на которой кнопками крепился машинописный лист с именами пилотов, отправляющихся завтра утром в дозор, и указанием времени взлета для каждого из них. Дэвид Кук разъяснил мне, что такое дозор — висишь над летным полем в ожидании, пока наземный диспетчер тебя вызовет и направит туда, где один из наших греческих комедиантов засек немецкие самолеты с вершины своей горы. Напротив моего имени было указано время взлета: 10 утра.

Проснувшись на следующее утро, я мог думать только о времени взлета, о неминуемой встрече с «Люфт-

ваффе» в том или ином виде один на один. От таких мыслей обычно возникает желание опорожнить емкости, и я спросил у Дэвида Кука, где у них отхожее место. Он показал, куда идти, и я отправился на поиски.

Я бывал в самых примитивных уборных в Восточной Африке, но отхожее место 80-й эскадрильи в Элевсине* переплюнуло все остальные. В земле была вырыта широкая траншея глубиной метра два и метров пять в длину. По всей длине траншеи на высоте больше метра висел круглый шест, и я с ужасом наблюдал, как какой-то пилот, явившийся туда прежде меня, спустил штаны и попытался взгромоздиться на этот шест. Траншея была настолько широка, что он никак не мог дотянуться до шеста руками. Но когда ему это удалось, ему пришлось развернуться и податься назад, сделать как бы прыжок, в надежде, что его задница приземлится в точности на этот самый шест. Ухитрившись проделать это, он ухватился за шест обеими руками, чтобы не потерять равновесие. И все равно не удержался и опрокинулся в вонючую яму. Я вытащил его, и он побежал отмываться. Я решил не рисковать. Побродив немного, отыскал местечко среди оливковых деревьев, где меня окружали живые полевые цветы.

Точно в десять ноль-ноль я сидел в своем «Харрикейне» пристегнутым к сиденью и готовым к взлету. За последние полчаса несколько других самолетов по одному поднялись в воздух и исчезли в голубом греческом небе. Я взлетел, поднялся на 1500 метров и кружил над летным полем, а в это время из штаба пытались связаться со мной по кошмарно работающей радиации. Мне присвоили кодовое имя «Синяя четверка».

Сквозь треск помех в мои наушники пробивался далекий голос, без конца повторяя:

— Синяя четверка, слышите меня? Слышите меня?

— Почти нет, — откликнулся я.

— Ждите приказа, — сказал слабый голос. — Слушайте.

* Гора Элевсин в античные времена была местом культа богини Деметры (Цереры).

Я описывал круги, восхищаясь голубым небом на юге и большими горами на севере, и только подумал, что так воевать мне, пожалуй, нравится, как снова затрещали электростатические разряды и пробившийся сквозь них голос произнес:

— Синяя четверка, слышите меня, прием?

— Так точно, — сказал я, — но говорите громче.

— Бандиты над портом в Халкисе, — сказал голос. — Вектор 035, расстояние 64 километра, угол восемь.

— Вас понял, — сказал я. — Приступаю к исполнению.

Это простое сообщение, которое даже мне было понятно, ставило меня в известность, что, если я двинусь курсом в тридцать пять градусов по моему компасу и пролечу расстояние в шестьдесят четыре километра, то потом, если немножко повезет, смогу перехватить на высоте в 2440 метров противника, который пытается потопить корабли в месте, именуемом Халкис, где бы оно, это место, ни находилось.

Я взял указанный курс и открыл дроссель, надеясь, что все делаю правильно. Я проверил свою путевую скорость и рассчитал, что до Халкиса долечу минут за десять. Я прошел над гребнем горного хребта, оставив между горами и собой запас в 150 метров, и, пролетая над горами, заметил одинокого бело-рыжего козла, бредущего по голой скале.

— Привет, козлик, — громко сказал я в свою кислородную маску. — Готов поспорить, ты и не знаешь, что немцы собрались поужинать тобой еще до того, как ты заметно состаришься.

На что козел мог бы ответить:

— И с тобой, мальчик мой, то же самое. У тебя положение не лучше моего.

Потом немного вдалеке я заметил что-то вроде судноходного русла или фьорда и небольшую кучку домов на берегу. Халкис, подумал я. Точно Халкис.

У берега стояло большое грузовое судно, и вдруг высоко над водой возле корабля взметнулся огромный фонтан брызг. Мне еще не доводилось видеть взрывающуюся в воде бомбу, но я видел это на фотографиях. Я посмотрел в небо над кораблем, но ничего там не увидел.

Я продолжал смотреть и рассуждал так: если бомба взорвалась, значит, ее кто-то сбросил. Еще две мощные струи воды взлетели высоко в небо возле корабля.

И тут я засек бомбардировщиков. Увидел маленькие черные точки, кружившие высоко в небе над кораблем. И испытал самое настоящее потрясение. Впервые я видел врага из кабины своего самолета. Очень быстро я перевел медное кольцо своей огневой клавиши из положения «безопасно» в положение «огонь». Включил прицел, и перед моим лицом повис бледно-красный круг света с двумя линиями крест-накрест. И устремился прямо на точки.

Полминуты спустя точки превратились в черные двухмоторные бомбардировщики. Это были Ю-88. Я насчитал шесть самолетов. Я вглядывался в небо над самолетами и вокруг них, но никаких истребителей, которые прикрывали бы бомбардировщиков, не обнаружил. Помню, я был совершенно спокоен и ничего не боялся. Я думал только об одном — сделать все правильно и не напортачить.

На каждом Ю-88 летало по три человека, стало быть, три пары глаз. Так что у шести Ю-88 было никак не меньше восемнадцати пар глаз, шарящих по небу. Будь я опытнее, я бы понял это много раньше и, прежде чем идти на сближение, развернулся бы так, чтобы солнце оставалось за моей спиной. Я бы быстро набрал высоту, чтобы атаковать их сверху. Ни того, ни другого я не сделал. Я просто полетел прямо на них на той же высоте, что и они, да еще против яркого греческого солнца, которое светило мне прямо в глаза.

Они засекли меня, когда между нами все еще оставалось метров восемьсот, и вдруг все шестеро на крутом вираже резко ушли прочь, нырнув за большую горную гряду за Халкисом.

Меня предупреждали, что нельзя переводить дроссель в положение «полная скорость», разве что случится нечто чрезвычайное или опасное. На «полной скорости» двигатель «Роллс-Ройс» работает на максимальных оборотах и выдерживает такую нагрузку не больше трех минут.

Нормально, подумал я, сейчас как раз самые что ни на есть чрезвычайные обстоятельства. И вдавил дроссель прямо на «полную скорость». Двигатель взревел, и «Харрикейн» метнулся вперед. Я быстро догнал бомбардировщики. Они выстроились углом, что, как я вскоре выяснил, позволяло всем шестерым задним стрелкам стрелять по мне одновременно.

Горы за Халкисом дикие, черные, с острыми вершинами, и немцы летели прямо среди них гораздо ниже вершин. Я рванулся за ними. Иногда мы пролетали почти вплотную к скалам, и перепуганные стервятники разлетались в разные стороны, когда мы с ревом проносились мимо. Я настиг их, и когда осталось каких-то метров 200, все шесть задних стрелков стали стрелять по мне.

Как и предупреждал Дэвид Кук, стреляли они трассирующими пулями, и из каждой из шести тыльных турелей вырывался сверкающий столб красно-оранжевого пламени. Из шести турелей, изгибаясь дугой, ко мне неслись шесть столбов яркого оранжево-красного пламени. Словно тонкие струйки подкрашенной воды из шести разных шлангов. Они притягивали взгляд. Смертоносные оранжево-алые ручейки, казалось, совсем медленно вытекали из турелей, и мне было видно, как они изгибаются в воздухе на пути ко мне и внезапно вспыхивают возле моей кабины, как фейерверк.

Я начинал понимать, что загнал себя в самое худшее из всех возможных положений для атакующего истребителя, как вдруг проход между горами резко сузился, и бомбардировщикам пришлось выстроиться друг за другом. Это означало, что стрелять по мне теперь мог только замыкающий. Уже лучше. Теперь ко мне устремлялся только один ручеек оранжево-красных пуль.

Дэвид Кук говорил: «Целься в двигатель». Я подобрался немного поближе и, наклоня самолет то в одну, то в другую сторону, умудрился поймать правый двигатель в круг прицела. Я навел прицел немного вперед и нажал кнопку. «Харрикейн» слегка трянуло, когда все восемь «Браунингов» на крыльях одновременно выпустили пули, а секундой спустя я увидел, как в воздух

взлетел большой кусок металлической обшивки двигателя размером со столовый поднос. Боже правый, подумал я, я попал! Я его достал! В самом деле попал! Потом из двигателя потянулся черный дымок, и бомбардировщик очень медленно, словно в замедленной съемке, перевернулся через правое крыло и начал терять высоту. Я сбросил скорость. Он был подо мной. Я смотрел на него, перегнувшись из кабины. Он не пикировал и не закручивал «штопор». Он просто медленно переворачивался, как подхваченный ветром листок, а из правого мотора валил черный дым. Потом из фюзеляжа выпрыгнул один... второй... третий и закувыркались по направлению к земле, в причудливых позах, по-смешному разводя руками и ногами, а через мгновение раз... два... три парашюта раскрылись и спокойно поплыли между утесами к узкому ущелью внизу.

Я смотрел на них, как зачарованный. Не верилось, что я в самом деле сбил германский бомбардировщик. Но я испытал огромное облегчение, увидев парашюты.

Я снова открыл задвижку дросселя и поднялся над горами. Пятерка оставшихся Ю-88 исчезла. Я огляделся вокруг, но не увидел ничего, кроме скалистых вершин. Взяв курс на юг, через пятнадцать минут я приземлился в Элевсине. Поставив свой «Харрикейн» на место, я вылез из кабины. Отсутствовал я ровно час. А как будто и десяти минут не прошло. Я медленно обошел вокруг своего самолета, высматривая повреждения. Каким-то чудом фюзеляж даже не зацепило. Единственной меткой, которую сумели эти шестеро задних стрелков оставить на моем самолете, в котором я сидел согнувшись в три погибели, оказалась одна аккуратная круглая дырочка на одной из лопастей моего деревянного пропеллера. Я перебросил через плечо свой парашют и пошел в штабную хижину. Чувствовал я себя великолепно.

Как и в прошлый раз, в штабе сидели командир эскадрильи и сержант-радист с наушниками на голове. Майор посмотрел на меня и нахмурился.

— Ну и как у вас? — спросил он.

— У меня один Ю-88, — сказал я, стараясь приглушить гордость и радость в голосе.

— Вы уверены? — спросил он. — Вы видели, как он упал?

— Нет, — ответил я. — Но я видел, как экипаж выпрыгнул из самолета и раскрыл парашюты.

— Хорошо, — сказал он. — Это звучит достаточно определенно.

— Вот только пуля пробила дырку в моем пропеллере, — сказал я.

— Да ладно, — отмахнулся он. — Скажите механику, пусть заделает ее как следует.

Вот и весь разговор. Я рассчитывал на большее. Скажем, на похлопывание по плечу или похвалу с улыбкой, но, как я уже говорил, у него было полно других забот, в том числе о лейтенанте Холмане, который улетел за тридцать минут до меня и до сих пор не вернулся. Мы его так и не дождались.

Дэвид Кук тоже летал в это утро, и я нашел его в нашей палатке. Он сидел на походной койке и ничего не делал. Я рассказал ему о своем приключении.

— Никогда больше так не делай, — сказал он. — Нельзя садиться на хвост шести Ю-88 и надеяться на удачу, потому что в следующий раз тебе не повезет.

— А у тебя как? — поинтересовался я.

— Один «сто девятый», — спокойно ответил он, словно рассказывал, как поймал рыбу в речке через дорогу. — Скоро здесь будет очень опасно, — добавил он. — «Сто девятые» и «сто десятые» налетели сюда, как осы. В следующий раз веди себя осторожнее.

— Постараюсь, — ответил я. — Постараюсь.

Артиллерийский корабль

На следующее утро мне приказали вылететь на дежурное патрулирование в шесть часов. Я взлетел минута в минуту и, описывая небольшие круги, поднялся на 1500 метров над летным полем.

Только что вошло солнце, и я увидел ослепительно белый величественный Парфенон, возвышающийся над Афинами. Мое радио закричало почти сразу же, и голос из оперативного штаба дал мне те же указания, что и накануне. Я должен лететь в Халкис, где немцы опять бомбят пристань. Передо мной этим утром поднялись в воздух пять «Харрикейнов» и один за другим разлетелись в разные стороны. Мы были окружены врагом, и нам приходилось патрулировать по всем направлениям. Халкис, похоже, закрепили за мной.

Накануне вечером я разузнал, что большое грузовое судно, стоявшее в порту Халкиса, это — корабль с боеприпасами. Он доверху загружен взрывчаткой, и немцы об этом узнали. Отважные греки, не покладая рук, разгружали патроны, бомбы и другие боеприпасы. Они понимали — достаточно одного прямого попадания, и все взлетит на воздух, в том числе сам Халкис вместе со своими жителями.

Над Халкисом я был в 6.15 утра. Большой грузовой корабль стоял на прежнем месте, а рядом покачивался лихтер. Деррик-кран поднимал огромную корзину с носа корабля и опускал ее на палубу лихтера. Я поискал взглядом вражеские самолеты, но ни одного не заметил. Человек на палубе поглядел вверх и помахал мне кепкой. Я высунулся из кабины и помахал ему в ответ.

Я пишу эти строки спустя сорок пять лет, но Халкис до сих пор стоит у меня перед глазами, каким он выглядел с высоты в пару тысяч метров тем ярко-голубым апрельским утром.

Ослепительно белые домики с красными черепичными крышами выстроились вдоль фарватера, а за ним виднеются острые серо-черные скалы, среди которых я накануне носился за Ю-88. Я видел широкую равнину, зеленые поля с удивительно яркими желтыми пятнами; казалось, этот пейзаж принадлежит кисти Винсента Ван Гога.

Со всех сторон меня окружала ослепительная красота, и я был настолько ошеломлен, что не сразу заметил несущийся на меня снизу Ю-88, пока он едва не ткнулся носом мне в брюхо. Он поднимался прямо на меня, выплевывая желтые огоньки трассирующих пуль, и за тысячную долю секунды я увидел немецкого переднего стрелка, согнувшегося над оружием и сжимавшего его обеими руками, давя на гашетку. Я успел рассмотреть его коричневый шлем, бледное лицо без защитных очков и черный летный костюм. Я рванул на себя ручку с такой силой, что «Харрикейн» ракетой взмыл вверх. От резкой смены направления в глазах у меня почернело, а когда зрение восстановилось, самолет застыл в вертикальном положении, стоя на хвосте и почти не двигаясь вперед. Двигатель кашлял и вибрировал.

В меня попали, подумал я, прострелили двигатель. Я толкнул ручку вперед — Господи, сделай так, чтобы она работала, взмолился я. Каким-то чудом самолет опустил нос, двигатель завелся, и через несколько секунд мой замечательный самолет снова летел ровно.

Но где же немец?

Посмотрев вниз, я увидел его примерно метрах в трехстах под собой. Его крылья четко вырисовывались на фоне синей воды залива, и — я не мог в это поверить — он не обращал на меня никакого внимания, приготовившись бомбить артиллерийский корабль! Я открыл задвижку дросселя и спикировал на него. Через восемь секунд я оказался прямо над ним, но я пикировал слишком круто и быстро, поэтому когда большой серо-зеленый бомбардировщик попал в мой прицел, я смог лишь выпустить короткую очередь и тут же пролетел мимо, рванув назад ручку, чтобы не нырнуть в воду.

Я все испортил. Второй раз подряд я полез в атаку, даже не продумав стратегию. Я снова с ревом метнулся вверх, перевернулся через крыло и полетел на него. Он по-прежнему нацеливался на корабль.

И вдруг случилось невероятное. Его нос внезапно ткнулся вниз, и он полетел по совершенно отвесной линии в голубые воды бухты Халкиса. Упал неподалеку от корабля, взметнув фонтан белых брызг, а потом воды сомкнулись над ним, и он исчез.

«Как мне это удалось?» — недоумевал я. В голову пришло только одно объяснение: по-видимому, счастливая пуля попала в пилота, и он, навалившись на ручку всем телом, отправил самолет в пике. Несколько греческих моряков на палубе корабля махали мне кепками, и я помахал им в ответ. Вот как глупо я себя вел. Сидел спокойно в своей кабине и махал греческим морякам, забыв, что я во вражеском небе, где полным-полно немецких самолетов. Когда я наконец перестал махать и огляделся, то увидел такое, от чего едва не выпал из кабины. Повсюду были самолеты. Они пикировали, взмывали вверх, кружили и переворачивались в воздухе, и у всех были черно-белые свастики на фюзеляжах и черные — на хвостах.

Я сразу понял, что это за самолеты. Грозные маленькие немецкие истребители «Мессершмиты-109». Я никогда их раньше не видел, но отлично знал, как они выглядят. Клянусь, их было штук тридцать или сорок в нескольких сотнях метров от меня. Они роились вокруг меня, словно осы, и, честное слово, я не знал, что мне делать. Остаться и принять бой было равносильно самоубийству, и в любом случае я был обязан спасти самолет любой ценой. У немцев — сотни истребителей. А у нас — считанные единицы.

Я надавил ручку вперед, открыл задвижку дросселя и спикировал к самой земле. Я подумал — если я смогу пролететь на опасно низкой высоте прямо над верхушками деревьев и изгородями, то, возможно, немецкие пилоты откажутся так рисковать.

Выйдя из пике, я полетел со скоростью почти в полтысячи километров в час всего в шести метрах над зем-

лей. Это ниже допустимого предела снижения, лететь на такой высоте и при такой скорости крайне рискованно. Но я и так уже угодил в рискованное положение.

Я летел над желтой вангоговской равниной и, бросив взгляд в зеркало заднего вида, увидел у себя на хвосте целую стаю «сто девярых». Я опустился еще ниже. Теперь мне приходилось в буквальном смысле перепрыгивать через многочисленные оливковые деревья. Потом я пошел на огромный, но обдуманный риск и опустился еще ниже, почти касаясь днищем травы. Я понимал, что немцы могут в меня стрелять, только опустившись на такую же высоту, и даже если они на это решатся, им трудно будет одновременно управлять самолетом, летящим почти по земле, и вести прицельный огонь.

Вы, наверное, мне не поверите, но я помню, как в буквальном смысле слегка приподнял самолет, чтобы не врезаться в каменную стену, а один раз мне навстречу попало стадо рыжих коров, и, думаю, некоторые из них не досчитались рогов, когда я промчался над ними.

Внезапно «Мессершмитам» надоело. В зеркало заднего вида я увидел, как они друг за другом разворачиваются в обратную сторону. С каким же облегчением я поднялся на безопасную высоту и со свистом помчался над горами!

Я принес в эскадрилью дурные вести. Немецкие истребители находились от нас в радиусе боевого действия. И теперь сотни вражеских самолетов могут нагрянуть на наш аэродром в любое время.

АФИНСКОЕ СРАЖЕНИЕ

Следующие три дня, 17, 18 и 19 апреля 1941 года, почти стерлись из моей памяти. Зато я очень хорошо помню 20 апреля, день четвертый. В моем борт журнале записано, что с Элевсинского аэродрома я 17 апреля вылетал трижды, 18 апреля вылетал дважды, 19 апреля вылетал трижды, 20 апреля вылетал четырежды.

Каждый из этих вылетов означал бег через летное поле к тому месту, где стоял «Харрикейн» (зачастую метров этак на 200), пристегивание ремней, включение зажигания и завод двигателя, взлет, полет в заданный район, обнаружение противника, возвращение на аэродром, доклад в штабе, а затем принятие мер к незамедлительной заправке и переоснащению самолета, чтобы его можно было снова поднять в воздух.

Двенадцать отдельных вылетов против противника за четверо суток — довольно напряженный график по любым меркам, и все мы понимали, что во время каждого полета кто-то будет убит — либо фриц, либо пилот «Харрикейна». Я считал, что мои шансы на возвращение после каждого полета равны пятьдесят на пятьдесят, но на самом деле ни о каких равных шансах не могло быть и речи. Если каждый раз тебе приходится отбиваться от десятерых, то букмекер, будь такой на аэродроме, наверняка принимал бы ставки пять к одному против твоего возвращения с каждого вылета.

Как и другие пилоты, я всегда летал один. Как хотелось иногда чувствовать рядом крыло друга; и самое главное, вторая пара глаз помогла бы следить за небом, особенно сзади и над головой. Но у нас было слишком мало самолетов, чтобы позволить себе такую роскошь.

Иногда я летал над гаванью Пирея, гоняясь за Ю-88, которые бомбили стоявшие там корабли. Иногда кру-

жил над Ламией, пытаюсь помешать «Люфтваффе» разнести в клочки наши отступающие войска, хотя что мог сделать один «Харрикейн»? Дважды я сталкивался с бомбардировщиками над самими Афинами, где они, как правило, летали группами по двенадцать самолетов.

Мой «Харрикейн» трижды подбивали, но ремонтники 80-й эскадрильи творили чудеса, заделывая дыры в фюзеляже или исправляя повреждения в лонжероне.

В те четыре дня мы жили в бешеном темпе, и никто уже не считал свои личные победы. В отличие от истребителей в Британии, на наших самолетах не было кинофотопулеметов, благодаря которым можно было определить, поразили мы цель или нет. Мы все время только и делали, что бежали к самолету, залезали в кабину, неслись в то или иное место, гонялись за фрицами, давали на гашетку, садились в Элевсине, и все начиналось сначала.

В моем борт журнале записано, что 17 апреля мы потеряли старшего сержанта Коттингема и старшего сержанта Ривлона, а также оба их самолета.

18 апреля лейтенант Уфи Стилл вылетел и не вернулся. Я помню Уфи Стилла — улыбчивый парень с веснушками и рыжими волосами.

Таким образом, с 19 апреля Грецию защищали двенадцать «Харрикейнов» и двенадцать пилотов.

Как я уже говорил, 17, 18 и 19 апреля перепутались в моей памяти, и у меня не сохранилось об этих днях ни одного четкого воспоминания. Но 20 апреля — это совсем другое дело. 20 апреля я совершил четыре отдельных вылета, но первый вылет в тот день я никогда не забуду. Он словно выжжен в моей памяти.

В тот день какой-то чиновник в Афинах или Каире решил, что все наши военно-воздушные силы, все наши двенадцать «Харрикейнов» должны один раз подняться в воздух все вместе. Жители Афин начали нервничать, и чиновники, чтобы их успокоить, решили показать им наши воздушные силы во всей красе. Будь я жителем Афин в то время, когда на город стремительно наступала стотысячная немецкая армия, не говоря уже о тысяче самолетов «Люфтваффе», кружащих на расстоянии

бомбового удара, я бы тоже занервничал и вряд ли успокоился при виде двенадцати одиноких «Харрикейнов» над головой.

Как бы то ни было, 20 апреля, золотым весенним утром, в десять ноль-ноль все мы взлетели друг за другом и образовали над Элевсинским летным полем плотное построение. Затем мы строем двинулись к Афинам, до которых было не больше четырех минут лету.

Никогда мне прежде не приходилось летать в строю, во всяком случае, на «Харрикейне». Даже во время учебы я летал строем только раз, и то на маленьком «Тайгермоте». Вообще-то ничего сложного в этом нет, но если ты делаешь это первый раз и должен лететь в нескольких метрах от крыла соседа, тогда тебе предстоит опасное приключение. Держишь свою позицию, дергая туда-сюда задвижку дросселя и обращаясь с предельной осторожностью с рулем и рукояткой управления. Проще, когда летишь по прямой и на одной высоте, но, если построение постоянно делает резкие виражи, такому неопытному новичку, как я, приходится несладко.

Круг за кругом мы пролетали над Афинами, и я думал только о том, как бы не поцарапать правым крылом соседний самолет, поэтому в тот раз у меня не было настроения восхищаться величественным видом Парфенона и другими знаменитыми памятниками под собою.

Во главе нашего построения летел капитан Пат Паттл. Пат Паттл был легендой Королевских ВВС. По крайней мере в Египте, Западной пустыне и в горах Греции. Он был величайшим летчиком-истребителем на Среднем Востоке, он одержал астрономическое число побед. Говорили даже, что он сбил больше самолетов, чем любой из прославленных и превозносимых асов Битвы за Англию, и, думаю, это правда.

Сам я ни разу с ним не разговаривал и уверен, что он даже не знал, кто я такой. Я был никем. Просто новое лицо в эскадрилье, пилоты которой и так почти не замечают друг друга. Но я несколько раз видел прославленного капитана Паттла в столовой. Очень маленький человек с тихим голосом и печальным морщинистым

лицом, похожим на морду кошки, которая знает, что все ее девять жизней кончились.

В то утро 20 апреля капитан Паттл, ас из асов, ведущий наше построение из двенадцати «Харрикейнов» над Афинами, очевидно, полагал, что мы способны летать столь же блистательно, как и он сам, и заставлял нас изображать какой-то адский танец над городом. Мы летели на высоте около 2500 метров и изо всех сил старались показать афинскому народу, какие мы могучие, шумные и храбрые, когда вдруг все небо заполнили немецкие истребители. Они спускались на нас сверху, и не только 109-е, но и двухмоторные 110-е. Те, кто наблюдал за происходящим с земли, рассказывали, что их в то утро собралось вокруг нас никак не менее двухсот. Мы сломали строй, и теперь каждый был за себя. Началось то, что потом стало известно как Афинское сражение.

Я не могу в точности описать события следующих тридцати минут. Не думаю, что найдется хоть один летчик-истребитель, способный описать, что происходит во время воздушного боя. Ты сидишь в металлической кабине, где все сделано из алюминия. Над головой плексигласовый колпак и скошенное пуленепробиваемое ветровое стекло спереди. Правая рука на ручке, а большой палец правой руки — на медной кнопке гашетки, расположенной в верхней части ручки. Левая рука — на дросселе, а обе ноги — на рычаге руля управления. На плечах — стропы парашюта, на котором сидишь, а вторая пара плечевых ремней и пояс жестко удерживают тебя в кабине. Можно поворачивать голову, двигать руками и ногами, но туловище так крепко приковано этими стропами к кабине, что невозможно пошевелиться. Между твоим лицом и ветровым стеклом ярко блестит оранжево-красный круг отражательного прицела.

Некоторые люди не понимают, что, хотя на крыльях «Харрикейна» и закреплено восемь пулеметов, сами эти стволы совершенно неподвижны. Нацеливают не орудия, а самолет. Сами пулеметы тщательно отлаживаются на меткость и испытываются заранее на земле так, чтобы пули из каждого ствола сходились в точке, нахо-

дящейся примерно в 140 метрах впереди. Поэтому с помощью прицела наводишь самолет на цель и давишь на кнопку гашетки. Для того, чтобы точно прицелиться таким образом, надо быть опытным пилотом, особенно если приходится стрелять на крутом вираже и большой скорости.

В то утро над Афинами я видел, как распался наш плотный строй, и все «Харрикейны» затерялись среди роя вражеских воздушных кораблей, и с той минуты, куда бы я ни посмотрел, со всех сторон на меня вихрем неслись вражеские истребители, сливаясь в одно сплошное размытое пятно. Они налетали сверху, они налетали сзади, они неслись на меня в лобовой атаке, и я только успевал увертываться и давил на гашетку всякий раз, когда фриц попадал в круг моего прицела.

Это был самый напряженный и, должен признаться, самый захватывающий момент в моей жизни. Я видел черные клубы дыма, вырывающиеся из двигателей самолетов. Я видел, как от фюзеляжей отлетают куски металла. Я видел ярко-красные вспышки, вылетающие с крыльев «Мессершмитов», которые палили из своих стволов, а один раз я видел, как человек в объятom огнем «Харрикейне» хладнокровно вылез на крыло и прыгнул вниз.

Я оставался там, пока у меня не кончились все боеприпасы. Стрелял я очень много, но не знаю, удалось ли мне сбить или попасть хоть в один самолет. Я не останавливался даже на долю секунды, чтобы поглядеть на результаты. В небе было столько самолетов, что половина времени у меня уходила на то, чтобы избегать столкновений. Я твердо уверен в том, что немецкие самолеты часто преграждали друг другу дорогу, потому что их было слишком много, и многие из нас уцелели только благодаря этому, иначе говоря, благодаря нашей малочисленности.

Когда я, наконец, вырвался оттуда и направился в сторону дома, то понял, что мой «Харрикейн» подбит. Рукоятки и рычаги управления словно были забиты тестом, а педаль руля вовсе не реагировала. Но при уме-

нии можно долететь на одних элеронах, и только так мне удалось добраться до родного аэродрома.

Слава Богу, шасси вышло, когда я потянул рычаг, так что я более или менее благополучно сел в Элевсине. Я вырулил на стоянку, выключил двигатель и откинул крышу кабины. Еще минуту я сидел, хватая ртом воздух. Меня буквально трясло от мысли, что я побывал в настоящем аду и умудрился выбраться оттуда.

А вокруг меня всюду светило солнце, цвели полевые цветы, и я думал, как же мне повезло, что я снова все это вижу. Ко мне быстро шагали два техника, механик и заправщик. Они медленно обошли вокруг самолета. Потом механик-ремонтник, лысеющий мужчина средних лет, поглядел на меня и сказал:

— Ну и ну! Самолет твой весь в дырах, как решето!

Я отстегнул ремни и с удовольствием разогнул спину.

— Вы уж постарайтесь, — сказал я. — Он мне скоро опять понадобится.

Помню, как я шел к маленькому деревянному штабу, чтобы доложить о своем возвращении, и по пути вдруг заметил, что вся моя одежда пропиталась потом. В это время года в Греции стоит теплая погода, и мы даже в полет надевали только шорты, рубашку и носки, но теперь зся моя одежда изменила цвет и стала черной от влаги. Когда я снял шлем, оказалось, что волосы тоже мокрые. Никогда в жизни я так не потел, даже после игры в сквош или регби. Пот сочился из меня и капал на землю. У штаба стояли еще несколько летчиков, и я заметил, что они такие же мокрые, как и я.

Я засунул сигарету в рот и зажег спичку. Рука у меня так тряслась, что я никак не мог поднести пламя к кончику сигареты. Врач, стоявший неподалеку, подошел поближе и помог мне прикурить. Я опять посмотрел на свои руки. Они тряслись как-то странно, и я даже почувствовал себя неловко. Бросил взгляд на других пилотов. Все они курили, и руки у них тряслись не меньше моего. Но чувствовал я себя очень даже хорошо. Ведь я продержался там тридцать минут, и они меня не достали.

Достали они в этом бою пятерых из наших двенадцати «Харрикейнов». Один наш летчик выпрыгнул из самолета и спасся. Четверо погибло. Среди погибших оказался и великий Пат Паттл, израсходовавший все свои счастливые жизни. И капитан Тимбер Вудз, второй самый опытный пилот эскадрильи, тоже был в числе убитых. Греческие наблюдатели на земле, да и наши люди на взлетной полосе, тоже видели, как падали пять горящих «Харрикейнов», но они видели и кое-что еще. Они видели, как в этом сражении было сбито двадцать два «Мессершмита», хотя никто из нас не знал, кто и сколько сбил.

Так что теперь у нас осталось семь полуразвалившихся «Харрикейнов», и предполагалось, что этими силами мы должны обеспечить прикрытие с воздуха всех Британских экспедиционных войск во время их эвакуации с побережья. Все превращалось в смехотворный фарс.

Я добрел до своей палатки. У нас был брезентовый умывальник, такая складная штука на трех деревянных подпорках. Над ним склонился Дэвид Кук и плескал воду в лицо. Он стоял совсем голый, обернув маленькое полотенце вокруг пояса, у него была очень белая кожа.

— Значит, выжил, — сказал он, не поднимая головы.

— И ты тоже, — сказал я.

— Мне чертовски повезло, — сказал он. — Всего трясет. Что еще нас ждет?

— Думаю, нас всех убьют, — сказал я.

— Я тоже так думаю, — согласился он. — Сейчас освобожу умывальник. Я оставил немного воды в кувшине на тот случай, если ты вдруг вернешься.

ПРЕДПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

Но двадцатое апреля еще не кончилось.

Я голышом стоял рядом с Дэвидом Куком над трехногим рукомойником возле палатки, пытаюсь смыть с себя пот сражения, и вдруг — *бум-бах-бабах-тра-та-та-та-та* — небо взорвалось страшным грохотом, среди которого выделялся треск пулеметов и рев моторов. Я подпрыгнул от неожиданности, и Дэвид тоже. Взглянув наверх, мы увидели длинную череду «Мессершмитов-109», несущихся прямо на нас на огромной скорости. Они летели низко и палили из всех своих стволов. Мы распластались на траве и приготовились к самому худшему.

Я еще ни разу не попадал под воздушный обстрел и должен признаться, ощущение не из приятных, особенно если тебя застигли на открытом пространстве, да еще и без штанов. Лежишь и следишь за пулями, которые скачут по траве, вырывая куски почвы прямо у тебя под носом, и спастись можно только спрятавшись в глубокой канаве.

109-е летели друг за другом, почти задевая днищем палатки, и когда они с ревом пронеслись надо мной, голую спину обдавало мощной струей воздуха. Помню, я вывернул голову набок, и мне удалось разглядеть пилотов в кабинах в черных шлемах и кислородных масках цвета хаки, закрывавших носы и губы, а один щеголь нацепил ярко-желтый шарф, аккуратно заправив его в распахнутый ворот гимнастерки. Очков на глазах у них не было, и пару раз я поймал сосредоточенное выражение немецких глаз, уставившихся прямо перед собой.

— Все! Нам крышка! — кричал Дэвид. — Они разбомбят все наши самолеты!

— К черту самолеты! — прокричал я в ответ. — С нами-то как?

— Им нужны «Харрикейны», — крикнул Дэвид. — Они разнесут их по одному. Смотри.

Немцы знали, что кучка наших самолетов только что села после боя и теперь перезаправляется, а это — идеальный момент для наземного обстрела. Но они не знали, что вся наша противовоздушная оборона состоит из одной-единственной пушки «Бофорз», затаившейся где-то среди скал за нашим палаточным лагерем. В то время аэродромы на передовой линии фронта тщательно оберегали от нападения с воздуха, поэтому никто не любил летать на наземные обстрелы. Позже я тоже несколько раз совершал налеты на вражеские аэродромы, и мне это совсем не понравилось. Летишь на большой скорости и на маленькой высоте, и, если в твой самолет попадет пуля, почти нет шансов на спасение.

Немцы не могли знать, что наш аэродром прикрывает всего одна несчастная пушка, поэтому они не стали рисковать, сделали быстрый круг над полем и убрались восвояси.

Исчезли они так же внезапно, как появились, и, когда они улетели, над полем повисла поразительная тишина. У меня мелькнула мысль: вдруг всех убили, и в живых остались только мы с Дэвидом. Мы встали и огляделись вокруг. Наконец раздались голоса. Кто-то кричал, приказывая принести носилки, кого-то в окровавленной одежде вели к палатке врача. Но самое удивительное — наша старенькая пушка умудрилась сбить один «Мессершмит». Мы увидели его метрах в десяти над аэродромом с горящим двигателем, из которого вырывались клубы черного дыма. Он беззвучно скользил вниз, и мы с Дэвидом наблюдали, как он на крутом вираже заходит на посадку.

— Мерзавец сгорит заживо, если не поторопится, — заметил Дэвид.

Самолет с грохотом упал на брюхо, проскользил метров тридцать и остановился. Несколько наших побежали, чтобы помочь пилоту, один из них держал в руке красный огнетушитель, а потом они скрылись в черном дыму, вытаскивая немца из самолета. Когда мы увидели их снова, они тащили его за руки подальше от огня,

потом подъехал открытый грузовичок, и они положили его в кузов.

А что же с нашими самолетами? Они стояли по всему периметру летного поля на своих местах, и ни один из них не горел.

— Они не подбили ни один самолет. Так торопились, что даже прицельно толком не сумели, — сказал Дэвид.

— Да, похоже, — согласился я.

А потом дежурный офицер побежал между палатками, крича:

— Все по машинам! Немедленно взлетаем! Быстро! Шевелитесь! — Пробегая мимо меня с Дэвидом, он прокричал: — Вы двое, одевайтесь! Бегом марш! Чтобы через минуту были в воздухе!

Как правило, после первой наземной атаки с воздуха сразу следовала вторая, и командир правильно рассудил, что нам следует сняться с места до их появления. Мы с Дэвидом быстро натянули на себя форму и помчались к «Харрикейнам», и я на бегу гадал, сумею ли поднять свой самолет в воздух после последнего сражения. Не прошло и часа с тех пор, как я приземлился. Когда я добежал до «Харрикейна», у его фюзеляжа возились трое техников во главе с нашим старшим сержантом-ремонтником.

— Руль починили? — крикнул я ему.

— Поменяли провод, — ответил старший сержант. — Старый весь изрезан.

— Горючее залили? Оружие зарядили?

— Все готово, — отрапортовал старший сержант.

Я быстро проверил самолет. Удивительно, как много они успели сделать за такое короткое время. Заделали пробоины от пуль, выровняли покореженную обшивку, зашпаклевали трещины. На всех восьми пулеметных гнездах на крыльях стояли заплатки из красного брезента — значит, все пулеметы перезаряжены и прошли техобслуживание. Я сел в кабину, старший сержант встал на крыло и помог мне пристегнуться.

— Будь осторожен, — сказал он. — Они роются, как комары, по всему небу.

— Ты лучше себя побереги, — сказал я. — Не хотел бы я оказаться на земле, когда они налетят в другой раз.

Он дружески похлопал меня по спине и потом захлопнул прозрачный колпак у меня над головой.

Поразительно, что они не подбили ни один «Харрикейн», и все мы, всемером, спокойно взмыли в воздух и целый час кружили над аэродромом. Мы надеялись, что они вернуться, и тогда мы накинемся на них сверху, и все будет проще пареной репы. Но они не вернулись, и мы снова сели на поле.

Но двадцатое апреля еще не кончилось.

В тот день я еще дважды поднимался в воздух, и оба раза затем, чтобы разогнать тучи Ю-88, которые бомбили суда близ Пирея, и к вечеру я был весьма утомленным молодым человеком.

Вечером нам сообщили (я имею в виду оставшихся семерых пилотов эскадрильи), что на рассвете мы должны подняться в воздух и перебраться на секретное летное поле, расположенное в пятидесяти километрах по побережью. Если мы еще на день задержимся в Элевсине, нас вместе с самолетами сотрут с лица земли. Мы сгрудились вокруг стола в столовой, и при свете парафиновой лампы кто-то, по-моему, начальник строевого отдела эскадрильи, пытался объяснить нам, где находится это секретное поле.

— Прямо на берегу, — говорил он, — возле деревушки, которая называется Мегара. Вы его сразу увидите. Другого такого плоского куска земли нет во всей округе.

— Мы теперь будем летать оттуда? — спросил кто-то.

— Бог его знает, — пожал плечами начальник.

— Но что нам делать после приземления? — допытывались мы. — Там еще кто-нибудь будет?

— Вам нужно уносить отсюда ноги и лететь туда, — сказал этот усталый человек в изнеможении.

— Какой в этом смысл? — сказал кто-то. — Пока что у нас есть семь «Харрикейнов» в хорошем состоянии, но если мы останемся в этой безумной стране, то не протянем и двух дней — нас достанут или на земле, или

в воздухе. Так, может, лучше перегнать их завтра на Крит и сохранить до лучших времен? Мы бы туда добрались часа за полтора. А с Крита можно перегнать их в Египет. Уверен, для семи «Харрикейнов» в Западной пустыне работа найдется.

— Делайте, что вам говорят, — сказал начальник. — Наша задача — уберечь эти семь самолетов, чтобы было чем прикрывать нашу армию с воздуха, когда ее начнут эвакуировать с берега корабли военно-морского флота.

— семью машинами! — сказал молодой летчик. — И летать с крошечного поля у самого берега без механиков и заправщиков и даже без топливных платформ! Смех да и только!

Начальник взглянул на юного пилота и сказал:

— Не я это выдумал. Я просто передаю распоряжения.

— Кто-нибудь будет в этой Мегаре, когда мы явимся туда завтра на рассвете? — поинтересовался Дэвид Кук.

— Не думаю, — ответил начальник.

— И что мы должны там делать? Сидеть на травке?

— Послушайте, — вздохнул бедняга начальник, — если бы я знал больше, я бы вам сказал. — Ему было около сорока, доброволец, слишком старый, чтобы летать, а до войны он торговал сельскохозяйственным инвентарем. Он был хороший человек, но пребывал в таком же неведении, что и мы. — Завтра они сюда явятся и разнесут все в клочья, — продолжал он. — Ночью мы все, в том числе и наземный персонал, уедем отсюда. Утром здесь уже никого не останется. Так что улетайте на рассвете. Не задерживайтесь.

— А вы куда? — спросил у него кто-то. — Вместе с нами на секретное летное поле?

— Нет, — ответил он. — Мы отправляемся дальше вдоль побережья. Я и сам не знаю куда точно.

— Еще одно засекреченное летное поле?

— Наверное, — сказал начальник.

— Тогда почему мы не летим сразу туда? — спросил кто-то. — Какой смысл нам тащиться в эту заброшенную Мегару?

— Да не знаю я! — вышел из себя начальник.

— Где командир? — спросил кто-то.

— Хватит! — крикнул начальник. — Быстро всем спать!

У одного из нас был будильник, и наутро он разбудил всех в 4.30.

Когда я вышел из палатки, перед моими глазами в бледном полумраке рассвета предстал безмолвный опустевший Элевсинский аэродром. Все палатки, кроме тех, в которых жили летчики, были убраны. Остались только проржавевший железный ангар, штабная хижина и несколько деревянных домиков. Всемером мы сбились в кучку, потирая руки, потому что утренний воздух был прохладен.

— Выпить бы чего-нибудь горячего, — сказал кто-то. Нигде ничего не нашлось.

— Пора, — сказал Дэвид Кук.

Около пяти часов утра мы шагали по опустевшему безмолвному летному полю к нашим самолетам. Думаю, все мы в то мгновение чувствовали себя очень одиноко. Пилот никогда не садится в самолет в одиночестве. Рядом всегда стоит техник или механик, чтобы убрать клинья из-под колес шасси после того, как ты завел двигатель. А если мотор не заводится или аккумуляторы сели, кто-нибудь притащит тележку с зарядным устройством и подключит ее к твоим аккумуляторным батареям, чтобы подзарядить их. А теперь поблизости никого. Ни души. Из-за гор появился краешек солнца, и искорки солнечного света поблескивали в капельках росы на траве.

Я влез в свой «Харрикейн» и застегнул все стропы. Включил зажигание, установил регулятор топливной смеси в положение «полный» и нажал кнопку стартера. Винт пропеллера медленно завращался, и большой двигатель «Мерлин», пару раз кашлянув, завелся. Я огляделся по сторонам: как там остальные шесть? Все они сумели завестись и теперь катили к взлетной полосе.

Все вместе мы поднялись на высоту около 300 метров над аэродромом и полетели вдоль берега, высматривая наше секретное летное поле. Вскоре мы уже кружили над деревушкой Мегара и заметили зеленое поле возле деревни, а на нем человека на древнем паровом

катке, который раскатывал нечто вроде посадочной полосы на поле. Увидев нас, он отъехал в сторону. Мы сели и затряслись по ухабам, вырulingая к оливковой роще. Оливковая роща — не самое удачное укрытие для самолетов, поэтому мы наломали веток и набросали их на крылья в надежде, что так они менее заметны сверху. Но я считал, что первый же немец, который пролетит мимо, сразу нас увидит, и тогда нам крышка.

Был шестой час утра. На поле ни души, кроме человека на паровом катке. Мы гадали, что делать дальше. Если наши самолеты собираются бомбить, то лучше держаться от них подальше и наблюдать за ними со стороны. Между нами и морем высился горный хребет высотой метров пятьдесят, и мы решили, что там можно устроить неплохой наблюдательный пункт. Мы влезли на вершину горы, уселись на больших гладких белых бульжниках и закурили. Прямо под горой росла оливковая рощица, в которой стояли прикрытые ветками, но все же заметные с высоты «Харрикейны». С другой стороны расстилался голубой Афинский залив, так близко, что я мог добросить камешек до воды.

Метрах в пятистах от берега стоял на якоре большой нефтеналивной танкер.

— Не хотелось бы мне оказаться на этом танкере, — сказал кто-то.

— Почему этот идиот не смоеся отсюда? Разве он не знает, что немцы уже рядом? — сказал кто-то еще.

Несмотря ни на что, было очень приятно сидеть этим ранним ярко-голубым греческим утром в апреле на вершине горы. Мы были молоды и бесстрашны. Нас не пугала мысль о том, что нас всего семеро с семьей «Харрикейнами» на голом поле, а километрах в ста к северу нас ищет половина всех немецких ВВС. С того места, где мы сидели, открывался прекрасный вид на Афинский залив, сине-зеленое море и сумасшедший нефтяной танкер.

Наступило время завтрака, но завтрака не было. Потом мы услышали рев самолетных моторов, и над Мегарой пронеслось штук тридцать 109-х. Они держали курс

на Элевсин, туда, откуда мы улетели на рассвете. Как раз вовремя.

Несколько минут спустя прямо над нашими головами на высоте около 900 метров пролетела кучка пикирующих бомбардировщиков «Стука», они летели прямо на танкер, а вокруг них словно саранча вились истребители прикрытия.

— Ложись! — закричал кто-то. — Прячемся под скалы, и тишина! Нельзя, чтобы они нас засекали!

Но они же, думал я, наверняка увидят наши самолеты в оливковой роще. Мы их даже не спрятали как следует.

«Стуки» летели цепочкой друг за другом, и когда ведущий оказался прямо над танкером, он опустил нос и вошел в ревущее отвесное пикирование. Мы лежали среди булыжников на гребне скалистого кряжа и следили за первой «Стукой». Он шел все быстрее и быстрее, и нам было слышно, как рев двигателя переходит в визг по мере того, как самолет совершенно вертикально пикирует вниз. Создавалось ощущение, что пилот собирается влететь прямо в трубу корабля, но он рванулся из пикирования точно вовремя, и я увидел, как из брюха самолета выползла бомба. Это была большая черная глыба металла, она медленно падала вниз прямо на носовую палубу танкера. «Стука» ушла в сторону и скользила над морем, и когда бомба взорвалась, весь корабль подбросило вверх метра на три, а на него уже с визгом заходила вторая «Стука», следом третья, четвертая и пятая.

На танкер пикировали только пять «Стук». Остальные зависли наверху и наблюдали, потому что все судно уже было охвачено пламенем. Мы лежали совсем рядом, в каких-то пятистах метрах, и когда резервуары разорвались, нефть растеклась по поверхности воды, и океан превратился в огненное озеро. Мы видели, как человек шесть из команды взбирались на реи, прыгали за борт и горели заживо, мы слышали их предсмертные крики.

Высоко над нами те «Стуки», которые только наблюдали, развернулись и направились восвояси вместе с истребителями. Вскоре они исчезли из вида, и до нас

доносилось лишь шипение воды, соприкасающейся с огнем вокруг поверженного танкера.

В то время нам доводилось видеть множество бомбежек, но мы никогда не видели, чтобы люди прыгали в пылающее море и горели заживо. Всех нас потрясло это зрелище.

— Здесь что, ни у кого мозгов нет? — сказал кто-то. — Почему греки не сказали капитану, чтобы он уносил отсюда ноги?

— А почему никто не сказал нам, что делать дальше? — произнес другой голос.

— А серьезно, — сказал я, — почему бы нам всем не подняться и не полететь на Крит? Баки у нас полные.

— Отличная идея, — сказал Дэвид Кук. — Потом дозаправимся и полетим в Египет. Вряд ли у них в пустыне есть хоть один «Харрикейн». Эти семеро были бы на вес золота.

— Знаете, что я думаю, — сказал молодой человек по имени Даудинг. — Я думаю, что кое-кому очень хочется впоследствии сказать, что отважные Королевские ВВС в Греции доблестно сражались до последнего пилота и последнего самолета.

Я подумал, что, возможно, Даудинг прав. Либо так, либо нашим командирам не хватает ума и опыта, и они просто не знают, что с нами делать. Я все время вспоминал слова капрала, которые он сказал всего неделю назад, когда я только прилетел в Грецию. «Такой новенький самолетик, — говорил он. — Кто-то вложил в него немало труда. А теперь эти мерзавцы, что просиживают штаны в конторах в Каире, послали его сюда, где он и двух минут не протянет». Он продержался дольше, но, судя по всему, ненадолго.

Мы сидели на нашем скалистом краже у глубокого синего моря и время от времени бросали взгляды на пылающий танкер. Никто не выбрался оттуда живым, но в воде плавали обуглившиеся трупы. Течение или прилив медленно прибывали трупы к берегу. Их было девять, и к одиннадцати утра они качались всего метрах в пятидесяти от скал.

Около полудня на наше летное поле медленно въехал большой черный автомобиль. Нас всех вдруг охватила тревога. Машина медленно ползла по полю, словно выскивая что-то, потом развернулась и направилась к оливковой роще, где стояли наши самолеты. Мы разглядели водителя и темную фигуру на заднем сиденье, но не видели, кто это и в какой форме.

— Чего доброго, немцы с пулеметом, — сказал кто-то. До нас вдруг дошло, что мы совершенно безоружны. Ни у кого из нас не было даже пистолета.

— Какой марки машина? — спросил Дэвид.

Никто не мог определить марку. Кому-то показалось, что это «Мерседес-Бенц». Все глаза следили за большим черным автомобилем.

Он остановился рядом с оливковой рощей. Мы тесно прижались друг к другу на нашей горе и застыли в тревожном ожидании. Открылась задняя дверца, и из машины вышла внушительная фигура в форме ВВС Великобритании. Мы находились недалеко, поэтому хорошо его рассмотрели. Это был крупный человек с выцветшими рыжими усами.

— Господи, да это же командор авиации! — воскликнул Даудинг и не ошибся.

Этот человек, штаб-квартира которого располагалась в Афинах, был и, разумеется, все еще оставался командующим всеми Королевскими ВВС в Греции. Всего несколько недель назад он командовал тремя эскадрильями истребителей и несколькими эскадрильями бомбардировщиков, но теперь у него остались только мы. Меня удивило, как ему удалось нас отыскать.

— Где вы, черт побери? — закричал командор.

— Мы здесь, сэр, наверху! — отозвались мы.

Он поднял голову и увидел нас.

— Быстро спускайтесь! — крикнул он.

Мы сползли вниз и побрели к нему. Он стоял возле автомобиля, ощупывая нас колючим взглядом своих бледно-голубых глаз. Потом достал из машины толстый пакет размером со среднюю Библию, обернутый белой бумагой и опечатанный красным сургучом. Пакет был гибким на вид и немного гнулся в его руках.

— Этот пакет, — сказал он, — нужно немедленно доставить обратно в Элевсин. Это крайне важно. Его нельзя потерять и нельзя допустить, чтобы он попал в руки врага. Мне нужен доброволец, который сейчас же доставит пакет.

Никто не вышел вперед, но не потому, что мы боялись вернуться в Элевсин. Мы уже ничего не боялись. Просто нам надоело исполнять дурацкие приказы.

— Я отвезу, — наконец сказал я.

Я вечный доброволец. На все соглашаюсь.

— Молодец, — сказал командор воздушного флота. — Вас там будут ждать. Его зовут Картер. Прежде чем отдать пакет, спросите у него имя. Ясно?

Кто-то сказал:

— Они только что снова бомбили Элевсин, сэр. Мы видели, как они туда направлялись. Сто девятое. Целая туча.

— Знаю, — отрезал командор. — Это не имеет значения. — Итак, вы, — сказал он, уставившись на меня пронзительными светло-голубыми глазами, — доставите пакет Картеру. Не подведите меня.

— Так точно, сэр, — сказал я.

— Кроме Картера там никого не будет, — пояснил командор. — Если, конечно, немцы уже не заняли аэродром. Если увидите немецкие самолеты на аэродроме, ради Бога, не вздумайте садиться. Сразу же улетайте.

— Есть, сэр, — сказал я. — Куда?

— Снова сюда. Возвращайтесь прямо сюда. Как вас зовут?

— Лейтенант авиации Даль, сэр.

— Очень хорошо, Даль, — сказал он, покачивая пакет на ладони. — Ни при каких обстоятельствах он не должен попасть в руки врага. Берегите его, как зеницу ока. Я понятно излагаю?

— Так точно, сэр, — сказал я, ощущая собственную важность.

— Все время летите на очень малой высоте, — сказал командор, — тогда вас не засекут. Быстро садитесь, находите Картера, отдаете ему пакет и убираетесь к чертовой матери.

Он вручил мне пакет. Мне очень хотелось знать, что в нем, но я не посмел спросить.

— Если вас по пути собьют, сожгите пакет, — приказал командор. — Надеюсь, у вас есть спички?

Я молча смотрел на него. Если такой гений руководил нашими операциями, неудивительно, что мы оказались в жопе.

— Сожгу, — сказал я. — Все понятно, сэр.

— Мне кажется, если его собьют, пакет сгорит вместе с ним, — вставил старина Дэвид Кук.

— Вот именно, — сказал командор. — Когда вернетесь сюда, не садитесь. Просто кружите над полем. — Он повернулся к остальным: — Вы сидите в кабинах и, как только увидите его, вырубайте на взлетную полосу и взлетайте. Вы, — сказал он, показав на меня пальцем, — присоединитесь к ним, и все вместе летите в Аргос.

— Где это, сэр?

— Еще километров восемьдесят вдоль побережья, — ответил командор. — По картам посмотрите.

— Что будет в Аргосе, сэр?

— В Аргосе, — сказал командор, — все готово к вашему прилету. Наземный персонал вашей эскадрильи уже там. И ваш командир тоже.

— В Аргосе есть аэродром, сэр? — спросил кто-то.

— Посадочная полоса, — сказал командор. — Примерно в полутора километрах от моря. Наш флот стоит в открытом море и ждет команды забирать войска. Вашей задачей будет обеспечить воздушное прикрытие военно-морскому флоту.

— Нас только семеро, сэр, — сказал кто-то.

— Вы будете выполнять жизненно важное задание, — провозгласил командор, ощетинив усы. — Вы будете защищать половину Средиземноморского флота.

Помоги им, Господи, подумал я.

Командор воздушного флота ткнул пальцем в меня.

— Шевелитесь! Доставите пакет и сразу назад! Одна нога здесь, другая там!

— Есть, сэр, — сказал я.

Подойдя к своему «Харрикейну», я взобрался в кабину и пристегнулся. Таинственный пакет положил на

колени. На полу кабины под ногами у меня была бумажная сумка с вещами и борт журналом. Фотоаппарат, я четко запомнил, висел на ремне у меня на шее. Я вырлился на взлет и оторвался от земли. Летел я очень низко и быстро и за восемь минут долетел до Элевсинского аэродрома. Сделал один круг над полем, высматривая немцев на их самолетах. Поле казалось совершенно пустынным. Бросив взгляд на ветровой конус, я развернулся и сел против ветра.

Не успел я остановиться, как до меня откуда-то издали донесся вой сирен воздушной тревоги. Я выскочил из самолета со своим драгоценным пакетом и залег в канаву, идущую по периметру поля. Огромная стая пикирующих бомбардировщиков «Стука» в сопровождении истребителей пролетела над моей головой, направляясь в сторону Пирея. В Пирее они стали бомбить корабли.

Я вернулся в кабину и подкатил на своем «Харрикейне» к штабной хижине. Маленькие домики были испещрены пулями, все окна разбиты. Несколько хижин еще тлели.

Я вышел из самолета и подошел к обгоревшим домикам. Вокруг не было ни души. Весь аэродром пуст. Издали, из гавани Пирея, до меня доносились звуки воздушного боя: «Стуки» пикировали на суда, и мне было слышно, как рвутся бомбы.

— Есть здесь кто-нибудь? — крикнул я.

Мне стало очень одиноко. Словно единственный человек на луне. Я стоял между штабным и соседним домиком. Из разбитых окон тянулся серо-голубой дымок. Злополучный пакет я крепко сжимал в правой руке.

— Эй! — позвал я. — Есть кто живой?

Снова тишина. Потом за одной из хижин замаячила какая-то фигура. Это оказался невысокий средних лет мужчина в светло-сером костюме и мягкой фетровой шляпе. Он выглядел нелепо в своем безукоризненном наряде среди разрухи и запустения.

— Думаю, этот пакет для меня, — сказал он.

— Как вас зовут? — спросил я.

— Картер, — ответил он.

— Держите, — сказал я. — Кстати, что там внутри?

— Спасибо, что привезли, — улыбнулся он.

Мистер Картер понравился мне с первого взгляда. Я прекрасно понимал, что он собирается остаться здесь, когда немцы оккупируют Грецию. Уйдет в подполье. А потом его, вероятно, поймают, будут пытаться и убьют выстрелом в голову.

— С вами все будет хорошо? — спросил я. Мне пришлось повысить голос, чтобы перекрыть грохот бомб, рвавшихся в гавани Пирея.

Он пожал мне руку.

— Прошу вас, улетайте немедленно, — сказал он. — Ваш самолет бросается в глаза.

Я вернулся в «Харрикейн» и завел двигатель. Из кабины оглянулся на мистера Картера. Я хотел помахать ему на прощанье, но он исчез. Я открыл задвижку дросселя и взлетел прямо с места.

Я быстро летел на малой высоте в Мегару, где остальные шестеро ждали меня на летном поле с работающими двигателями. Заметив меня, они друг за другом поднялись в воздух, и неровным строем мы полетели на поиски Аргоса.

Командор воздушного флота говорил, что это посадочная полоса. На самом деле она оказалась самой узкой, самой неровной, самой короткой полоской травы, на которую нам когда-либо приходилось садить самолет. Но деваться было некуда, и мы приземлились.

Время близилось к полудню. Вокруг посадочной полосы в Аргосе росли вездесущие оливковые деревья, и среди деревьев мы заметили множество палаток. Палатки всегда видно с воздуха, даже если они прячутся среди оливковых деревьев. О Господи, подумал я. Сколько времени им потребуется, чтобы найти нас? Несколько часов, не больше. Нельзя было ставить эти палатки. Наземный персонал мог бы поспать под деревьями. И мы тоже. Наш командир жил в отдельной палатке, и мы нашли его там сидящим за столом.

— А вот и мы, — сказали мы.

— Хорошо, — сказал он. — Вечером выйдете в дозор над флотом.

Мы стояли и смотрели на майора, сидевшего за столом, на котором не было ни одной бумажки.

Здесь что-то не так, сказал я себе. Немцы ни за что на свете не позволят нам устроить здесь аэродром для наших семи самолетов. Наши командиры явно рассчитывали на худшее, потому что среди оливковых деревьев были выкопаны глубокие щели-убежища. Но самолет в них не спрячешь, и палатки прятать тоже некуда, особенно палатки ослепительно белого цвета.

— Как вы думаете, сэр, скоро нас обнаружат? — помню, спросил я.

Майор провел рукой по глазам, потер их костяшками пальцев.

— Кто знает, — наконец сказал он.

— До завтра нас сотрут с лица земли, — осмелев, сказал я.

— Мы не можем сбежать и бросить армию без прикрытия с воздуха, — сказал командир эскадрильи. — Мы должны сделать все, что в наших силах.

Мы вывалились из командирской палатки в паршивом настроении.

КРАХ В АРГОСЕ

Выйдя из палатки майора, мы с Дэвидом пошли прогуляться по лагерю. На самом деле мы искали что-нибудь поесть. Мы были на ногах с половины пятого утра, а сейчас было уже почти два часа дня. Никто ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера. Мы валились с ног от голода и жажды.

В оливковой роще стояло палаток двадцать пять, но мы с Дэвидом быстро обнаружили столовую. Местные греки очень скоро сообразили, в чем дело, и теперь стекались к лагерю, волоча за собой маслины и вино в огромных количествах. Мы с Дэвидом купили ведро сочных черных маслин и две бутылки вина и уселись в тени под деревом. Мы выбрали место прямо между нашими «Харрикейнами», так что они все время находились у нас под присмотром. Греки толпами слонялись по лагерю. Должно быть, мы стали первым боевым военно-воздушным подразделением в истории, открытым для всеобщего обозрения.

Итак, чудесным теплым апрельским днем мы вдвоем сидели в тени оливкового дерева, ели сочные маслины и пили вино из бутылок. С нашего места открывалась широкая панорама Аргосского залива, но там не было никаких признаков ни эвакуационного флота, ни ВМС Великобритании. В бухте лишь стояло на якоре большое грузовое судно, и из носового трюма поднималось облако серого дыма. Нам сказали, что это еще один артиллерийский корабль, доверху загруженный боеприпасами, и что немцы уже бомбили его сегодня утром. Из-под палубы теперь выбивалось пламя, и все ожидали страшного взрыва.

— Ну, вот мы и здесь, — сказал Дэвид, — сидим на солнышке, потягиваем винишко, а вокруг творится черт знает что.

— Немцы отлично знают, что в Греции осталось семь «Харрикейнов». Они нас найдут и сотрут с лица земли. Тогда все небо Греции будет принадлежать им.

— Точно, — сказал Дэвид. — И найдут они нас очень скоро.

— И тогда наш лагерь превратится в пекло, — сказал я.

— Я залягу в ближайшем окопе, — сказал Дэвид.

Мы жевали вкусные горьковатые маслины, выплевывали косточки, потягивали вино из бутылок и испытывали странное умиротворение. Я не сводил глаз с артиллерийского корабля и ждал, когда он взорвется.

— Что-то не видно никаких солдат, сажащихся на корабли, — заметил Дэвид. — Кого мы собираемся охранять сегодня вечером?

— А если серьезно, — сказал я, — как ты думаешь, мы выберемся отсюда живыми?

— Нет, — покачал головой Дэвид. — Думаю, в течение двадцати четырех часов мы все погибнем. Либо нас собьют в небе, либо достанут прямо на земле. У них хватит самолетов, чтобы полностью нас уничтожить.

В половине пятого вечера мы все еще сидели на том же месте, когда сверху вдруг послышался рокот и одиночный «Мессершмит-110» на низкой высоте пронесся над нашим лагерем.

«Сто десятый», как мы его называли, представлял собой скоростной двухмоторный истребитель с экипажем из двух человек и с более широким радиусом действия, чем одномоторный «сто девятый».

Мы вскочили на ноги, чтобы увидеть, как он разворачивается над водами залива и возвращается, держа курс прямо на нас и по-прежнему летя на очень малой высоте. Он демонстрировал полнейшее презрение к нашей противоздушной обороне, потому что знал, что у нас ее просто нет, и, когда он пронесся над нами во второй раз, мы разглядели летчика и заднего стрелка, которые, откинув крышу кабины, в упор смотрели на нас.

Пилот истребителя никак не рассчитывает встретиться лицом к лицу с вражеским летчиком. Для него враг — это самолет. Но сейчас я видел обычных людей. От бли-

зости этих двух немцев у меня по спине побежали мурашки. Я видел, как их бледные лица в обрамлении черных шлемов поворачиваются ко мне, очки подняты высоко на лоб, и на какую-то тысячную долю секунды мне показалось, что наши с пилотом взгляды встретились.

Пилот совершил три мастерских виража над нашим лагерем и улетел на север.

— Все! — сказал Дэвид Кук. — Засекли!

Люди по всему лагерю сбивались в кучки и обсуждали последствия появления 110-го. Недолго немцы нас искали.

Мы с Дэвидом точно знали, что произойдет дальше.

— Можно прикинуть, — сказал я. — Чтобы вернуться на базу и доложить о нашем местонахождении, ему потребуется примерно полчаса. Еще полчаса уйдет на подготовку к вылету всей эскадрильи. И еще через полчаса они будут здесь и вышибут нам мозги. Значит, эскадрилья сто десятых начнет бомбить нас через полтора часа, то есть в шесть вечера.

— Мы могли бы сами атаковать их, — сказал Дэвид. — Если мы всемером заранее поднимемся в воздух, то сможем напасть на них сверху.

К нам подошел начальник строевого отдела.

— Приказ командира, — сказал он. — Сегодня вечером вы все барражируете над кораблями военно-морского флота, и как можно дольше. Взлет ровно в шесть вечера!

— В шесть часов! — воскликнул Дэвид. — Но ведь они явятся именно в это время!

— Кто явится? — не понял строевик.

— Эскадрилья сто десятых, — сказал Дэвид. — Мы все вычислили. Они прилетят бомбить нас на земле в шесть вечера.

— Похоже, вы располагаете лучшей информацией, чем ваш командир, — сказал строевик.

Мы попытались объяснить ему, что, по нашему мнению, должно произойти, но все было напрасно.

— Выполняйте приказ, — сказал строевик. — Наша задача — прикрывать корабли, эвакуирующие армию.

— Какие корабли? — сказал Дэвид. — Какую армию?

Я был всего лишь лейтенантом, но пропади все пропадом, если я это так оставлю.

— Послушайте, — сказал я, — не могли бы вы получить для нас разрешение взлететь не в шесть, а, скажем, в половине шестого или хотя бы без четверти? Нам бы это очень помогло.

— Попробую, — сказал строевик и ушел. Неплохой он был малый, все-таки.

Вернулся он через пять минут и помотал головой.

— По-прежнему ровно шесть, — сказал он.

— Где все эти корабли, которые мы должны прикрывать? — спросил я.

— Между нами, — сказал строевик, — похоже, они и сами не знают. Придется вам полетать над морем и поискать их.

Когда он ушел, я сказал:

— Вот что я сделаю. В пять пятьдесят пять я буду сидеть в своей кабине на самом конце взлетной полосы с работающим двигателем и ждать сигнала. Потом пулей сорвусь с места.

— А я сразу за тобой, — сказал Дэвид. — Думаю, если нам повезет, мы уберемся еще до их появления.

Без пяти шесть я сидел наготове в своем «Харрикейне» с работающим двигателем в самом конце взлетной полосы. Дэвид сидел рядом, готовый тут же последовать за мной. Штабной офицер стоял на земле неподалеку, поглядывая на свои наручные часы. Пятеро других летчиков тоже уже выводили свои самолеты из-под оливковых деревьев.

Ровно в шесть штабной офицер поднял руку, и я открыл задвижку дросселя. Через десять секунд я уже был в воздухе и направлялся к морю. Оглянувшись, я заметил Дэвида, который летел неподалеку от меня. Он догнал меня и пристроился с правого борта, едва не задевая мне крыло. Через минуту я посмотрел назад, рассчитывая увидеть за нами остальные пять «Харрикейнов». Их не было. Дэвид тоже оглядывался. Потом он посмотрел в мою сторону и покачал головой. Разговаривать друг с другом мы не могли, потому что наши радиостанции не работали. Но надо было выполнять

приказ, так что мы продолжали полет над морем. Обогнули дымящийся артиллерийский корабль на случай, если он вдруг взорвется прямо под нами, и полетели дальше на поиски военных кораблей.

Мы летали над морем больше часа, но за все это время не увидели ни одного корабля. Позже мы узнали, что главная эвакуация осуществлялась с берегов Каламата, на много километров к западу от Аргоса, и Ю-88 и «Стуки» беспрестанно их бомбили. Но нам никто ничего не сказал. Мы возвращались назад, и, подлетая к Аргосскому заливу, я вдруг кое-что заметил. Это был самолет, маленький двухмоторный самолет, который летел по направлению к Аргосу, прижимаясь к прибрежным горам.

Ага! — подумал я. Немецкий разведчик. Решил провести рекогносцировку местности. Немец, кто же еще? Кроме немецких, других самолетов в Греции не было, не считая наших «Харрикейнов», а это был никакой не «Харрикейн». Сейчас он у меня получит, сказал я себе, снял гашетку с предохранителя и включил обзорное поле прицела. Потом открыл дроссель и спикировал прямо на двухмоторный самолетик.

В следующее мгновение я увидел «Харрикейн» Дэвида, несущийся рядом в опасной близости от меня. Он отчаянно раскачивал крыльями, махал мне рукой из кабины и мотал головой из стороны в сторону. И все время показывал на самолет, который я собирался атаковать.

Я опять поглядел на этот самолетик. О Боже мой, на фюзеляже — эмблема Королевских ВВС! Еще пять секунд — и я бы по нему выстрелил. Но что делает маленький гражданский безоружный самолетик в зоне боевых действий? Теперь я видел, что это «Хэвиленд Рэпид», двенадцатиместный пассажирский самолет. Мы оставили его и направились к нашему летному полю.

До него еще оставалось несколько километров, когда мы увидели дым. Кое-где черный, кое-где серый, он плотным покрывалом лежал на нашем летном поле и оливковой роще. Я с ужасом представил, что мы увидим после приземления, если, разумеется, еще сможем приземлиться в таком дыму.

Мы описывали круг за кругом над дымовой завесой в надежде, что она рассеется. Но ветра совсем не было. Хорошо еще, что удалось разглядеть большой камень, который, как я помнил, обозначал начало посадочной полосы, но все остальное было окутано дымом. Стрелка моего указателя уровня топлива в баках была на нуле, так что теперь или никогда. То же самое было у Дэвида. Он пошел на посадку первым, и я потерял его из вида из-за густого дыма. Выждав шестьдесят секунд, я пошел следом. Нешуточное дело — сажать «Харрикейн» на такую узенькую полоску травы в густом дыму, но, ориентируясь на большой камень, я все-таки сел более или менее куда нужно. Потом, когда самолет бежал по земле со скоростью сто тридцать километров, потом сто десять, потом девяносто пять, я закрыл глаза и молил Бога, чтобы не врезаться в Дэвида или в какую-нибудь преграду на пути.

Не врезался. Я остановился и сразу же вылез из самолета.

— Дэвид! — позвал я. — Ты как?

Я ничего не видел в пяти метрах перед собой.

— Я здесь! — отозвался он. — Сейчас вылезу!

Вместе мы на ощупь добрались до лагеря. Здесь царил некоторый беспорядок, но, к нашему изумлению, земля вовсе не была завалена окровавленными трупами. Даже раненых оказалось на удивление мало.

А произошло вот что. Я взлетел ровно в шесть. Дэвид последовал за мной в одну минуту седьмого. Еще трое успели оторваться от земли, то есть всего в воздух поднялось пять самолетов. Но когда шестой набирал скорость для взлета, из-за оливковых деревьев выскочила свора «Мессершмитов». Во взлетавшего летчика попала пуля, и он погиб. Седьмой выскочил из своего «Харрикейна» и нырнул в щель. Его примеру последовал весь лагерь. Там они все и сидели, согнувшись в три погибели, пока «Мессершмиты» кружили над лагерем и методично расстреливали все, что попадалось на глаза, — самолеты, палатки, бензовоз, склад боеприпасов, ведра с маслинами и бутылки с вином.

Все это случилось более сорока лет тому назад, но даже по прошествии времени я почти уверен, что нас семерых следовало отправить в полет задолго до шести с заданием не патрулировать несуществующие военные эвакуационные корабли, а охранять наше родное летное поле. И произошло бы грандиозное сражение. Скорее всего, мы потеряли бы больше самолетов, но мы бы наверняка подготовились и напали на них со стороны солнца, кроме того, у нас было бы серьезное преимущество в высоте. Возможно, мы даже многих бы сбили. С другой стороны, легко критиковать командиров задним числом, такие игры любят все младшие чины. Не следует этим увлекаться.

Мы с Дэвидом на ощупь брели по задымленному лагерю. Кто-то, кажется, строевик, кричал:

— Все пилоты сюда! Быстро! Быстро!

Мы пошли на голос и нашли строевика, вокруг него собралась пилоты, появившиеся здесь Бог знает откуда. Стояли шестеро наших — все, что осталось от нашей эскадрильи, — но кроме них я увидел еще, наверное, десять незнакомых лиц. Сквозь дым пробирался открытый грузовичок. Он остановился возле нас, а потом строевик зачитал имена самых старших пилотов среди всех нас. Ни Дэвида, ни меня в этом перечне, ясное дело, не было.

— Вы пятеро, — приказал строевик, — немедленно вылетаете на Крит на оставшихся «Харрикейнах». Все прочие пилоты, и только пилоты, садятся в этот грузовик. На поле стоит небольшой самолет, на котором вы все вместе покинете страну. Ничего с собой не брать, кроме бортжурналов.

Мы разбежались по палаткам за своими бортжурналами. Я поискал свой драгоценный фотоаппарат. Его нигде не было. Скорее всего, его стащил один из многочисленных греков, шатавшихся по лагерю. Кто бы он ни был, я его не винил. Теперь он сможет продать хороший цейсовский фотоаппарат немцам, когда они придут. Но я нашел две отснятые пленки и сунул их в карман брюк. Схватив бортжурнал, я выбежал из палатки и вместе с другими пилотами залез в грузовик.

Потом мы выехали из лагеря и по разбитой грязной колее докатили до небольшого поля. На нем стоял маленький «Хэвиленд Рапид», тот самый, который я чуть не сбил тридцать минут назад. Мы сели в самолет. Теперь мне стало понятно, почему строевик приказал взять с собой только боржурналы. Поле в длину и двухсот метров не достигало, и, когда пилот открыл дроссельные задвижки и пошел на взлет, мы все были уверены: у него ничего не выйдет. Каждый лишний килограмм груза в салоне самолета усложнял его задачу. Мы подскочили у каменной стены в конце поля и затаили дыхание, пока самолет пошатывался в воздухе. Получилось. Все приветствовали пилота радостными криками.

Я сидел у окна, Дэвид — рядом со мной. Всего двадцать минут назад мы были среди дымящихся оливковых деревьев и догорающих палаток. А теперь летели на высоте 300 метров над Средиземным морем по направлению к Северо-Африканскому побережью. Садилось солнце, и море под нами из светло-зеленого становилось темно-синим.

— Садиться придется ночью, — сказал я.

— Такому пилоту это раз плюнуть, — отмахнулся Дэвид. — Раз уж он ухитрился взлететь с крошечного поля, да еще с такой толпой на борту, значит, он все может.

Мы приземлились через два часа на освещенном лунным светом клочке песка, который назывался Мартин Багуш. Это в Ливии, в Западной пустыне. В темноте мы нашли грузовик, который возвращался в Александрию, и все летчики забрались в его кузов. В Александрию мы въехали на рассвете, грязные, небритые, не имея при себе ничего, кроме боржурналов. Ни у кого не было египетских денег.

Я повел всех девятиерых молодых пилотов по александрийским улицам к великолепному особняку майора Бобби Пила и его жены, той самой богатой английской пары, которая приютила меня после госпиталя несколько недель назад. Я позвонил. Дверь открыл дворецкий-суданец. Он встревоженно уставился на толпу взъерошенных молодых людей, собравшихся у парадного входа.

— Привет, Салех, — поздоровался я. — Майор и миссис Пил дома?

Он продолжал удивленно смотреть на нас.

— О, сэр! — наконец воскликнул он. — Это вы! Да, сэр, майор и госпожа Пил сейчас завтракают.

Я вошел в дом и окликнул своих друзей из столовой. Пилы были замечательными людьми. Они предоставили в наше распоряжение весь дом. На всех четырех этажах были ваннные комнаты, и мы сразу ринулись туда. Откуда ни возьмись появились бритвы, мыло для бритья и полотенца. Все мы выкупались, побрились, затем уселись вокруг огромного обеденного стола и за роскошным завтраком стали рассказывать Пилам о Греции.

— Вряд ли кому-то еще удастся оттуда выбраться, — сказал Бобби Пил. Он был слишком стар для службы в армии, но занимал какую-то высокую должность при военном штабе. — Военные моряки стараются спасти как можно больше наших солдат, — сказал он, — но им очень трудно. У них нет никакого прикрытия с воздуха.

— Это вы нам говорите, ага, — сказал Дэвид Кук.

— Там сам черт ногу сломит, — сказал кто-то.

— Согласен, — сказал Бобби Пил. — Не надо было нам вообще лезть в эту Грецию.

*Александрия
15 мая 1941 года*

Дорогая мама!

Даже не знаю, что тебе рассказать. В Греции нам пришлось несладко. Хорошего мало, когда приходится сдерживать половину германских ВВС, имея на руках буквально горсть истребителей. Мою машину немножко подбили, но мне всегда удавалось как-то выкручиваться. Труднее всего было улучшить момент и приземлиться тогда, когда немецкие истребители не бомбят наш аэродром. Потом мы скакали с места на место, пытаясь прикрыть эвакуацию, прятали самолеты под оливковыми деревьями, забрасывали их ветками, напрасно надеясь, что враг не заметит их сверху. Во всяком случае, по-моему, хуже уже не будет...

Греческие события были лишь мелким эпизодом свирепствовавшей во всем мире войны, но для Среднего Востока они имели крайне серьезные последствия. Наши войска в Западной пустыне лишились людей и самолетов, потерянных в ходе этой провальной кампании, и в итоге численность этих войск сократилась до такой степени, что на протяжении двух следующих лет наша армия в пустыне терпела поражение за поражением, и в какой-то момент Роммель едва не занял Египет и весь Средний Восток. Только через два года армия пустыни вновь набрала силу, выиграла Аламейнское сражение и обеспечила безопасность Среднего Востока до конца войны.

Горстке летчиков, уцелевших после греческой кампании, невероятно повезло. У нас почти не было шансов остаться в живых. Те пятеро, что улетели на Крит на оставшихся «Харрикейнах», доблестно сражались на острове во время массивной воздушной атаки немцев. Знаю, что по крайней мере один из них, Билл Вейл из 80-й эскадрильи, выжил, выбрался с острова, когда его оккупировал враг, и потом продолжал сражаться, но что произошло с остальными, мне неизвестно.

ПАЛЕСТИНА И СИРИЯ

Захватив в мае 1941 года Грецию, немцы предприняли мощное вторжение с воздуха на Крит. Они взяли этот остров, а также остров Родос, и, окрыленные успехом, обратили свой взгляд на самые уязвимые территории Среднего Востока — Сирию и Ливан. Уязвимыми они считались потому, что их контролировала мощная боеспособная профашистская армия Виши.

Едва ли не все знают, сколько неприятностей доставил Британии французский флот Виши в 1942 году после падения Франции. Нашим военным морякам пришлось выводить из строя боевые французские корабли, бомбардируя их в Оране, чтобы они не достались немцам. Большинству об этом известно. Но мало кто слышал о том, какой хаос устроила армия Виши в то самое время в Сирии и Ливане. Она фанатично ненавидела Британию и поддерживала фашизм, и, если бы немцам в тот момент удалось укрепиться с их помощью в Сирии, им бы ничего не стоило оккупировать Египет. Поэтому французских вишистов надо было прогнать из Сирии, и как можно скорее.

Сирийская кампания, как она называлась, началась почти сразу же после греческой кампании, и многочисленная армия, состоявшая из британских и австралийских войск, отправилась в Палестину воевать с омерзительными пронацистскими французами. Эта маленькая война обернулась кровавой бойней, в которой были погублены тысячи жизней, и лично я никогда не прошу французских вишистов за бессмысленное кровопролитие.

Прикрывать нашу армию и флот с воздуха поручили остаткам старой доброй 80-й эскадрильи, и из Англии срочно доставили дюжину новых «Харрикейнов» взамен потерянных в Греции. Теперь я начинал понимать, по-

чему так важно было вытащить нас, пилотов, из греческой мясорубки, пусть даже без самолетов. На подготовку пилота уходит больше времени, чем на изготовление самолета. Кстати, те наши греческие «Харрикейны» принесли бы еще много пользы, но, к сожалению, их не удалось спасти.

Восьмидесятая эскадрилья должна была собраться в Хайфе на севере Палестины в последнюю неделю мая 1941 года. Каждый пилот получил приказ забрать новый «Харрикейн» в Абу-Сувейре на Суэцком канале и лететь на аэродром Хайфы. Я обратился к командованию истребительной авиации на Среднем Востоке с просьбой, чтобы мой самолет в Хайфу отогнал кто-нибудь другой, потому что мне хотелось доехать туда самому на собственной автомашине. Я стал гордым обладателем девятилетнего седана марки «Моррис-Оксфорд» 1932 года выпуска. Машина была выкрашена ядовитой коричневой краской цвета собачьих экскрементов и на прямой ровной дороге развивала максимальную скорость до шестидесяти километров в час. С некоторой неохотой командование удовлетворило мою просьбу.

Через Суэцкий канал до Исмаилии ходил паром. Обыкновенный бревенчатый плот, который на веревках перетягивали с одного берега на другой. Я въехал на этот паром на машине, и меня перетащили на Синайский берег. Но прежде чем мне позволили пуститься в длительное и одинокое путешествие через Синайскую пустыню, пришлось предъявить чиновникам канистры с запасом бензина и пресной питьевой воды. Только после этого мне разрешили ехать.

Путешествие было чудесным. Впервые в жизни я за целые сутки не видел ни одного человека. Мало кому это удается. От канала до города Беэр-Шева на границе Палестины вела одна узкая твердая дорога, пролежавшая по вязким пескам пустыни. Мне предстояло преодолеть около трехсот километров, и на всем пути не было ни деревни, ни хижины, ни шалаша, вообще никаких признаков человека. И трясясь по этой бесплодной и безжизненной пустыне, я стал гадать, сколько

же часов или суток придется мне просидеть в ожидании помощи, если вдруг моя старая машина сломается.

Выяснил я это очень скоро. Проехав пять часов подряд, мой радиатор закипел под свирепым полуденным солнцем. Я остановился, поднял капот и стал ждать, когда он остынет. Примерно через час мне удалось снять крышку радиатора и влить в него немного воды, но я понял, что ехать дальше нельзя, потому что двигатель закипит снова. Надо подождать, сказал я себе, до захода солнца.

Но опять же, я знал, что не могу ехать ночью — у меня не работают фары. Я не собирался рисковать, потому что в темноте наверняка съехал бы с твердой дороги и увяз в зыбучих песках. Я видел только один выход из создавшегося положения — дожждаться рассвета и мчаться к Беэр-Шеве, пока солнце опять не начнет поджаривать мой мотор.

В качестве неприкосновенного запаса я прихватил с собой огромный арбуз, и теперь отрезал от него кусок и, выковырнув ножом черные семечки, с удовольствием съел сочную прохладную розовую мякоть, стоя рядом с машиной на самом солнце. Спрятаться было негде — только в машине, но она напоминала раскаленную печку.

Я мечтал хотя бы о маленькой тени, но ничего не было. На мне были военные шорты, рубашка и синяя летная пилотка на голове. Я нашел тряпку, смочил ее тепловатой питьевой водой и, намотав на голову, нахлобучил сверху пилотку. Помогло. Я медленно бродил туда и обратно по раскаленной полоске дороги и с восхищением разглядывал изумительный пейзаж, окружавший меня.

Палящее солнце, бескрайнее небо и со всех сторон бледное море желтого песка — словно бы из другого мира. Вдали виднелись горы, по правую сторону от дороги, бледные, но как бы подкрашенные яркими, как оперенье тропических птиц семейства танагра, чернилами, в которые подмешали немного синевы или покрыли голубоватой эмалью, они вдруг выростали из пустыни и расплывались в знойном мареве на фоне неба.

Вокруг стояла всепоглощающая тишина. Не было слышно ни звука — ни щебета птиц, ни стрекота насекомых — и, стоя посреди величественного раскаленного неземного ландшафта, я чувствовал себя богоподобным существом, словно находился на другой планете, на Юпитере или Марсе, или в другом необитаемом месте, где никогда не вырастет зеленая трава и не расцветут красные розы.

Я вышагивал по дороге, дожидаясь, пока зайдет солнце и наступит прохладная ночь. И вдруг в песке почти у самой дороги заметил огромного скорпиона. Это была самка, иссиня-черная, сантиметров пятнадцать в длину, а на спине у нее, как пассажиры в открытом автобусе, сидели ее детишки. Я наклонился, чтобы сосчитать их. Раз, два, три, четыре, пять... всего четырнадцать! И тут она меня увидела. Уверен, за всю свою жизнь она не видела ни одного человека. Она высоко задрала хвост и растопырила клешни, приготовившись встать на защиту своего семейства. Я шагнул назад, не сводя с нее глаз. Засеменя по песку, она вскоре нырнула в дыру, оказавшуюся ее норой.

Когда солнце село, резко наступила темнота, и вместе с ней пришла благословенная прохлада. Я съел еще один ломоть арбуза, выпил немного воды и, устроившись поудобнее, заснул на заднем сиденье.

Выехал я засветло и через пару часов добрался до Беэр-Шевы. Я катил к северу через всю Палестину, миновал Иерусалим и Назарет, и к вечеру, обогнув гору Кармель, оказался в Хайфе. Аэродром располагался за городом на берегу моря, и я торжественно заехал на своей старой машине мимо охраны в ворота и поставил ее рядом с офицерской столовой — небольшой хижинкой из досок и рифленого железа.

В Хайфе было девять «Харрикейнов» и столько же летчиков, и в последующие дни у нас не было ни минуты отдыха. Нашей главной задачей было охранять военные корабли. В Хайфе стояли два больших крейсера и несколько эсминцев, изо дня в день ходивших вдоль берега к Тиру и Сидону бомбардировать войска вишистов, засевшие в горах близ реки Дамур. И стоило на-

шим кораблям выйти из гавани, как налетали немцы и начинали их бомбить.

Прилетали они с Родоса, где сосредоточилась крупная эскадра «Юнкерсов-88», и почти каждый день мы сталкивались с этими Ю-88 над нашими кораблями. Они летали на высоте 2500 метров, и мы, как правило, их поджидали. Мы пикировали на них, стреляли по их двигателям, в нас стреляли их передние и задние стрелки, и по небу металась разрывные пули, вылетающие с кораблей снизу, и когда такая пуля взрывалась рядом с тобой, то самолет подскакивал, как ужаленная лошадь.

Иногда к немцам присоединялись воздушные силы вишистов. Они летали на американских «Глен-Мартинках», французских «Девуасьенах» и «Поте-638», и несколько мы сбили, а они убили четырех из наших девяти пилотов. А потом немцы подбили эсминца «Изида», и мы весь день по очереди охраняли его, отбивая атаки Ю-88, пока флотский буксир не оттащил его назад в Хайфу.

Однажды мы отправились бомбить самолеты вишистов на аэродроме близ Райяка, и когда среди бела дня спикировали на этот аэродром, то просто остолбенели, увидев у самолетов кучку девушек в ярких ситцевых платьях с бокалами в руках. Они пили с французскими пилотами, и я увидел бутылки вина, стоявшие на крыле одного самолета. Было воскресное утро, и французы явно развлекали своих подружек, показывая им самолеты, — только французы способны пригласить девушек на прифронтовой аэродром в самом разгаре войны.

На первом круге над аэродромом никто из нас не стрелял, и было очень смешно смотреть, как девицы побросали бокалы с вином и вприпрыжку побежали на высоких каблуках к ближайшему зданию. Мы сделали второй круг, но на этот раз они нас ждали и успели подготовить свою противовоздушную оборону. Наше благородство обошлось нам повреждениями нескольких «Харрикейнов», включая мой собственный. Все же мы уничтожили пять вражеских самолетов на земле.

Однажды утром в Хайфе командир эскадрильи отозвал меня в сторону и сказал, что в пятидесяти кило-

метрах за горой Кармель подготовлена небольшая взлетно-посадочная площадка, которую мы могли бы использовать в случае, если разбомбят наш аэродром в Хайфе.

— Я хочу, чтобы вы туда слетали и осмотрелись, — сказал майор. — Садитесь, только если будете полностью уверены в безопасности, и если вы все-таки сядете, я хочу знать, что это поле из себя представляет. Предполагается, что оно станет нашим тайным укрытием, где нас не найдут Ю-88.

Я полетел, как всегда, в одиночку, и через десять минут заметил посреди большого поля сладкой кукурузы ленточку укатанной сухой земли. С одной стороны росла плантация фиговых деревьев, и среди них стояли несколько деревянных хижин. Я приземлился, остановил самолет и выключил двигатель.

Вдруг из фиговой рощицы и из хижин ко мне устремилась толпа ребятишек. Они окружили самолет, подпрыгивая от возбуждения, кричали, хохотали и показывали на него пальцами. Их собралось не меньше пятидесяти. Потом появился высокий бородатый человек, подошел к детям и велел им держаться подальше от самолета. Я вылез из кабины, а человек шагнул ко мне и протянул руку.

— Добро пожаловать в наше маленькое селение, — сказал он с сильным немецким акцентом.

Я знал немало говоривших по-английски немцев в Дар-эс-Саламе, поэтому сразу узнал этот акцент, а в то время при виде любого человека, в котором было хоть что-то немецкое, в голове начинали звонить тревожные колокольчики. Более того, по словам командира эскадрильи, место это секретное, а меня торжественно встречает комитет из пятидесяти орущих детей во главе с бородатым великаном, выглядевшим, как пророк Исайя, и говорившим, как Гитлер. Неужели я что-то перепутал?

— Не думал я, что кому-то известно это место, — сказал я бородатому.

Тот улыбнулся.

— Мы сами убрали кукурузу и помогли раскатать полюсу, — сказал он. — Это наше поле.

— Но кто вы? И кто эти дети? — спросил я.

— Мы — еврейские беженцы, — сказал он. — Все дети — сироты. Это наш дом.

У него были невероятно яркие глаза. Черный зрачок казался крупнее, чернее и ярче, чем у других людей, а радужная оболочка вокруг зрачков была пронзительно голубой.

Дети пришли в восторг при виде настоящего самолета-истребителя, они навалились на него и стали крутить руль высоты на хвосте.

— Нельзя! — закричал я. — Не трогайте самолет! Отойдите, пожалуйста! Еще сломаете что-нибудь!

Человек что-то резко сказал детям по-немецки, и они отскочили от самолета.

— Беженцы откуда? — спросил я. — И как вы сюда попали?

— Хотите чашечку кофе? — предложил он. — Пойдемте в мою хижину. — И подзвав трех мальчиков постарше, велел им охранять «Харрикейн». — Ваш самолет в надежных руках, — заверил меня он.

Я вошел следом за ним в маленькую деревянную хижину, стоящую среди фиговых деревьев. Внутри была темноволосая молодая женщина, и бородач сказал ей что-то по-немецки, но не представил меня ей. Женщина набрала в кастрюльку воды из ведра, зажгла примус и поставила воду для кофе. А мы с хозяином сели на табуреты у простого стола. На столе лежала буханка хлеба, судя по всему, домашней выпечки, и нож.

— Вы удивились, увидев нас тут, — сказал бородач.

— Да, — сказал я. — Я не ожидал здесь кого-нибудь встретить.

— Нас много по всей стране, — сказал бородач.

— Простите, — сказал я, — но я не понимаю. Кто это — мы?

— Еврейские беженцы.

Я в самом деле не понимал, о чем он говорил. Последние два года я прожил в Восточной Африке, а в те времена Британские колонии были оторваны от жизни и варились в собственном соку. Местная газета, которую мы читали за неимением ничего другого, даже не упоминала о гонениях на евреев, устроенных Гитлером в 1938 и 1939 годах. Я понятия не имел о величайших в

мировой истории массовых убийствах, которые сейчас совершались в Германии.

— Это ваша земля? — спросил я у него.

— Нет пока, — сказал он.

— Вы хотите сказать, что надеетесь купить ее?

Он поднял на меня глаза и на какое-то время замолчал. Потом сказал:

— Земля эта сейчас принадлежит одному палестинскому землевладельцу, но он нам разрешил тут жить. Еще он позволил обрабатывать некоторые поля, чтобы мы сами могли выращивать для себя еду.

— И куда вы отправитесь потом? — не унимался я. — Вы и ваши сироты?

— Никуда, — усмехнулся он в бороду. — Мы остаемся здесь.

— Значит, вы станете палестинцами, — сказал я. — Или, быть может, уже стали.

Он опять усмехнулся, наверное, посмеиваясь над простодушием моего вопроса.

— Нет, — ответил он, — не думаю, что мы станем палестинцами.

— А что же тогда вы будете делать?

— Вы — молодой человек, который летает на аэропланах, — сказал он, — и вряд ли сможете понять наши трудности.

— Какие трудности? — спросил я.

Молодая женщина поставила на стол две кружки кофе и банку сгущенного молока с двумя дырочками сверху. Бородач накапал мне немного молока из банки и размешал единственной ложкой. Потом накапал себе и отхлебнул из чашки.

— У вас есть страна, в которой вы можете жить, и она называется Англией. Следовательно, у вас нет трудностей.

— Нет трудностей! — возмутился я. — Англия сражается не на жизнь, а на смерть совсем одна практически против всей остальной Европы! Мы воюем даже с вишистами, вот почему мы сейчас в Палестине! Чего-чего, а трудностей нам хватает!

Я немного разозлился. Меня возмутило, что этот человек сидит в своей фиговой роще и заявляет, что у

меня нет трудностей, когда в меня стреляют каждый Божий день.

— У меня самого хватает трудностей, — сказал я, — к примеру, как бы остаться в живых.

— Это совсем маленькая проблема, — заявил бородач. — Наша гораздо больше.

Я онемел от изумления. Похоже, его ничуть не трогала война, в которой мы сражались. Его волновало лишь то, что он называл «своей проблемой», и я никак не мог понять, в чем же она состоит.

— Вам все равно, победим мы Гитлера или нет? — спросил я.

— Конечно, не все равно. Победа над Гитлером имеет огромное значение. Но это лишь вопрос месяцев или лет. С точки зрения истории, это очень короткая война. Кроме того, это война Англии. Не моя. Моя война идет еще со времен Христа.

— Я вас совсем не понимаю, — сказал я. Я начинал думать, что он сумасшедший. Похоже, он ведет какую-то свою войну, и она отличается от нашей.

Я до сих пор вижу ту хижину и бородастого человека с ясными пронзительными глазами, говорящего загадками.

— Нам нужна родина, — говорил он. — Нам нужна своя собственная страна. Даже у зулусов есть страна. А у нас ничего.

— Вы хотите сказать, что у евреев нет страны?

— Совершенно верно, — сказал он. — Пора и нам найти свое место.

— Господи, но каким же образом вы разбудите себе страну? — недоумевал я. — Все страны заняты. В Норвегии живут норвежцы, в Никарагуа живут никарагуанцы. И везде так.

— Посмотрим, — сказал бородач, прихлебывая кофе. Темноволосая женщина мыла посуду в тазике на другом маленьком столике, стоя к нам спиной.

— Вы могли бы поселиться в Германии, — расщедрился я. — Когда мы победим Гитлера, может быть, Англия отдаст вам Германию.

— Нам не нужна Германия, — сказал бородач.

— Какая же страна вам нужна? — спросил я, демонстрируя еще большее невежество.

— Если вы очень сильно захотите, — сказал он, — и если что-то вам очень-очень нужно, вы обязательно это получите. — Он встал и похлопал меня по спине. — Вам еще многое надо узнать, — сказал он. — Но вы — хороший мальчик. Вы сражаетесь за свободу. Как и я.

Он проводил меня из хижины и потом по рощице фиговых деревьев, усыпанной маленькими незрелыми плодами. Дети по-прежнему крутились вокруг моего «Харрикейна», глядя на него восхищенными глазами. В Каире я купил новый фотоаппарат «Цейсс» взамен пропавшего в Греции, и я остановился и наскоро сфотографировал некоторых детей возле самолета. Бородач осторожно протискивался сквозь толпу ребятни и, проходя мимо, ласково гладил их по головам и улыбался. На прощание он пожал мне руку и сказал:

— Не считайте нас неблагодарными. Вы занимаетесь благородным делом. Желаю вам удачи.

— Вам тоже, — сказал я, сел в кабину и завел двигатель.

Вернувшись в Хайфу, я доложил, что летная полоса выглядит вполне пригодной и что там много детей, с которыми смогут играть пилоты, если, конечно, мы когда-нибудь туда переберемся.

Три дня спустя Ю-88 всерьез взялись за Хайфу и бомбили ее почти без перерывов, поэтому мы переправили свои «Харрикейны» на кукурузное поле, и нам поставили большую палатку среди фиговых деревьев. Мы провели там всего несколько дней и чудесно поладили с детьми, но высокий бородач, увидев, что нас так много, замкнулся и держался обособленно. Он больше не откровенничал со мной, как при первой встрече, да и с остальными почти не разговаривал.

Крошечное поселение еврейских сирот называлось Рамат-Давид. Так записано у меня в бортижурнале. Есть там что-то сегодня или нет, я не знаю. Единственное похожее название, которое я отыскал у себя в атласе, это — Рамат-Довид, но это в другом месте. Много южнее.

ДОМОЙ

Я провел в Хайфе ровно четыре недели и летал по весьма напряженному графику (согласно моему борт-журналу, 15 июня я совершил пять вылетов и пробыл в воздухе в общей сложности восемь часов и десять минут), когда вдруг у меня начались страшные головные боли. Боль сжимала голову только во время полета и во время воздушного боя с врагом. Она наваливалась на меня на крутых виражах и при резкой смене направления, то есть когда тело подвергалось сильнейшей гравитационной нагрузке. Боль словно пронзала меня ножом. Несколько раз я от боли ненадолго терял сознание.

Я доложил об этом врачу эскадрильи. Он ознакомился с моей медицинской картой и мрачно покачал головой. Мое состояние, сказал он, вне всяких сомнений, является результатом тяжелых ранений головы, которые я получил, когда мой «Гладиатор» упал в Западной пустыне, и теперь мне ни в коем случае нельзя летать на истребителе. По его словам, если я его не послушаю, я могу потерять сознание в воздухе и тогда погибну сам и погублю самолет.

— И что теперь? — спросил я у врача.

— Вас спишут по инвалидности и отправят домой в Англию, — ответил он. — Мы больше не сможем использовать вас здесь.

*Хайфа, Палестина
28 июня 1941 года*

Дорогая мама!

Последнее время мы очень много летаем — наверное, ты слышала об этом по радио. Иногда я нахожусь в воздухе целых семь часов в день, а это для истребителя очень много. Во всяком случае, моей голове это оказалось не под силу, и вот уже три дня, как меня отстранили от полетов.

Мне, наверное, придется пройти еще одну медицинскую комиссию, и уже она решит, можно мне летать или нет. Они могут даже отправить меня в Англию, что в общем-то неплохо, правда?

Хотя, конечно, жалко, ведь я начинаю делать успехи. На моем счету 5 подтвержденных сбитых самолетов — четыре немца и один француз — и несколько неподтвержденных, и очень много сбитых во время атаки воздух-земля.

Мы потеряли четырех пилотов из эскадрильи за последние две недели, их сбили французы.

А во всем остальном эта страна — сплошное удовольствие и изобилие...

Я собрал вещевой мешок и попрощался со своим доблестным другом Дэвидом. Он остался в эскадрилье после окончания Сирийской кампании. Много месяцев провел он в Западной пустыне, сражаясь на своем «Харрикейне» с немцами. Ему предстояло получить награду за отвагу. А потом он погиб.

Я повел свой старый «Моррис-Оксфорд» назад в Египет, и на этот раз в Синайской пустыне было прохладнее. Я пересек пустыню за семь часов, остановившись только раз, чтобы долить бензин.

Вскоре я поднялся на борт большого французского роскошного трансатлантического лайнера «Иль-де-Франс», который теперь использовали для перевозки войск. Мы пошли на юг к Дурбану, там я пересел на другое судно для транспортировки солдат, название которого не помню. На этом корабле мы зашли в Кейптаун, а оттуда направились на север, к Фритауну в Сьерра-Леоне.

Там я сошел на берег и закупил буквально целый мешок лимонов и лаймов для родных в Англии, живущих по карточкам. Еще один мешок я доверху набил сахаром, шоколадом и банками с мармеладом — как мне было известно, дома таких вещей не достанешь.

В небольшой лавочке Фритауна я увидел отрезки роскошного довоенного французского шелка и купил всем сестрам на платья.

Путешествие из Фритауна в Ливерпуль оказалось опасным. Наше судно то и дело атаковали немецкие подвод-

ные лодки, а также дальнобойные немецкие бомбардировщики «Фокке-Вульфы», прилетавшие с запада Франции, и все военнообязанные на борту были закреплены за ручными пулеметами и зенитками «Бофорз», в изобилии рассыпанными на верхней палубе. Мы палили по тяжелым «Фокке-Вульфам», когда они пронеслись над нашими головами, и время от времени, если нам казалось, что из воды высовывается перископ, мы палили и по нему тоже. Каждый день на протяжении двух недель я думал, что наш корабль потопят либо бомбы, либо торпеды. Мы видели, как три другие корабля из нашего каравана пошли ко дну, и нам пришлось остановиться, чтобы подобрать уцелевших, а однажды бомба взорвалась рядом с кораблем, окатив все судно водой, и мы вымокли до нитки.

Но нам сопутствовала удача, и через две недели плаванья, черной сырой ночью в начале осени, мы вошли в порт Ливерпуля. Я сразу же сбежал по трапу и помчался искать телефонную будку, которая не пострадала во время бомбежек. Когда я наконец нашел работающий телефон, то буквально тряся от возбуждения при одной мысли о разговоре с матерью — в последний раз мы говорили три года назад. Она не могла знать, что я еду домой. Цензор не разрешал писать такие вещи в письмах, и сам я вот уже несколько месяцев ничего не слышал о своих родных. Письма из Англии не доходили до Хайфы.

Я вызвал междугороднего оператора и попросил соединить меня с моим старым номером в Кенте. После небольшой паузы телефонистка сказала, что этот номер отключили несколько месяцев назад. Я попросил ее выяснить подробности в справочном бюро. Нет, сказала она, ни в Бексли, ни в других городах графства Кент нет никого с фамилией Даль.

Судя по голосу, телефонистка была почтенной пожилой дамой. Я рассказал ей, что три года пробыл за границей и сейчас разыскиваю мать.

— Наверное, она переехала, — сказала телефонистка. — Видимо, ее дом, как и все прочие, постоянно бомбили, и ей пришлось перебраться в другое место.

Телефонистка оказалась настолько чуткой, что не стала говорить, что мои родные могли вообще погибнуть под бомбами, но я знал, о чем она думает, а она, вероятно, догадывалась, что я думаю о том же.

Я стоял в телефонной будке, прижимая трубку к уху, и думал, что скажу матери, если мне повезет и меня с ней все-таки соединят. Через какое-то время в трубке снова раздался голос телефонистки:

— Я нашла одну миссис Даль. Миссис С.Даль, она в Грендон-Андервуде. Это она?

— Да нет, — сказал я. — Вряд ли. Но большое вам спасибо за хлопоты.

Хотя на самом деле мне следовало сказать: «Давайте попробуем, вдруг повезет», — потому что, как оказалось, это и был новый дом моей матери.

На их дом в Кенте упала бомба, как раз тогда, когда мать с двумя моими сестрами и четырьмя собаками благоразумно пряталась в погребе. Выбрались они оттуда на утро, увидели на месте дома развалины и, недолго думая, втроем вместе с собаками погрузились в маленький семейный «Хиллман-Минкс» и через северную окраину Лондона выехали в графство Бакингемшир. Там они медленно колесили по деревушкам, высматривая дом с вывеской «Продается». В крошечной деревушке Грендон-Андервуд, в шестнадцати километрах к северу от Эйлсбери, они увидели белый коттедж с соломенной крышей, и на изгороди висела дощечка, которую они искали. У матери денег на такую покупку не было, но у одной из моих сестер имелись кое-какие сбережения, она тотчас купила дом, и они переехали.

Я ничего об этом не знал тем темным промозглым вечером в ливерпульских доках.

Я вернулся на корабль, забрал свой вещевой мешок и два мешка с лимонами, лаймами и мармеладом и, шатаясь под их тяжестью, побрел на вокзал и купил билет на лондонский поезд. Все следующее утро я просидел у окна, в изумлении глядя на зеленые английские поля. Я и забыл, как они выглядят. После пыльных равнин Восточной Африки и песчаных пустынь Египта они казались неестественно зелеными.

Мой поезд добрался до Лондона только к ночи. На Юстонском вокзале я закинул свои мешки на плечо и потащился по темным разрушенным улицам в сторону Вест-Энда. На Лестер-сквер я как-то умудрился отыскать в темноте маленькую невзрачную гостиницу. Войдя, я попросил у хозяйки разрешения позвонить по телефону. Форма Королевских ВВС и крылышки на кителе открывали все двери в Англии 1941 года. Битву за Англию выиграли истребители, а теперь уже и бомбардировщики наносили серьезный ущерб Германии. Администраторша поглядела на крылышки и сказала, что, разумеется, я могу воспользоваться ее телефоном.

Когда я взял в руки телефонную книгу Лондона, меня вдруг осенило. Я нашел имя своей сводной сестры, которая была замужем за биохимиком профессором А.А.Майлзом (тем самым, что курил козий табак, как это описано у меня в книге «Мальчик»). Они жили в Лондоне. Я нашел их номер и позвонил. Сестра подняла трубку, и я сообщил ей, что это я. Когда изумленные крики, наконец, смолкли, я спросил у нее, где моя мать и сестры. Они в графстве Бакингемшир, сказала она. Она сейчас же позвонит матери и сообщит ей эту сногшибательную новость.

— Не надо, — остановил ее я. — Дай мне ее номер. Я сам ей позвоню.

Сестра продиктовала мне номер, и я записал его. Еще она сказала мне, что я могу у нее переночевать, и я записал ее адрес в Хэмпстеде.

— Попробуй поймать такси, — сказала она. — Если у тебя нет денег, мы расплатимся с водителем, когда ты приедешь.

Я согласился.

Потом позвонил матери.

— Алло, — сказал я. — Это ты, мама?

Она сразу узнала мой голос и замолчала, пытаясь справиться со своими чувствами. Мы не виделись три года и за все это время ни разу не разговаривали.

В те времена люди не могли звонить друг другу из дальних стран, как это делают сейчас. А три года — срок немалый, если ждешь единственного сына, который

летает на самолетах-истребителях в Западной пустыне и в Греции.

Восемь месяцев назад на пороге своего коттеджа она увидела деревенского почтальона с желтым конвертом в руке. Все жены и матери жили в страхе, что однажды к ним в дверь постучится почтальон с таким письмом из военного ведомства. Многие не хотели даже открывать конверт. Они боялись прочитать лаконичное послание Министерства Обороны: «С прискорбием извещаем Вас о том, что ваш муж (или сын) погиб в бою», — и так далее. Они оставляли конверт на ночном столике — пусть откроет кто-то другой. Мать отложила конверт и стала ждать, когда вернется с работы одна из ее дочерей, которая водила грузовик. Тогда они вдвоем уселись на диване, моя сестра открыла конверт и развернула лист бумаги.

«С прискорбием извещаем вас, — было написано там, — что ваш сын ранен и находится в госпитале в Александрии».

Облегчение было невыносимым.

— Я бы что-нибудь выпила, — сказала тогда моя мать.

Сестра извлекла из буфета драгоценную бутылку, которую в те времена уже было невозможно купить, и они обе выпили по изрядной порции крепкого неразбавленного джина.

— Это действительно ты, Роальд? — прозвучал в трубке тихий голос матери.

— Я вернулся, — сказал я.

— Как ты?

— Нормально, — сказал я.

Наступила еще одна пауза, и я услышал, как она что-то шепчет одной из сестер, по-видимому, стоявшей рядом.

— Когда мы тебя увидим? — спросила она.

— Завтра, — сказал я. — Как только возьму билет на поезд. Я везу вам лимоны, лаймы и большие банки с мармеладом. — Я не знал, что еще сказать.

— Постарайся взять билет на утренний поезд.

— Так точно, — сказал я. — Сяду на самый ранний поезд.

Я поблагодарил хозяйку гостиницы, которая слышала весь разговор, сидя рядом с телефоном за маленьким

столиком, вышел на улицу и попытался поймать такси. Я стоял в крошечной темноте у гостиницы на Лестер-сквер, и вдруг ко мне подошли пятеро солдат.

— Гляди-ка, офицер, будь он проклят! — крикнул один. — Сейчас мы его отделаем!

Меня окружили злобные пьяные физиономии, к моему лицу уже потянулись кулаки, как вдруг один заорал:

— Эй, стой! Это же ВВС! Он летчик! У него крылышки, зараза!

И они развернулись и растворились во мраке.

Меня потрясло, что толпа пьяных солдат рыщет по темным улицам Лондона в поисках офицера, которого можно избить.

Такси так и не появилось, и я снова взгромоздил свои неподъемные мешки на плечи и зашагал по направлению к Хэмпстеду. От Лестер-сквер путь неблизкий — даже без трех огромных мешков, — но я был молод, силен, возвращался домой и, если надо, готов был пройти и двести километров.

До дома сводной сестры я добрался часа через два. Она радостно встретила меня, я вручил ей в подарок немного лимонов, лаймов и мармелада, а потом с удовольствием рухнул на кровать.

Рано утром они меня отвезли на вокзал Марилебон, и я сел на поезд до Эйлсбери. Дорога заняла час с четвертью. В Эйлсбери я нашел автобус, который, как заверил меня водитель, проедет прямо через деревню Грендон-Андервуд. Всю дорогу я без конца спрашивал сидевшего рядом старика, когда мы подедем к Грендон-Андервуду.

— Подъезжаем, — наконец сказал он. — Здесь нет ничего особенного. Несколько домиков и пивная.

Я заметил мать за сто метров. Она терпеливо стояла у калитки, дожидаясь автобуса, и я точно знал, что она стоит здесь уже часа два, с тех пор, как прошел самый первый автобус. Но что такое час или три по сравнению с трехлетним ожиданием?

Я жестом попросил водителя остановиться прямо у коттеджа и слетел со ступенек автобуса прямо в объятия матери.

Содержание

В дальние края	6
Дар-эс-Салам	22
Симба	29
Зеленая мамба	38
Начало войны	46
Мдишо из племени мванумвези	60
Летная школа	68
Как я выжил	80
Первая встреча с противником	100
Артиллерийский корабль	115
Афинское сражение	119
Предпоследний день	126
Крах в Аргосе	141
Палестина и Сирия	151
Домой	161

Роальд Даль
ПОЛЕТЫ В ОДИНОЧКУ

Редактор
Игорь Захаров

Художник
Григорий Златогоров

Верстка
Кирилл Лачугин

Корректор
Ирина Федюшова

ISBN 5-8159-0266-7

Директор издательства Ирина Евг. Богат

Издатель Захаров
Лицензия ЛР № 065779 от 1 апреля 1998 г.
121069, Москва, Столовый переулок, 4, офис 9
(Рядом с Никитскими воротами,
отдельный вход в арке)

Тел.: 291-12-17, 258-69-10

Факс: 258-69-09

Наш сайт: www.zakharov.ru

Подписано в печать 30.10.2002. Формат 84×108 $\frac{1}{32}$ Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 9,24. Бумага «Вulku».
Тираж 5000 экз. Изд. № 266. Заказ № 632.

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ГИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

ПОКУПАЙТЕ И ЧИТАЙТЕ КНИГИ «ЗАХАРОВА»!

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ Большая серия

ВАСИЛИЙ КАТАНЯН
«Прикосновение к идолам». Мемуары

ПУГАЧЕВА
«Алка, Аллочка, Алла Борисовна»
Неавторизованная биография. Автор А.Беляков

НАПОЛЕОН
Биография. Автор Э.Людвиг

ЕЛИЗАВЕТА II
Биография. Автор С.Бэдфорд. Перевод Г.Чхартшвили

ФАИНА РАНЕВСКАЯ
Вся жизнь. Автор А.Щеглов

РАНЕВСКАЯ. Случай. Шутки. Афоризмы
Бестселлер 1998—2001 годов. Тираж — четверть миллиона экз.

Князь ФЕЛИКС ЮСУПОВ
Воспоминания. Два тома в одной книге

РОМАНОВЫ
«Императорский дом в изгнании». Семейная хроника.
Автор В.Думин

Леди РЭНДОЛЬФ ЧЕРЧИЛЬ
Биография. Автор Р.Мартин

АЛЬБЕРТ ЭЙНШТЕЙН
Частная жизнь. Авторы П.Картер и Р.Хайфилд

МАША АРБАТОВА
«Мне много лет». Жизнеописание

ЛИДИЯ ЯКОВЛЕВНА ГИНЗБУРГ
Записные книжки. Новое собрание

Академик ЛАНДАУ
«Как мы жили». Воспоминания жены Кобы

БИСМАРК
Биография. Автор Э.Людвиг

ВИКТОР ТОПОРОВ
«Двойное дно». Признания скандалиста

Великий князь АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ
Воспоминания. Два тома в одной книге

ПИТЕР УСТИНОВ
«О себе любимом». Мемуары

«АНДРЕЙ МИРОНОВ И Я»
Любовная драма жизни. Автор Т.Егорова

АЛЕКСАНДР ЖУРБИН
Американские воспоминания

СОМЕРСЕТ МОЭМ
«Записные книжки писателя»

МАРИЯ БАШКИРЦЕВА
«Дневнику»

ЕВГЕНИЙ РУБИН
«Пан или пропал». Жизнеописание

РАСПУТИН
Воспоминания дочери Матрены

СТАЛИН
«Автобиография». Роман Ричарда Лури

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА
«Двадцать писем к другу». Воспоминания дочери Сталина

АЛЕКСАНДР БОВИН
«Пять лет среди евреев и мидовцев». Из дневника.
«Записки ненастоящего посла». Из дневника. Полный текст

МИХАИЛ ГЕРШЕНЗОН

Воспоминания дочери Наталии Гершензон-Чегодаевой

Императрица АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА

Биография. Автор Г.Кинг

ИОСИФ БРОДСКИЙ

«Большая книга интервью»

РОМАНОВЫ

«Биография династии. 1613—1999». Автор С.Скотт

АННА ТЮТЧЕВА

«При дворе двух императоров». Воспоминания

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

«Старая записная книжка» в редакции Л.Я.Гинзбург

ФИЛИПП ВИГЕЛЬ

«Записки». Полный текст двухтомного издания 1928 года

СЕРГЕЙ ДОВЛАТОВ и ИГОРЬ ЕФИМОВ

«Эпистолярный роман»

ПУШКИН

«Частная жизнь». Автор А.Александров

ЕВГЕНИЙ БОГАТ

«Что движет солнце и светила». Любовь в письмах

БРАТЯ КРИВЦОВЫ

Биография. Автор М.Гершензон

ЮРИЙ АННЕНКОВ

«Дневник моих встреч»

НАПОЛЕОН. Годы величия

Воспоминания секретаря Меневала и камердинера Констана

Великий князь ГАВРИИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ

«В Мраморном дворце». Воспоминания

ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЕ ЧУДАКИ И ОРИГИНАЛЫ

Сочинение Михаила Пыляева. Два тома в одной книге

ВЛАДИМИР ГОЛЯХОВСКИЙ

«Русский доктор в Америке». Жизнеописание

ПАСТЕРНАК

Мемуарная книга З.Маслениковой «Разговоры с Пастернаком»

Отец АЛЕКСАНДР МЕНЬ

Биография. Автор З.Масленикова

САМУИЛ АЛЕШИН

«Встречи на грешной земле». Воспоминания

СПУТНИКИ ПУШКИНА

Автор В.В.Вересаев. Два тома в одной книге

ЗИНАИДА ГИППИУС

Полный текст книг: «Дмитрий Мережковский» и «Живые лица»

НИКОЛАЙ I И ЕГО ЭПОХА

Составитель — М.Гершензон

ВЛАДИМИР МЕЩЕРСКИЙ

«Воспоминания». Три тома в одной книге

АНДРЕЙ МАКАРЕВИЧ

«Сам овца». Автобиографическая проза

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ

«Бабий Яр». Роман-документ

ФАДДЕЙ БУЛГАРИН

«Воспоминания»

Великая княгиня ЕЛИЗАВЕТА ФЕДОРОВНА

Биография. Автор В.Маерова

ГЕОРГИЙ ИВАНОВ

«Петербургские зимы» и другие воспоминания

ЛИЛЯ БРИК

Жизнь. Автор Вас.В.Катанян

ЗИНАИДА ГИППИУС

«Дневники»

ИРЕН ПИТЧ

«Пикантная дружба: Людмила Путина, ее семья и другие товарищи»

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ
«Три еврея, или Утешение в слезах»

МАРИНА ЦВЕТАЕВА
«Записные книжки»

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
«Взвихренная Русь»

АВДОТЯ ПАНАЕВА
«Воспоминания»

А.Г. ДОСТОЕВСКАЯ
«Воспоминания»

ГРАФ АЛЕКСЕЙ ИГНАТЬЕВ
«50 лет в строю»

ПРОТОПОП АВВАКУМ
«Житие»

НИКОЛАЙ ГРЕЧ
«Записки о моей жизни»

ЭММА ГЕРШТЕЙН
Мемуары

ГЕРЦОГ БЕДФОРДСКИЙ
«Рожденный в рубашке». Мемуары

КНЯЗЬ СЕРГЕЙ ВОЛКОНСКИЙ
«Родина». Воспоминания

АНАТОЛИЙ КУЗНЕЦОВ
«Между Гринвичем и Куреневкой». Письма матери

ИЛЬЯ РЕПИН
«Далекое близкое». Воспоминания

ДАВИД КАРАПЕТЯН
«Владимир Высоцкий». Воспоминания

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ
Биография. Автор — Гина Каус

НАДЕЖДА ДУРОВА
«Записки русской амазонки»

ПЕРЕВОДНАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сомерсет Моэм

Полное собрание рассказов в пяти томах

Гор Видал

Американская сага: «1876» и «Империя»

Джон Апдайк

Тетралогия о Гарри Энгстроме по кличке Кролик
«Кролик беги». «Кролик возвращается». «Кролик разбогател».
«Кролик успокоился»

Эрик Сигал

Три романа о любви

«История любви». «История Оливера»
«Мужчина, женщина и ребенок»

Кэтлин Уинзор

«Твоя навеки Эмбер». Исторический любовный роман в двух томах

Мари Дарьесек

«Хрюизмы». Современный французский роман

Роальд Даль

Собрание произведений гроссмейстера английского черного юмора
«Ночная гостья». «Хозяйка пансиона». «Книготорговец».
«Мой дядюшка Освальд» и другие книги для взрослых,
а также

«Чарли и шоколадная фабрика»

Детская повесть в переводе С.Кладо (Обломова)

«Чарли и стеклянный лифт»

Детская повесть в пересказе С.Кладо (Обломова)

«Матильда». Роман для детей и их родителей

Чарльз Диккенс

«Тайна Эдвина Друда»

Под редакцией и с приложениями М.Чегодаевой

Тоон Теллеген

«Не все умеют падать». Сказки для взрослых

Марк Левин
«А если это правда»
Бестселлер 2000 года, права на экранизацию купил С.Спилберг
за \$ 2 000 000!

Пьер Буль
«Планета обезьян». Фантастический триллер

РУССКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Лев Толстой. **Война и мир**. Первая редакция
Саша Черный. **Дневник Фокса Микки**. С илл. Ф.Рожанковского
Абрам Терц и Андрей Синявский. **Собрание сочинений** в трех томах
Сергей Корзун. **Видал я тебя**. Современный детектив
Владимир Качан. **Роковая Маруся**. Любовно-театральный роман
Сергей Обломов. **Медный кувшин старика Хоттабыча**. Сказка-быль
Борис Минаев. **Детство Лёвы**. Первая книга цикла
Владимир Матлин. **Замуж в Америку**. Восемнадцать рассказов
Мила Бояджиева. **Возвращение Маргариты**. Роман
Федор Михайлов. **Идиот**. Новый русский романъ
Лев Николаев. **Анна Каренина**. Новый русский романъ
Иван Сергеев. **Отцы и дети**. Новый русский романъ

ПОЭЗИЯ

Т.С.Элиот — Огдэн Нэш — Сильвия Плат — Хилэр Беллок
Двуязычные издания

Вера Павлова
«Четвертый сон». Лауреат Большой премии Аполлона Григорьева
«Интимный дневник отличницы». Неавторизованный сборник

Елена Кассирова
«Кофе на Голгофе»

Василий Бетаки
«Стихи разных лет»

persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and
persons and
persons and

persons and
persons and
persons and
persons and
persons and

В первой части этого повествования я направляюсь в Восточную Африку на первую в своей жизни должность, но в повседневной работе мало захватывающих событий, поэтому я расскажу лишь о тех моментах, которые глубоко засели в моей памяти. Во второй части этой книги, где описывается моя служба в ВВС, мне не пришлось выбирать или отбрасывать отдельные эпизоды, так как каждый момент — во всяком случае, для меня — был незабываемым.

